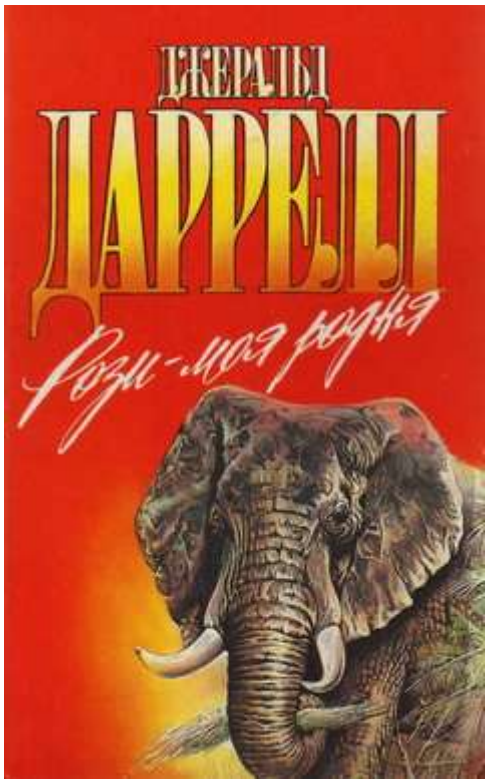
Джеральд Даррелл
Рози – моя родня

«Рози – моя родня»:
Издательство «Армада»; Москва; 1996; ISBN 5-7632-0293-7
Перевод: Лев Львович Жданов

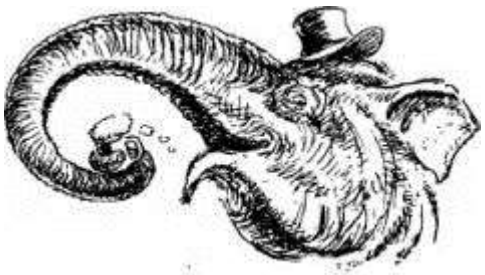
Аннотация

Книга всемирно известного зоолога и писателя Джеральда Даррелла – это рассказ об увлекательных приключениях мечтательного юноши Адриана и слонихи Рози, доставшейся ему в наследство от дяди-циркача. Путешествуя по Англии, они попадают в забавные ситуации, участвуют в праздниках и спектаклях, путешествуют по морю, веселят городскую детвору. Но из-за печального пристрастия слонихи к выпивке друзья привлекаются к судебной ответственности...

Джеральд Даррелл
Рози – моя родня
(с иллюстрациями)

НОЭЛЮ КАУЭРДУ, большому любителю толстокожих

ОТ АВТОРА

Хотя многие откажутся мне поверить, официально заявляю, что перед вами почти правдивый рассказ. Под этим я подразумеваю, что Рози и Адриан Руквисл существовали на самом деле. На мою долю выпала честь лично встречаться с Рози. Почти все описанные в книге приключения происходили в действительности. Я всего лишь кое-что добавил и немного приукрасил.

Я глубоко благодарен мисс Айлин Мэлоуни – это от нее я узнал про Рози и Адриана Руквисла, так что она первоисточник сей сказочной истории.

Хочу также поблагодарить лорда Котэнча, джерсийского бейлифа сэра Роберта Ле Мазурье и секретаря бейлифа, мистера Катленда за любезное разрешение присутствовать на заседании суда в Сент-Хельере, чтобы проникнуться тем, что авторы любят несколько высокопарно называть атмосферой. Я благодарен также мистеру Джону Лэнгину, который проверил, насколько точно мною изложены юридические процедуры. Спешу, однако, добавить, что мое толкование закона совершенно не согласуется с тем, как отправляется правосудие на острове Джерси.

Еще я благодарю мистера Суонсона, позволившего мне заглянуть за кулисы Королевского оперного театра и поведавшего много увлекательных деталей из его истории.

Мистер Дуглас Мэтьюз, сотрудник Лондонской библиотеки, не пожалел сил, подбирая для меня книги, относящиеся к описанному периоду. И вновь хочу подчеркнуть – если я в чем-то ошибся, это моя вина, а не его.

И наконец, я просто обязан поблагодарить мою секретаршу, мисс Дорин Эванс, которая весьма кстати перед тем, как прийти ко мне, служила секретарем коронера и делопроизводителем в судебных органах и снабжала меня полезными сведениями в ходе написания этой книги.

Джеральд Даррелл

Глава первая
УЖАСНЫЙ ПОСТУПОК ОДНОГО ДЯДЮШКИ

Нимало не подозревая, что уготовила ему судьба, Адриан Руквисл стоял в одной рубашке перед зеркалом и сам себе корчил рожи. У него было заведено каждый день в семь утра, в своей спальне наверху, общаться таким образом с собственным отражением. Зеркало было большое, в позолоченной широкой раме, и рябая серая поверхность его походила на щербатый лед водоема под конец суровой зимы. Сам Адриан и его комната казались в зеркале окутанными мутной мглой, как если бы на них глядели сквозь густую паутину. Адриан созерцал свое отражение с известной долей неприязни.

– Тридцать лет, – укоризненно произнес он. – Тридцать лет… Половина жизни прошла! А что ты повидал? Что совершил? Ничего!

Его сердитому взору решительно не нравилась взъерошенная темная шевелюра, которую, сколько ни мочи водой, невозможно было пригладить, не нравились большие, томные карие глаза, не нравился широкий рот.

– Весьма непривлекательное лицо, – заключил он. Прищурил глаза, скривил губы, изображая презрительную усмешку, сделал глубокий вдох, выразительно расширив ноздри.

– Сэр, – прорычал он сквозь стиснутые зубы, – немедленно отпустите эту леди, или я буду вынужден заняться вами. При всем вашем невежестве вы не можете не знать, что я лучший в этой стране фехтовальщик.

Адриан помолчал, изучая свое отражение, и вынужден был признать, что, как бы ему того ни хотелось, отнюдь не похож на лучшего в этой стране фехтовальщика. Приключения, решил он не так давно, вот в чем он остро нуждается, однако все говорило за то, что людям с таким лицом, как у него, не приходится рассчитывать на приключения. *Был* один случай (про который он не мог вспомнить без краски стыда), когда вроде бы сбылась его мечта, когда Адриан остановил понесших, как ему казалось, коней, да только кони эти были впряжены в пожарную повозку, вызванную для спасения людей. Перелом ноги в результате сего подвига был ничто перед тем, какую выволочку он получил от магистрата, не говоря уже о том, что охваченный огнем магазин сгорел дотла.

Адриан явился на свет как плод союза его преподобия Себастьена Руквисла и Ровены Руквисл. Родители зачали его в минуту умственного помрачения, нарушившую долгое и чрезвычайно скучное течение супружества, всецело посвященного исполнению заветов Господних. И Адриан очень долго пребывал в убеждении, что его родитель – единственный в стране человек, кому открыт прямой доступ к Всевышнему. Отец воспринял появление Адриана с некоторым замешательством, мать – с приятным удивлением.

Его детство и юность в деревне Мидоусвит были такими безмятежными, такими безгрешными и скучными, что не оставили в памяти Адриана почти никаких следов. Мидоусвит было одним из тех маленьких глухих селений, где люди толковали исключительно о метеорологии и агрикультуре, заменяя слова нечленораздельными звуками, и где главным событием дня были потрясающие воспоминания о том, как десять лет назад корова фермера Рэддла родила двойню. Вот в такой обстановке рос Адриан, и единственным его развлечением были подмена звонаря на колокольне, еженедельные безалкогольные вечеринки в доме священника и посещение тех недужных членов сельской общины, кому недоставало сил обороняться от тяжеловесного попечительства преподобного Руквисла.

Когда Адриану исполнилось двадцать лет, его родители разом переселились в мир иной, ибо Всевышний (в припадке рассеянности) забыл известить преподобного Руквисла о том, что мост на дороге между Мидоусвит и Хелибо смыт бурным потоком. И остался Адриан без матери, отца и обители. Сбережения родителя оказались настолько скромными, что их как бы вовсе не существовало, и стало очевидно, что Адриану придется зарабатывать на жизнь собственным

трудом. И вот в один из дней ослепительного лета 1890 года, вооруженный рекомендательным письмом одного из друзей покойного отца, он прибыл в огромный, размашистый, шумный, рокочущий, окутанный дымом Город, где и стал клерком в почтеннейшем заведении господ Биндвида, Корнелиуса и Чантера, поставщиков зелени и фруктов для благородных леди и джентльменов. Здесь он провел десять полных напряженного труда, но достаточно бесцветных лет, получая в неделю щедрое вознаграждение в размере пятнадцати шиллингов. Однако Адриан чувствовал, что вправе требовать от жизни чего-то сверх прозябания в рамках торгового заведения господ Б., К. и Ч. В последнее время мысль об этом всецело завладела его мозгом, и он постоянно обсуждал ее со своим отражением в зеркале.

– *Другие* люди, – бормотал он, ходя взад-вперед по комнате и время от времени посматривая на зеркало, чтобы убедиться, что никуда не делся, – *другие* люди ведут кипучую, интересную жизнь. С ними происходят удивительные вещи… у них бывают *приключения.* Так почему же я этого лишен?

Он снова остановился перед зеркалом. Прищурил глаза. Изобразил презрительную усмешку.

– Я вас предупредил, сэр, – повторил он голосом, дрожащим от плохо скрываемой страсти, – отпустите эту леди, не то вам будет худо.

В подтверждение этой угрозы он неловко рубанул воздух рукой, сбив на пол щетку для волос.

Собственные мысли настолько поглотили внимание Адриана, что его слух не уловил странные звуки: глухое постукивание и протяжное сопение, долженствующие предупредить о том, что хозяйка дома вознамерилась совершить одну из своих редких вылазок в мансарду. Громоподобный стук в дверь заставил Адриана подскочить так, что он выронил воображаемую шпагу.

– Вы здесь, мистер Руквисл? – осведомился гулкий баритон миссис Лавинии Дредж, как если бы она меньше всего на свете ожидала застать его в этой обители.

– Здесь, здесь, миссис Дредж, – откликнулся Адриан, спешно проверяя взглядом, не вызовет ли что-нибудь в комнате осуждение хозяйки. – Входите.

Миссис Дредж распахнула дверь и прислонилась к косяку, шумно дыша, будто левиафан, всплывший на поверхность из пучины вод. Мощи ее костяка мог бы позавидовать чистопородный тяжеловоз, и на этом прочном каркасе висели толстые, мягкие, пышные валики грузной плоти. Масса сия нуждалась в солидной подпорке в виде корсета с хитроумной шнуровкой, из-за чего телеса миссис Дредж издавали тревожный скрип и хруст при каждом ее вздохе. Возвышающуюся на голове прическу из черных волос скреплял целый лес шпилек, а толстую шею облекало множество ниток бус и кулонов, которые дружно позвякивали, когда вздымался могучий бюст.

Столь раннее появление миссис Дредж повергло Адриана в панику. Что за ужасное преступление мог он совершить на этот раз? Адриан точно помнил, что тщательно вытер ботинки, входя в дом накануне вечером… Забыл выпустить погулять кота? Да нет, выпустил вовремя. Не навел порядок в ванной после себя?

– Вы… э… вы желаете видеть меня? – спросил Адриан, отлично сознавая бессмысленность этого вопроса.

Как будто миссис Дредж стала бы влачить свое оплывшее тело вверх по трем лестничным маршам, не двигай ею желание видеть его. Но так уж принято изъясняться в Англии… Миссис Дредж ответила, что и впрямь желает его видеть. После чего, наморщив ноздри и верхнюю губу, втянула носом воздух так энергично, что приметные усы ее зашевелились, как трава от ветра.

– Надеюсь, мистер Руквисл, вы не *курите* здесь в комнате? – зловеще вопросила она.

– Нет-нет, видит Бог, – поспешно ответил Адриан, лихорадочно соображая, надежно ли укрыта его трубка от этих пытливых черносмородинных глаз.

– Очень рада, – сказала миссис Дредж, сопровождая эти слова глубоким вздохом, на который ее подпоры отозвались весьма мелодичным скрипом. – Мистер Дредж никогда не курит в доме.

Адриан уже в самом начале своего проживания в доме миссис Дредж узнал, что ее супруг умер (вероятно, расплющенный ее тяжестью, предположил он). Однако миссис Дредж твердо верила в загробную жизнь, а потому всегда говорила о муже так, словно он сохранил местожи-

тельство, что постоянно приводило в замешательство Адриана. Его преследовало кошмарное видение, как он однажды встретится лицом к лицу с мистером Дреджем (аккуратно набитым конским волосом, с блестящими стеклянными глазами) на лестничной площадке или в холле внизу.

– Я поднялась, чтобы разбудить вас, – сообщила миссис Дредж, – на случай, если вы заснули.

– О, спасибо, большое спасибо, – сказал Адриан.

Ее внезапная беспрецедентная заботливость сильно озадачила его.

– А еще, – продолжала миссис Дредж, буравя его укоризненным взглядом своих черных бусинок-глаз, – на ваше имя пришло письмо.

Меньше всего на свете Адриан ожидал услышать от нее такое. После смерти родителей он никогда ни от кого не получал писем. Немногочисленные друзья обитали настолько близко, что у них не было нужды обращаться к услугам почты.

– Письмо? Вы *уверены,* миссис Дредж? – растерянно спросил Адриан.

– Да, – твердо произнесла она. – Письмо, адресованное вам. – И добавила, как бы затем, чтобы не оставалось никаких сомнений: – В конверте.

Адриан уставился на нее, и миссис Дредж слегка порозовела и приосанилась.

– Мистер Дредж, – надменно произнесла она, – постоянно получает письма, мне ли не знать, как они выглядят.

– Да, да, конечно, – поспешил отозваться Адриан. – Но это чрезвычайно странно… Не представляю себе, кто бы мог написать мне письмо. Большое спасибо, миссис Дредж, спасибо, что поднялись, чтобы сказать мне об этом. Право же, вам не стоило так беспокоиться.

– Не за что, – величественно сказала миссис Дредж, разворачивая свою тушу к лестнице. – Мистер Дредж всегда говорит – поступай с ближним так, как желаешь, чтобы поступали с тобой, только он теперь, вероятно, лишен такой возможности в отличие от вас.

С этими словами она принялась тяжело спускаться вниз по ступенькам, меж тем как Адриан, закрыв дверь, возобновил свое хождение взад-вперед. Мысль о том, кто мог быть автором письма, не давала ему покоя. Надевая галстук с воротничком и пиджак, он пришел к выводу, что потратить полпенни на марку для него могли только Биндвид, Корнелиус и Чантер, пожелавшие довести до сведения Адриана, что более не нуждаются в его услугах. Одолеваемый мрачными предчувствиями, он скатился вниз по лестнице и вошел на кухню. Миссис Дредж была поглощена своим ежедневным бескомпромиссным поединком с кастрюлями, сковородами и прочей кухонной утварью, с коей большинство женщин пребывает в дружбе, тогда как миссис Дредж видела во всех этих предметах непримиримых врагов. Адриан сел за стол, и в самом деле, рядом с его тарелкой лежал конверт, на котором чья-то рука каллиграфическим почерком вывела его фамилию и адрес. Миссис Дредж проковыляла от плиты к его столу, сжимая в могучей руке сковороду с изрядной порцией обугленного черного пудинга, которую и вывалила на тарелку Адриана. Поднявшийся над пудингом синеватый дымок вызвал у обоих легкий приступ кашля.

– Мистер Дредж любит черный пудинг, – сообщила миссис Дредж, как бы оправдываясь.

– В самом деле любил? Я хотел сказать – любит? – Адриан поковырял вилкой горелую корку. – Должно быть, этот пудинг очень полезен для здоровья.

– Совершенно верно, – удовлетворенно произнесла миссис Дредж. – Он только на нем и держится.

Адриан засунул в рот кусок горячего, безвкусного, напоминающего кожу вещества и попытался придать лицу выражение приятности.

– Вкусно, правда? – осведомилась миссис Дредж, устремив на него ястребиный взгляд.

– Восхитительно! – вымолвил Адриан, с трудом ворочая обожженным языком.

Миссис Дредж тяжело опустилась на стул и водрузила на столешницу свой массивный бюст.

– Ну? – спросила она, нацелив взор черных бусинок на письмо. – Разве вы не собираетесь прочесть письмо?

– Как же, как же, – ответил Адриан, борясь с нежеланием вскрывать конверт. – Одну минутку. Этот черный пудинг бесподобен, миссис Дредж.

Однако миссис Дредж не поддалась на его попытку перевести разговор на гастрономические темы.

– Может быть, там что-то важное, – настаивала она.

Адриан вздохнул и взял в руки конверт. Он знал, что ему не будет покоя, пока он не прочтет письмо и не поделится с ней его содержанием. Ощущая на себе пристальный взгляд миссис Дредж, он вскрыл конверт и развернул лежащие в нем два листка бумаги.

Первые же слова заставили его напрячься, ибо письмо начиналось обращением: «Мой дорогой племянник». Адриан смутно вспомнил, что, когда ему было лет десять, к ним неожиданно явился дядюшка Эймос в сопровождении трех унылых колли и зеленого попугая, в совершенстве владеющего самыми короткими и ядовитыми словами английского языка.

Дядюшка остался в памяти Адриана как жизнерадостный добрый человек, чье внезапное появление вкупе с лингвистическими способностями зеленого попугая оказались непосильным испытанием даже для обычно весьма терпимого преподобного Себастьена Руквисла. Погостив два-три дня, дядюшка Эймос исчез таким же таинственным образом, каким явился. Отец рассказал потом Адриану, что Эймос был паршивой овцой в семье, человеком «с моральными изъянами», и поскольку речь явно шла о больном вопросе, Адриан больше никогда не заговаривал о дядюшке.

Читая теперь письмо дядюшки, он чувствовал, как у него глаза лезут на лоб, а под ложечкой все сжимается так, будто чья-то рука вдруг проворно удалила желудок вместе с содержащимся в нем черным пудингом.

«Мой дорогой племянник,

вряд ли ты помнишь тот случай, когда я энное число лет назад познакомился с тобой в довольно отвратительной обители, где поселились твои отец и мать. Впоследствии до меня дошло известие об их кончине, не очень, должен сознаться, меня огорчившее, поскольку во всех моих разговорах с ними за много лет твои родители давали мне понять, что их единственное желание покинуть эту жизнь и предаться лону Всевышнего. Однако в силу этого обстоятельства выходит, что ты теперь мой единственный здравствующий родственник. В моей памяти ты остался довольно славным пареньком, хотя почем знать – быть может, за последовавшие годы родители сумели набить твою головушку всякой ерундой и бреднями.

Как бы то ни было, мое нынешнее состояние не располагает к тому, чтобы поминать старое. Здешний эскулап довел до моего сведения, что мне осталось недолго жить. Не скажу, чтобы мысль об этом особенно тревожила меня – я прожил содержательную жизнь, и на моем счету почти все наиболее приятственные грешки. Однако меня заботит судьба моего сотоварища. Мы провели вместе последние восемнадцать лет, делили радости и невзгоды. А потому не хотелось бы думать, что после моей кончины она останется в мире без единого друга, без мужчины, который присмотрел бы за ней. Намеренно говорю «мужчины», ибо она не ладит с представительницами собственного пола.

Основательно поразмыслив, я решил, что именно ты – как мой единственный здравствующий родственник – мог бы взять на себя эту обязанность. Что касается финансовой стороны, полагаю, это не станет для тебя таким уж непосильным бременем, поскольку, обратясь в Сити в торговый банк «Эмесер энд Твист» на Коттонуолл-стрит, 110, ты обнаружишь, что там на твое имя положены деньги в количестве 500 фунтов стерлингов. Прошу тебя использовать их на пропитание Рози, к коему она привычна.

Сцены на смертном одре всегда неприятны, а потому я немедленно направляю Рози к тебе, чтобы избавить ее от тягостного созерцания того, как я испускаю последний вздох. Так что фактически она должна прибыть почти одновременно с этим письмом.

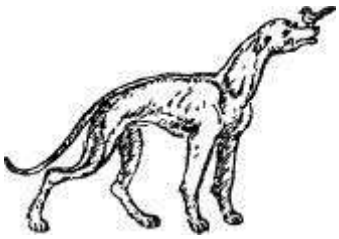
Что бы ни говорил обо мне твой отец (вероятно, вполне справедливо), я совершаю хотя бы одно благое деяние за все мое отменно растленное бытие. Твой родитель, при всей его бесхарактерности, всегда был защитником горемык, оставшихся на свете без друзей, и мне остается только надеяться, что ты унаследовал эту черту. А потому прошу: позаботься о Рози. Моя болезнь явилась для нее большим потрясением, и я уповаю на то, что ты сумеешь утешить ее.

Искренне любящий тебя дядя
Эймос Руквисл

P.S. К сожалению, Рози – в какой-то мере по моей вине – небезразлична к тому, что твой отец (большой любитель избитых выражений) частенько называл «сатанинской влагой». Умоляю тебя следить за ее употреблением алкоголя, ибо неумеренность делает ее строптивой. Так

ведь она, увы, не единичный случай.

Э.Р.»

Глава вторая
ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

Адриану казалось – весь мир окутался серой мглой и по спине вверх-вниз, наперекор закону тяготения, катилась струйка ледяной воды. Через тупое жужжание в ушах с трудом пробился голос миссис Дредж.

– Ну? – спросила она. – И что же вам пишут? «Видит Бог, – подумал Адриан, – вот уже чего я не

могу ей сказать».

– Это… это письмо… гм… от… э… одного из друзей моего отца, – начал он лихорадочно импровизировать. – Просто он подумал, что мне будет интересно узнать, что происходит там, в деревне.

– После десяти лет молчания? – фыркнула миссис Дредж. – Долго же он собирался!

– Да… да, долгонько, – ответил Адриан, пряча письмо в карман.

Однако миссис Дредж была не из тех людей, от кого можно отделаться кратким изложением. Собственное ее душераздирающее описание кончины мистера Дреджа обычно занимало не менее полутора часов, так что столь легковесный пересказ содержания письма на двух листах никак не мог ее удовлетворить.

– Ну, и как они там поживают? – осведомилась она.

– О, – сказал Адриан. – Все как будто здоровы, понимаете.

Миссис Дредж продолжала ждать, не сводя с него требовательных черных глаз.

– Кое-кто из тех, кого я знал, сочетался браком, – в отчаянии сочинял Адриан. – И у многих родились дети.

– Это вы о тех, – с надеждой вопросила миссис Дредж, – кто сочетался браком, или о других?

– О тех и о других, – ляпнул Адриан и тут же спохватился: – Нет-нет, конечно же о женатых. Как бы то ни было, все они прекрасно… э… прекрасно себя чувствуют, и я должен… гм… написать им и поздравить…

– Поздравить тех, кто сочетался браком? – Миссис Дредж во всем стремилась к полной ясности.

– Ну да, – ответил Адриан. – Их и тех, разумеется, у кого родились дети.

Миссис Дредж вздохнула. Она совсем не так представляла себе изложение тех или иных событий. Будь это *ее* письмо, уж она-то сумела бы по капле заполнять пустоты, целую неделю

потчевала бы Адриана новыми подробностями и рассуждениями.

– Ну что ж, – философически заключила она, поднимаясь на ноги, – будет вам чем занять свои вечера…

Адриан, у которого все кружилось в голове от невероятного послания дядюшки, поспешно затолкал в рот противные остатки черного пудинга, запил их чаем и встал из-за стола.

– Уже уходите? – удивилась миссис Дредж.

– Да, хочу по пути на работу зайти к мистеру Паклхэммеру.

– Только вы уж не проводите с *ним* слишком много времени, – строго произнесла миссис Дредж. – Общение с этим господином может дурно повлиять на такого честного, порядочного молодого человека, как вы.

– Да-да, пожалуй, вы правы, – кротко отозвался Адриан. Он числил мистера Паклхэммера в ряду своих самых близких друзей, однако не был расположен сейчас затевать спор по этому поводу.

– И не опаздывайте на ужин, – добавила миссис Дредж. – Я раздобыла отличный кусок трески.

«Не очень-то заманчивый повод для пунктуальности», – подумал Адриан, однако пообещал не опаздывать и поспешил выскользнуть из дома, пока миссис Дредж не изобрела новую тему для долгого разговора.

Мистер Паклхэммер, по профессии плотник и гробовщик, владел обширным лесным складом в полукилометре от дома миссис Дредж. Несколько лет назад Адриан впервые зашел туда, чтобы договориться о починке большого деревянного сундука. Они сразу прониклись взаимным расположением, которое со временем переросло в прочную дружбу. Адриан в силу природной робости трудно сходился с людьми, и мистер Паклхэммер стал для него чем-то вроде духовника. Вот и теперь ему не терпелось возможно скорее дойти до лесного склада и обсудить со своим другом письмо, грозящее разрушить самые основы его покойного налаженного бытия. Адриан не сомневался, что мистер Паклхэммер научит его, как поступить.

Торопливо шагая по тротуару, он говорил себе, что отец, похоже, был прав в своих оценках характера дядюшки Эймоса. Разве можно делать *такое?* Деньги – деньгами, ладно (что ни говори, щедрый жест), но разве можно вот так, ни с того ни с сего, навязывать ни в чем не повинному племяннику предающуюся пьянству леди неопределенного возраста? Это просто бесчеловечно. Тут Адриана поразила еще одна ужасная мысль, и он остановился так круто, что с его головы слетел котелок. Ему вспомнились слова отца о том, что дядюшка Эймос работал в цирках и на ярмарках. Вдруг эта Рози – акробатка или, еще хуже – одна из тех отчаянных прытких особ, что стоят в покрытом блестками трико на спине у скачущей лошади? Худо, когда тебе сажают на шею акробатку, но когда к тому же эта акробатка – пьяница, это уже слишком. И как только *мог* его дядюшка так поступить с ним? И, подхватив с земли свой котелок, Адриан чуть не бегом ворвался на территорию склада мистера Паклхэммера.

Хозяин склада, коренастый коротыш с лицом добродушного бульдога, сидел на только что сколоченном гробе, заканчивая утреннюю трапезу, состоящую из доброй кружки пива и огромного бутерброда с сыром. В длинном ряду былых его подвигов было звание чемпиона по вольной борьбе и поднятию гирь. Непомерное увлечение спортом превратило его в сплошную гору мышц, так что теперь, хотя каждый мускул и каждая связка выступали узлами, словно воск на тающей свече, он с трудом передвигался по земле.

– Привет, парень, – поздоровался он с Адрианом, дружелюбно взмахнув рукой, сжимающей бутерброд. – Будешь завтракать со мной? Как насчет глотка пива?

– Нет-нет, – вымолвил бледный от волнения, запыхавшийся Адриан. – Мне нужен твой совет.

– Как-как? – Мистер Паклхэммер поднял свои косматые брови. – Что случилось? У тебя такой вид, будто ты встретился с призраком.

– Хуже, куда хуже, – драматическим тоном произнес Адриан. – Я пропал… вот, прочти.

И он протянул мистеру Паклхэммеру письмо.

– Я не умею читать, – сообщил тот, с интересом разглядывая конверт. – Все как-то некогда было научиться – то одно, то другое. Прочти мне сам, парень.

Дрожащим голосом Адриан изложил мистеру Паклхэммеру суть послания дядюшки Эймоса. Когда он закончил, наступила тишина – мистер Паклхэммер засунул в рот изрядный кусок

бутерброда и принялся задумчиво жевать.

– Ну, – не выдержал наконец Адриан, – что мне делать?

– Что делать? – Мистер Паклхэммер удивленно проглотил хлеб с сыром. – Очень просто, делай то, о чем тебя просит твой дядя.

Адриан изумленно уставился на своего друга – или тот ничего не понял, или помешался умом?

– Но разве это *возможно?* – повысил он голос. – Как я могу взять на себя заботу о незнакомой особе женского пола… незнакомой *пьющей* особе? Миссис Дредж ни за что не впустит ее в дом… И как насчет моей работы? Господи, да меня сразу уволят, если узнают. И предположим, что она – одна из этих акробаток, как мне быть тогда?

– Не вижу, что в этом плохого, – рассудительно произнес мистер Паклхэммер. – Сам однажды видел такую. Симпатичная толстушка, вся в блестках. Очень милая куколка.

– О Господи, – страдальчески молвил Адриан. – Надеюсь, она не явится сюда вся в блестках!

– Ничего не скажешь, – задумчиво продолжал мистер Паклхэммер, – ничего не скажешь – пятьсот фунтов приличные деньги, очень даже приличные. Послушай, с таким состоянием ты мог бы оставить работу… сколько раз говорил, что хотел бы уйти оттуда.

– А как насчет пьющей особы? – саркастически вопросил Адриан.

– Ну, вы могли бы совсем неплохо жить вдвоем на сто двадцать в год, а за четыре года успели бы открыть какое-нибудь небольшое дело. Если она выступала на ярмарках, вы могли бы устраивать кукольные представления, что-нибудь вроде «Панч и Джуди». У меня есть вполне приличная ширма с куклами, могу дешево уступить.

– Я вовсе не намерен следующие четыре года проводить в обществе покрытой блестками пьяной толстушки, изображая Панча и Джуди, – отчетливо и громко провозгласил Адриан. – Хотелось бы услышать от тебя что-нибудь более дельное.

– Не вижу, парень, из-за чего ты так волнуешься, – сурово молвил мистер Паклхэммер. – Тебе подносят на блюдечке богатое наследство и бабу в придачу. Сотни молодых людей были бы не прочь очутиться на твоем месте.

– Готов хоть сейчас уступить им это место, – выпалил Адриан. – Если они согласны остаток жизни провести вместе с пьяной акробаткой, вперед!

– Твой дядюшка не говорит, что она *все время* пьяная, – справедливо заметил мистер Паклхэммер. – Может, она даже очень милая. Почему бы тебе не дождаться ее и тогда уже делать выводы?

– Я и так живо представляю себе ее, и меня заранее жуть берет, – сказал Адриан. – Да я даже не знаю ее фамилии.

– Ничего, тебе известно ее имя, а это главное, – философически заметил мистер Паклхэммер. – С ходу обеспечены более интимные отношения.

– *Я не желаю* никаких интимных отношений с ней! – воскликнул Адриан и продолжал, осененный вдруг ужасной мыслью: – Боже мой! Что будет, если она явится, когда я буду на работе, и ее встретит миссис Дредж?!

– В самом деле, – задумчиво произнес мистер Паклхэммер. – Ты попал в точку. Постарайся как-нибудь избежать этого.

Пока Адриан ходил взад-вперед, лихорадочно соображая, как ему поступить, мистер Паклхэммер не спеша допил свое пиво и вытер рот.

– Придумал, – объявил наконец Адриан. – Понимаешь, сегодня у миссис Дредж особый день… она отправится на кладбище навестить мистера Дреджа, обычно в таких случаях возвращается домой только вечером. Если как-то сообщить на работу, скажем, что я заболел, тогда я остался бы дома и сам встретил Рози.

– Превосходная мысль, – отозвался мистер Паклхэммер. – Вот что, я пошлю в твою лавку своего подмастерья Дэви, пусть скажет, что ты болен, так что больше не думай об этом. Лучше быстренько дуй домой и поглядывай на дорогу. Я буду здесь, если тебе что-нибудь понадобится.

И Адриан, проклиная день, когда ему вздумалось мечтать о приключениях, поспешил вернуться к дому миссис Дредж и притаился за углом. Вскоре он увидел с облегчением, как она выходит на улицу в просторной черной бомбазиновой накидке, на голове – широкополая пурпурная шляпа, одна рука сжимает огромный букет роз, еженедельное приношение на могилу мистера

Дреджа. Проплыв по улице, словно могучий грозный галеон, она скрылась из виду вдали.

Адриан снова принялся ходить взад-вперед, перебирая в уме самые разные, в основном неосуществимые варианты решения ужасной проблемы. Бежать, наняться на какой-нибудь корабль… Исключено: он, а точнее, его желудок не создан для морской карьеры, ибо его укачивает даже на верхнем этаже еле-еле ползущей конки. Прикинуться мистером Дреджем и заявить госпоже Рози, что Руквисл, увы, только что умер? Как ни заманчив был такой вариант, следовало признать, что для успеха тут потребовался бы более искусный мастер перевоплощения.

«Ничего не поделаешь, – лихорадочно соображал Адриан, вытирая носовым платком вспотевшие ладони, – придется мне попросту проявить твердость. Объясню, что перед ней – молодой человек, прокладывающий себе путь в жизни, и что на данном этапе я не могу брать на себя ответственность за благо посторонней женщины. Отдам ей эти пятьсот фунтов, и пусть уходит. А если она вдруг разрыдается, закатит истерику? Или, хуже того, явится пьяная и начнет буянить?» От этой мысли его прошиб пот. Нет, он должен оставаться непреклонным, любезным, но твердым. И в надежде, что в нужный момент он и впрямь сумеет быть любезным, но твердым, Адриан снова принялся ходить взад-вперед перед домом.

К полудню нервное напряжение достигло такой степени, что достаточно было листку сорваться с дерева, чтобы Адриан непроизвольно вздрагивал. Он уже решил, что лучше смерть, чем такое мучительное ожидание, когда на дороге показалась повозка, огромный фургон, влекомый восемью обессиленными лошадьми, которых погонял холерического вида невысокий крепыш в ярко-желтом котелке и жилете в красно-желтую клетку. Адриан лениво соображал, что может помещаться в такой махине, а крепыш в желтом котелке явно приближался к месту назначения, ибо он вытащил из кармана листок бумаги и поглядывал на него, сверяясь с номерами домов. К великому удивлению Адриана, он придержал лошадей как раз возле дома миссис Дредж. Что бы это такое, спросил себя Адриан, могла приобрести его скаредная хозяйка? В фургоне таких размеров могло поместиться что угодно… Он подошел и посмотрел на возницу, который вытирал лицо большим носовым платком.

– Доброе утро, – поздоровался Адриан, сгорая от любопытства.

Крепыш утвердил на голове свой котелок и устремил на Адриана испепеляющий взгляд.

– Доброе, – небрежно отозвался он, – если оно в *самом деле* такое, в чем я лично сомневаюсь.

– Вы… э… привезли что-нибудь для этого дома? – спросил Адриан.

– Ага, – сказал возница, еще раз сверяясь с листком бумаги. – По крайней мере, груз предназначен для некоего мистера Руквисла.

Адриан вздрогнул, обливаясь холодным потом.

– Руквисл… вы уверены? – слабо вымолвил он.

– Ну да. Руквисл. Мистер А. Руквисл.

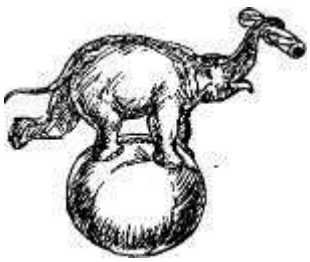
– Я – мистер А. Руквисл, – дрожащим голосом произнес Адриан. – Что…

– А! – Возница вперил в него злобный взгляд. – Так это вы мистер Руквисл, точно? Что ж, чем скорее вы заберете свое имущество, тем лучше для меня.

Спустившись с козел, он протопал назад вдоль фургона, и Адриан, последовав за ним, увидел, что крепыш сражается с массивными дверцами.

– Но что вы такое привезли? – в отчаянии воскликнул Адриан.

В ответ возница распахнул широкие дверцы, и потрясенному, недоверчивому взору Адриана предстал весь в складках, большущий и чрезвычайно добродушный с виду слон.

Глава третья

КОШМАРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

– Вот оно, – удовлетворенно произнес возница, – получайте ваше имущество.

– Не может быть, – чуть слышно молвил Адриан. – *Мое?* Не может быть. Я не хочу никакого слона.

– Ну знаете, – с некоторой резкостью сказал возница, – я ведь всю ночь ехал, чтобы доставить вам эту чертову скотину. Вы – мистер А. Руквисл, стало быть, скотина – ваша.

Адриан мысленно вопрошал себя – может быть, пережитые за это утро потрясения повлияли на его рассудок? С каким ужасом думал он о том, что придется уживаться с акробаткой, так на тебе! – не что-нибудь, а целый слон свалился на его голову. Внезапно у него родилось страшное подозрение.

– Как *его* звать? – хрипло справился он.

– Рози, – ответил возница. – Во всяком случае, так мне сказали.

Услышав свое имя, слониха плавно закачалась и издала негромкий писк, похожий на брачный зов крохотного кларнета. Передние ноги ее были прикованы к полу двумя цепями, которые мелодично позвякивали от каждого движения. Игриво протянув к Адриану хобот, она легонько дунула на него. «О Господи, – подумал он, – лучше бы мне доставили пьяную акробатку».

– Послушайте, – воззвал он к вознице, – что я буду с ней делать?

– А это, – сказал тот с плохо скрываемым удовлетворением, – уже ваша забота, приятель. Мне поручили доставить слониху, и я это поручение выполнил. А теперь, поскольку я еще не завтракал, не будете ли вы так любезны освободить от нее мой фургон, чтобы я мог ехать по своим делам.

– Не можете же вы бросить меня на улице со слонихой, – возразил Адриан.

– Почему это? – поинтересовался возница.

– Да потому, что я не могу завести ее туда! – выпалил Адриан, указывая на палисадничек миссис Дредж площадью четыре квадратных метра. – Она вообще там не поместится… и все цветы потопчет.

– Так надо было раньше думать, прежде чем заказывать ее.

– Но я ничего не заказывал. Ее завещал мне мой дядя, – объяснил Адриан, сам понимая, сколь невероятно звучит это объяснение.

– Видать, не очень-то он вас любил, – заключил возница.

– Послушайте, – взмолился Адриан, – рассудите сами – разве можно просто выгрузить тут слона и уехать! А мне-то как быть?

– Теперь вы послушайте меня. – Лицо возницы налилось кровью, и голос его дрожал от гнева. – Меня наняли перевезти слона. Конечно, с моей стороны было глупостью соглашаться, но дело сделано. Я всю ночь был в пути. Каждый раз, когда мы проезжали мимо пивной, она норовила опрокинуть фургон. За двадцать пять лет работы возницей у меня еще никогда не было такого мерзкого рейса. И теперь у меня одно-единственное желание – поскорее избавиться от вашей слонихи. Так что вы уж, будьте так любезны, заберите ее, чтобы я мог уехать.

Даже если он ухитрится поместить Рози в палисаднике или в саду за домом, говорил себе Адриан, как он объяснит миссис Дредж это внезапное появление слона в ее владениях? Надеяться на то, что она не заметит Рози, не приходится. Но что-то нужно было предпринять, ибо возница стоял на своем, и лицо его с каждой минутой все сильнее наливалось кровью. Внезапно Адри-

ана осенило. Паклхэммер, сказал он себе, лесной склад Паклхэммера. Вот куда надо отвезти Рози.

– Знаете что, – обратился он с отчаянием к вознице, – вы не могли бы еще немного провезти ее по этой дороге? У меня там друг, хозяин лесного склада. Там для нее найдется место.

Возница тяжело вздохнул.

– Мистер, – сказал он, – я доставил вам вашего слона. Я нанялся отвезти его именно сюда, а не куда-нибудь еще.

– Но это совсем рядом, и вы получите целый соверен.

– Что ж, это другое дело. – И возница захлопнул двери фургона, скрыв с глаз Адриана слониху, которая захватила хоботом пук соломы и грациозно обмахивалась им, как веером.

Возница крикнул «но-о!», лошади поднатужились, и фургон загромыхал по булыжной мостовой; Адриан семенил рядом, силясь убедить себя, что мистер Паклхэммер больше всего на свете жаждет увидеть у себя слона. Перед лесным складом фургон остановился, Адриан попросил возницу подождать и пошел искать мистера Паклхэммера. Тот по-прежнему сидел на гробе, потребляя очередную кружку пива.

– Привет, парень! – весело произнес он. – Заполучил свою акробатку?

– Мистер Паклхэммер, – негромко молвил Адриан, – ты должен мне помочь. Ибо только на тебя могу я рассчитывать в том кошмарном положении, в каком теперь очутился.

– Постой, что случилось, парень?

– Она… оно… прибыло, – сообщил Адриан.

– Ну и как она выглядит? – заинтересовался мистер Паклхэммер.

– Она… Рози – слониха.

– *Слониха?* – Мистер Паклхэммер присвистнул. – Будет тебе над чем поломать голову.

– Да уж, – сухо отозвался Адриан.

– Слониха, – задумчиво повторил мистер Паклхэммер. – Н-да, не было печали, черти накачали…

– Вот именно, – сказал Адриан. – Не представляю себе, что я буду с ней делать… Знаю только, что бедняга, который привез ее сюда, естественно, желает от нее избавиться. В саду миссис Дредж она не поместится, пришлось мне везти ее сюда. Может, позволишь на время оставить слониху здесь у тебя, пока я не решу, что делать дальше?

– Пожалуйста, парень, конечно, – живо согласился мистер Паклхэммер. – И ведь я никогда не держал на складе слонов. Все-таки какое-то разнообразие.

– Слава Богу, – выдохнул Адриан. – Я тебе так благодарен…

Он вернулся на дорогу, где обливающийся потом возница без устали орудовал носовым платком.

– Все в порядке, – сообщил Адриан. – Можно оставить ее здесь.

Возница отворил двери фургона, и Рози радостно взвизгнула при виде своих друзей.

– Вот вам ключи, по одному от каждого замка, – сказал возница.

– Она прирученная? – нервно осведомился Адриан, которому до этого дня никогда не доводилось иметь дело со слонами.

– Наверно, – ответил возница. – Думаю, вы скоро это выясните.

– Может быть, следует чем-то занять ее, дать что-нибудь съестное? – спросил Адриан. – Что они едят?

– Булочки с изюмом, – сказал мистер Паклхэммер, разглядывая Рози.

– Не дури, – раздраженно отозвался Адриан. – Где я в это время дня найду булочку с изюмом!

– Как насчет овса? – предположил возница.

– Какой там овес, они едят булочки, – настаивал мистер Паклхэммер.

– Слушай, хватит болтать о булочках, – рассердился Адриан. – Нет у нас ни одной булочки.

– А как тогда насчет бутерброда с сыром? – сказал мистер Паклхэммер. – Схожу-ка я за бутербродом, и проверим, что получится.

Он живо вернулся и вручил Адриану большой ломоть хлеба с сыром. Осторожно, держа перед собой бутерброд так, словно это было какое-то оружие, Адриан приблизился к могучей серой туше.

– Это тебе, Рози, – хрипло молвил он. – Чудный бутерброд с сыром… хорошая девочка…

Рози перестала раскачиваться, устремив на него блестящий взгляд. Подпустив Адриана почти вплотную, она вытянула хобот, быстро и аккуратно сняла с него котелок и водрузила на свою выпуклую голову. Адриан испуганно отпрянул, уронив бутерброд, и с маху наступил на ногу возницы, который и без того пребывал отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Подняв с земли бутерброд, Адриан снова приблизился к Рози.

– Ну же, Рози, – сказал он дрожащим голосом, – отличный бутерброд…

Рози снова медленно вытянула хобот, взяла бутерброд из дрожащих пальцев Адриана и засунула его в свою пасть, которая потрясенному его взгляду показалась величиной с хорошую бочку. Слабое причмокивание дало ему понять, что слоны и впрямь едят бутерброды с сыром. Пользуясь тем, что зубы Рози были заняты делом, Адриан поспешно опустился на колени, отпер висячие замки и снял цепи с ее ног.

– Вот так, – произнес он, отступая назад от фургона. – Пошли теперь… хорошая девочка…

Рози вздохнула, сняла котелок со своей головы и помахала им, как веером, однако ничто не говорило о том, что она готова освободить фургон.

– Обычно я человек терпеливый, – покривил душой возница, – но хотелось бы, пока вы тут топаете по моим ногам и пичкаете этого слона бутербродами, напомнить, что я сегодня еще ничего не ел.

– Но я *пытаюсь* ее выманить, – обиженно заметил Адриан. – *Силой* такую махинищу идти не заставишь.

– Может, вы не откажетесь от бутерброда и кружки пива? – спросил возницу мистер Паклхэммер.

– О, вы очень любезны, – обрадовался тот. – Чрезвычайно любезны.

Пока возница и Адриан стояли, созерцая Рози, которая снова принялась раскачиваться, издавая душераздирающие вздохи, мистер Паклхэммер вошел в дом и вскоре появился вновь, неся бутерброд и полную кружку пива. Радость возницы при виде этих продуктов не шла ни в какое сравнение с восторгом Рози. Издав протяжный трубный звук, сильно напугавший Адриана, она вперевалку вышла из фургона на дорогу. Мистер Паклхэммер застыл на месте, а слониха, продолжая трубить, схватила хоботом кружку и отправила ее содержимое в свою широченную пасть.

– Ну так, одна проблема решена, – заключил возница. – Но как насчет пива для меня?

– Во всяком случае, – заметил Адриан, – мы знаем теперь, что она ест бутерброды и пьет пиво. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы она могла обходиться такой диетой.

– Не сочтите меня бесчувственным, – фыркнул носом возница, – но лично меня больше волнует состояние моего желудка.

Рози вернула мистеру Паклхэммеру пустую кружку и с надеждой на добавку последовала

за ним на территорию лесного склада. Обнаружив разумного человека, который явно понял, каковы ее потребности, она отнюдь не собиралась терять его из виду. Рози вышагивала неторопливой, величественной, хотя и малость хмельной походкой, и уши звучно хлопали ее по затылку. Она удовлетворенно попискивала на ходу, и, как только слониха следом за мистером Паклхэммером вошла внутрь ограды, Адриан поспешно захлопнул ворота и прислонился к ним, вытирая вспотевшее лицо. Первый шаг сделан…

Как ни заинтриговал Рози вид вьющихся белых стружек, штабелей досок и выстроенных плотными рядами новеньких гробов, она то и дело поглядывала на мистера Паклхэммера, явно почитая его лозоходцем, ведущим ее к заветному источнику пива. Все же им удалось незаметно юркнуть в дом, где мистер Паклхэммер возобновил поставки бутербродов и пива, и под умиротворяющим действием пищи даже возница малость подобрел.

– Забавное наследство оставил вам ваш дядюшка, – сказал он Адриану.

– Не вижу в этом ничего забавного, – с горечью произнес Адриан. – Одному Богу известно, что я теперь буду с ней делать.

– Продайте, – предложил возница, наливая себе еще пива. – Продайте в какой-нибудь цирк. Так я поступил бы на вашем месте.

– Нельзя, – объяснил Адриан. – В том-то и вся закавыка. Мне завещано пятьсот фунтов, чтобы я заботился о ней.

– Интересно, сколько булочек можно купить на эти деньги, – живо заинтересовался возница.

– Не *одни же* булочки они едят, – жалобно молвил Адриан. – Я говорю про капусту и прочую зелень. Придется экспериментировать.

– Да не волнуйся ты так, парень, – сказал мистер Паклхэммер. – Пускай побудет здесь два-три дня, пока ты решишь, как поступить. Я присмотрю за ней.

В эту самую минуту Рози заключила, что одним лишь созерцанием гробов, как ни занимательны они по-своему, сыт не будешь, подошла к дому, заглянула снаружи в окно и с радостью обнаружила, что ее друзья сидят вместе за столом, потребляя ее любимый напиток. В комнате явно царила атмосфера задушевной мужской дружбы, и, воодушевленная этой картиной, не сомневаясь, что им недостает ее, Рози тихонько постучала по стеклу кончиком хобота, деликатно, чисто по-женски давая понять, что не прочь принять участие в праздничном застолье. Однако ее друзья были так поглощены беседой, что не обратили внимания на стук. Такое небрежение возмутило Рози. Как-никак она проделала долгий утомительный путь, подкрепившись всего одной кружкой пива, а они тут знай себе пьянствуют и не думают пригласить ее в свою компанию. Вообще Рози отличалась чрезвычайно терпеливым нравом, но, при виде того как возница наливает себе еще одну кружку, не выдержала, подцепила хоботом нижний край скользящей рамы и дернула. С восхитительным звоном и треском вся рама вылетела, и Рози, весьма довольная результатом своих усилий, просунула хобот в комнату и громко затрубила.

– Бога ради! – воскликнул потрясенный Адриан. – Дай Рози еще пива, мистер Паклхэммер, и заткни ей глотку.

– При такой ее прыти, – сочувственно заметил возница, – большая часть ваших пятисот фунтов уйдет на пиво и разного рода мелкий ремонт.

Мистер Паклхэммер прошел на кухню, отыскал оловянный таз, наполнил его до краев пивом и вынес во двор, приветствуемый оглушительным радостным повизгиванием Рози. Погрузив хобот в чудесную коричневую влагу, она засосала добрую порцию и вылила себе в пасть этаким миниатюрным водопадом. Очень скоро таз был опорожнен, и Рози, удовлетворенно порыгивая, присмотрела себе тенистый уголок и легла передохнуть.

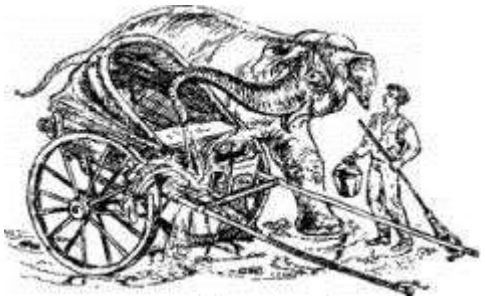
– Ну, что ж, – сказал возница, – мне пора. Большое спасибо за гостеприимство.

– Не за что, – ответил мистер Паклхэммер.

– А вам, сэр, – обратился возница к Адриану, – желаю всяческой удачи. Чувствую, с этой веселой малюткой удача вам ох как пригодится.

Глава четвертая
ПУТЬ СВОБОДЕН

Проводив возницу за ворота и вернувшись в дом, мистер Паклхэммер застал Адриана мрачно размышляющим над пустой кружкой.

– Я совершенно сбит с толку, – жалобно произнес Адриан. – *Не представляю* себе, что делать.

– Выпей еще пива, – предложил мистер Паклхэммер, склонный на все смотреть просто, без затей. – Перестань себя мучить… что-нибудь придумаем.

– Хорошо тебе успокаивать меня, – огрызнулся Адриан. – У тебя не сидит на шее слониха. Мы еще даже не знаем, что она ест.

– Булочки, – настаивал мистер Паклхэммер на своей исходной версии. – Вот увидишь – булочки с изюмом ее вполне устроят.

– А может, прав был возница? – задумчиво сказал Адриан. – Если бы я нашел цирк, где ей будет хорошо, и отдал владельцу те пятьсот фунтов, это не против закона?

– Не знаю, как насчет закона, – отозвался мистер Паклхэммер, поджимая губы в знак размышления, – но почему не попробовать?

– Да только где найдешь его теперь? – спросил Адриан. – Последний раз я видел цирк, когда мне было лет семь или восемь.

– Приморье, – не задумываясь, ответил мистер Паклхэммер. – На всех приморских курортах обязательно есть цирки, и ярмарки, и прочие увеселения.

– Но отсюда до моря почти сто километров, – возразил Адриан. – Как я доставлю ее туда?

– Пешком, – сказал мистер Паклхэммер. – Думаю, ей будет только полезно размяться. Одно ясно – ты не можешь держать ее здесь бесконечно. Не потому, что я против, ни в коем случае, но держать у себя на складе слона – не оберешься сплетен. Сам знаешь, какие кругом соседи, всюду суют свой нос.

– Что ж, ничего не поделаешь, – заключил Адриан. – Скажу миссис Дредж и хозяевам в лавке, что мой дядя при смерти и я вынужден на время отлучиться. Вряд ли на работе станут возражать, у меня как раз отпуск подходит. Как ты думаешь, сколько дней займет путь до моря?

– Зависит от обстоятельств, – ответил мистер Паклхэммер.

– Каких еще обстоятельств? Сколько километров в день может пройти слон?

– Я не об этом подумал, – отозвался мистер Паклхэммер. – А о том, сколько пивных будет на вашем пути.

– Ну да, – со стоном молвил Адриан. – Я совсем забыл…

– Вот что я тебе скажу – помнишь старую маленькую двуколку, что стоит у меня там в сарае? Так вот, приведем ее в порядок, смастерим упряжь, и пусть Рози тянет ее. Загрузишь в ящик сзади одежду, пиво и что там еще…

– Только не пиво, – поспешно перебил Адриан. – Никакого пива в пределах досягаемости этой твари.

– Ну хорошо, загрузишь корм. И когда соберешь все, что надо, в путь – ну как?

Хоть и тревожно было на сердце у Адриана, он ощутил некий намек на душевный подъем. Разве не жаждал он приключений? Так вот, путешествие в компании со слоном – приключение что надо! Впервые с той минуты, как Адриан прочитал дядюшкино письмо, ему вдруг подумалось, что дело обстоит вовсе не так уж плохо. И прогулка к морю в обществе Рози начала казаться ему даже увлекательной затеей.

– Допустим, я дойду туда дня за три, – задумчиво произнес он.

– И еще два дня потребуется, чтобы найти какой-нибудь цирк. То да се, скажем, всего на это дело уйдет максимум дней десять-двенадцать.

– Верно, – согласился мистер Паклхэммер. – Вполне уложишься, при благоприятных условиях.

– Точно! – Адриан вскочил на ноги, снова почувствовав себя (на минуту) лучшим фехтовальщиком в стране. – Все будет сделано!

– Молодец! – сказал мистер Паклхэммер. – Я пошел бы с тобой, да нельзя бросать лесной склад. Бьюсь об заклад, ты отлично проведешь время. А теперь приступим. Я выкачу двуколку, вымою ее, пройдусь краской, и можешь хоть завтра трогаться в путь.

Адриан подошел к окну и выглянул наружу. Рози мирно спала, только уши иногда подергивались да в животе у нее урчало, словно где-то вдали гремел гром.

– Надо ее покормить, – озабоченно произнес он. – Послушай, что у нее делается в животе.

– Кончай волноваться по пустякам, – отозвался мистер Паклхэммер. – Предоставь это дело мне.

Выйдя во двор, они потихоньку, чтобы не разбудить Рози, выкатили из сарая обшарпанную двуколку.

– Вот, пожалуйста, – сказал мистер Паклхэммер, лаская взглядом маленький экипаж. – Немного краски, и будет как новая. Давай-ка, парень, вымой ты ее, а я пойду раздобуду корм для Рози.

Адриан принес два ведра горячей воды, вооружился щеткой и приступил к работе, насвистывая какую-то мелодию. Он так увлекся своим делом, что даже вздрогнул, когда шею его нежно обнял теплый серый хобот, дышащий пивом. У него еще не было времени усвоить, что слоны, несмотря на солидный вес, при желании могут передвигаться куда тише, чем домовая мышь. Остановившись за спиной Адриана и добродушно глядя на него, Рози дохнула ему в ухо пивным ароматом и приветственно пискнула.

– Ну вот что, – строго произнес Адриан, освобождая свою шею от ее объятия, – не путайся под ногами. Видит Бог, ты уже натворила тут дел. Будь хорошей девочкой, ступай обратно вон туда и проспись.

В ответ Рози окунула хобот в одно из ведер, шумно засосала воду, после чего, тщательно прицелившись, окатила струей борт двуколки. Набрала в хобот еще воды и повторила процедуру на глазах у изумленного Адриана.

– Что ж, – вымолвил он наконец, – если ты настроена *помогать,* это другое дело.

Он быстро убедился, что достаточно показать Рози, куда направлять струю, и она послушно выполняет команду. Адриану оставалось только подносить воду. Выпущенная хоботом тугая струя запросто смывала копоть и паутину, и двуколка заметно преобразилась. В это время вернулся мистер Паклхэммер, неся набитый чем-то мешок.

– Булочек я не нашел, – сообщил он, явно огорченный тем, что не сможет подтвердить свой тезис, – но удалось добыть черствый хлеб.

Развязав мешок, они извлекли две темные буханки, и Адриан протянул их Рози, сильно сомневаясь, что она примет такой лежалый дар, однако слониха радостно пискнула и с невероятной скоростью управилась с обеими буханками.

– Вот и ладно, – заключил Адриан, – проблема кормления решена.

Он вытряхнул из мешка остальные буханки, и Рози предалась обжорству.

– Послушай, – восхищенно произнес мистер Паклхэммер, – двуколку просто не узнать!

– Это Рози потрудилась, – сказал Адриан.

– Рози? Как тебя понимать?

– Ну, она помогала мне. Поливала водой так, что мы в два счета управились.

– Надо же! Может, она знает еще какие-нибудь трюки?

– По-моему, сейчас не время проверять ее способности, – поспешно отозвался Адриан. – Для начала не мешает мне отправиться в банк и выяснить, как там обстоит дело с деньгами, согласен?

– Ты прав. Оставляй Рози здесь, мы поладим. И я тем временем поработаю кистью и краской.

Когда Адриан спустя несколько часов вернулся из города, он издали услышал громкое пение мистера Паклхэммера, сопровождаемое одобрительным попискиванием Рози. Войдя во двор, он увидел, что слониха разлеглась на земле, а мистер Паклхэммер, опершись на крепкое плечо Рози, поет ей серенаду в левое ухо. Обоих украшали пятна краски, а пустой таз с остатками пены на дне и пивная кружка красноречиво свидетельствовали, каким образом была закреплена дружба мистера Паклхэммера и Рози. Не без удивления, учитывая состояние маляров, он убедился, что двуколка смотрится великолепно. Мистер Паклхэммер явно дал волю своим артистическим наклонностям. Борта двуколки были выкрашены в яркий бледно-желтый цвет, оглобли – в не менее яркий алый, спицы колес – поочередно в синий и золотистый, и в целом экипаж сверкал, как драгоценный камень.

– Привет! – воскликнул мистер Паклхэммер, выпрямляясь не без труда. – Мы тут с Рози спевку устроили… у нее вкус к доброй песне. И как тебе двуколка, а?

– Замечательно, – с восторгом ответил Адриан. – Краше не бывает.

– Меня всегда тянуло заняться искусством, – мрачно признался мистер Паклхэммер, – да только в наше время спрос на него невелик. Получил деньги?

– Получил, – ответил Адриан. – Пришлось кучу бумаг подписывать, оттого и подзадержался.

– Что ж, на твоем месте, – мистер Паклхэммер вытащил из кармана часы и уставился на них мутным взором, – я направился бы домой и поделился новостями с этой теткой Дредж.

– Да, пожалуй, так я и сделаю, – вздохнул Адриан. – А ты уж постарайся тут не слишком накачивать Рози пивом, ладно? Помнишь небось, что мой дядюшка написал по этому поводу.

– Капелька пива никому еще не повредила, – серьезно заметил мистер Паклхэммер.

Адриан прошел к своему огромному дремлющему подкидышу и погладил крутолобую головушку.

– Спокойной ночи, старушка Рози, – сказал он.

Слониха подняла одно веко и посмотрела на него маленьким озорным глазом; казалось, она улыбается, словно зная, какие планы намечены на следующий день, и всецело их одобряя. Тихо пискнув, она закрыла глаза и снова погрузилась в сон, тогда как Адриан вышел за ограду и побрел к дому миссис Дредж.

Здесь, как и следовало ожидать, его ожидали тяжкие испытания. Ссылка Адриана на умирающего дядюшку нисколько не удовлетворила миссис Дредж, и, добиваясь от Адриана подробностей, она до того заморочила голову обоим, что под конец никто из них уже не соображал толком, о чем идет речь. Пришлось миссис Дредж признать свое поражение и позволить доведенному до дикой головной боли Адриану подняться наверх и лечь спать.

На другой день он собрал утром свои вещи и отправился на склад к мистеру Паклхэммеру. Позади была беспокойная ночь, его преследовали кошмары, в которых целые стада пьяных слонов топтали разноцветные двуколки, а потому он испытал облегчение, когда вошел во двор и Рози, радостно пискнув, нежно обняла его за шею хоботом в знак приветствия. Было что-то подкупающее в естественном радушии слонихи, и Адриан почувствовал, что начинает любить своего гигантского иждивенца.

При помощи мистера Паклхэммера он загрузил в багажник все необходимое, на их взгляд, для предстоящего путешествия. Тут были банки с провизией для Адриана, три мешка черствого хлеба для Рози, одеяла, большой нож, аптечка со всякими таинственными сильнодействующими снадобьями из запасов мистера Паклхэммера, толстая веревка, брезент такой величины, что под ним, утверждал мистер Паклхэммер, могли укрыться от дождя оба путника, цепи – на случай, если придется заковывать Рози, бочонок пива (тщательно укрытый, чтобы Рози не видела) и, наконец, – банджо Адриана. Он приобрел инструмент несколько месяцев назад, однако особого успеха в игре не достиг, ибо мог упражняться только в те дни, когда миссис Дредж отправлялась

на кладбище навестить мистера Дредж. Тем не менее мистер Паклхэммер похвалил Адриана, дескать, шагать под музыку куда веселее. С музыкой и пивом, сказал он, хоть куда дойдешь.

Управившись с погрузкой, они без труда запрягли в двуколку Рози, которая нисколько не сопротивлялась, увлеченная новой игрой. После чего Адриан в роли проводника взял ее за кончик уха и несколько раз провел по кругу во дворе, чтобы привыкла тянуть экипаж.

– Ну так, – сказал он наконец, – полагаю, пора нам трогаться в путь. Огромное спасибо вам за помощь, мистер Паклхэммер.

– Пустяки, парень, – ответил тот. – Как бы мне хотелось пойти с вами… Уверен, все будет замечательно. Не забудь писать мне, чтобы я знал, как идут ваши дела, обещаешь?

– Обещаю. И еще раз большое спасибо.

Ласково погладив бок Рози, мистер Паклхэммер распахнул ворота ограды, и слониха, направляемая Адрианом, протопала на дорогу, увлекая за собой позвякивающую и постукивающую двуколку. Стоя в воротах, мистер Паклхэммер долго провожал их взглядом.

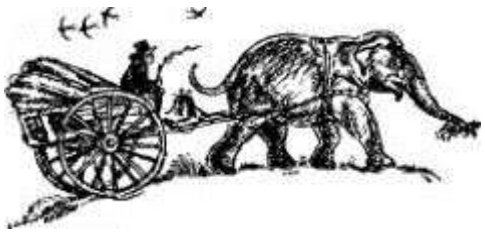
Хотя они старались держаться подальше от главных улиц, все же им пришлось пересечь часть города, прежде чем они вышли на окраину, и за это время Адриан узнал много нового о слонах и об их воздействии на окружающую фауну. Так, он скоро обнаружил, что лошади подвержены припадкам нервного расстройства при внезапной встрече со слоном. Причем эффект, насколько он мог судить, ничуть не зависел от рода экипажа, в который они были впряжены. Издав пронзительное ржание, они вставали на дыбы и пускались галопом по мостовой, вынуждая испуганных владельцев отчаянно цепляться за вожжи. Рози была весьма озадачена такой реакцией; ее, привыкшую к дружескому общению с рассудительными, смирными цирковыми лошадьми, такое отношение даже обижало, мягко говоря.

Еще он узнал (сей урок обошелся ему в один соверен), что слоны едят фрукты и овощи. Обогнув очередной угол, они очутились лицом к лицу с пожилым мужчиной, который толкал тележку, нагруженную доверху товаром, чей вид заставил Рози ускорить шаг, издавая радостные трубные звуки и не обращая никакого внимания на крики дергавшего ее за ухо Адриана. Она видела только гору съестного, предоставленного заботливым провидением. Хозяин тележки, увидев вдруг запряженного в разноцветную двуколку слона, несущегося прямо на него явно с недобрыми намерениями, обратился в бегство, развив поразительную для такого возраста прыть. А Рози, продолжая возбужденно трубить, остановилась возле брошенной тележки и, как ни пытался Адриан призвать ее к порядку, принялась с великим удовольствием уписывать овощи и фрукты. Пришлось Адриану догонять беглеца, чтобы осушить его слезы и возместить ущерб. Он утешал себя надеждой на то, что после плотной трапезы Рози будет вести себя спокойнее. И не ошибся – дальше она трусила в самом благодушном расположении, и желудок ее мелодично бурчал, переваривая добычу.

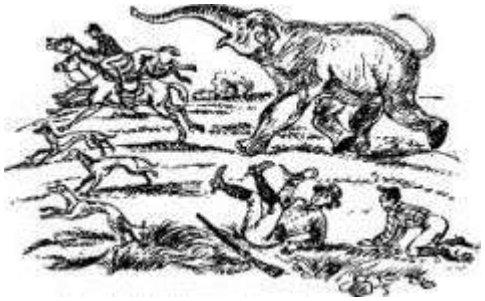
Наконец поблескивающий тысячами окон город остался позади, и, когда путники поднялись на пригорок, им открылся вид на залитый ярким весенним солнцем волшебный ковер из полей и перелесков, извивающихся рек и мглистых холмов, над которыми звенели голоса жаворонков и отдавалось сонное кукование кукушек. Адриан наполнил легкие чистым воздухом с ароматом клевера.

– Ну вот, Рози, – сказал он, – мы за городом. Кажется, самое худшее позади.

Довольно скоро он осознал, какую глупость сморозил.

Глава пятая
БАТАЛИЯ ПРИ МОНКСПЕППЕРЕ

Солнце грело, чистое небо синело, живые изгороди и рощицы, одетые в зеленый пышный кринолин весенней листвы, кишели щебечущими птицами, напрашиваясь на сравнение с музыкальными шкатулками. Как чудесно, говорил себе Адриан, шагать вместе с загребающей ногами пыль Рози по отороченным ярко-желтыми каскадами примулы узким дорожкам под звуки поскрипывающих колес двуколки и приятное позвякивание упряжи. Вскоре он снял пиджак и бросил его на багажник. Еще через полчаса туда же отправились жилет, целлулоидный воротник и черный галстук, и в приливе залихватской удали он даже завернул рукава рубашки. В черных брюках с полосатыми подтяжками и в беспечно сдвинутом набок котелке он являл собой довольно странное зрелище, однако это его нисколько не тревожило. Адриан был опьянен картинами сельской местности, и перед ним открывался путь к приключениям.

Он обнаружил, что мистер Паклхэммер был совершенно прав, когда говорил, что Рози любит пение. Усладив ее слух исполнением эстрадных песенок и убедившись, что они пришлись ей по вкусу, Адриан принялся бренчать на банджо. Возможно, он был небольшой мастер игры на этом инструменте, но Рози была слишком хорошо воспитанной аудиторией, чтобы акцентировать на этом внимание, а потому все складывалось как нельзя лучше.

К полудню они ушли достаточно далеко от всех городов. Карта помогла Адриану проложить маршрут по глухим проселкам, ибо он вовсе не желал попадаться людям на глаза, и до сих пор они не встретили ни души, словно два странника в необитаемом краю. Непривычный к свежему воздуху, Адриан успел заметно проголодаться. За Рози он не волновался, она преспокойно закусывала зеленью с кустов на обочине, ему же требовалось нечто посущественнее. Наконец глазам его предстало то, в чем он нуждался – спускающийся к речке, расцвеченный маргаритками просторный бархатно-зеленый луг, на котором тут и там стояли могучие дубы, увенчанные, словно огромными париками, пышными облаками поблескивающей листвы и отороченные внизу отрадной темно-синей тенью.

– Вот оно, Рози, девочка моя, – сказал Адриан. – Здесь мы устроим привал, перекусим.

Сквозь просвет в живой изгороди он провел Рози на гладкий зеленый пятачок под двумятремя дубами. В шести шагах ниже журчала среди камышей переливающаяся солнечными бликами речушка. Адриан выпряг Рози и достал провизию. Осторожно наполнил две большие кружки пивом из бочонка, на что Рози отозвалась продолжительным трубным звуком. Расположившись на траве, Адриан живо уплел пирог с мясом, изрядный кусок сыра и половину батона. После многих лет общения со стряпней миссис Дредж эти нехитрые припасы показались ему экзотическими деликатесами. Рози, присмотрев на дубах подходящие ветки, закусила ими, после чего принялась энергично скрестись боком об один из стволов, чем изрядно напугала пару обитающих в кроне сорок.

Откинувшись на спину, Адриан смотрел прищуренными глазами через кружево листвы на синее небо, и душой его овладел великий покой. «А что, – сказал он себе, – не так уж плохо все обернулось, как я опасался. Просто замечательно!» Он со вкусом зевнул, закрыл глаза и погрузился в сон.

Проснувшись вдруг спустя некоторое время, он полежал, напрягая слух, чтобы определить, какой звук его разбудил. По-прежнему поодаль гомонили сороки, высоко в небе рассыпал свои трели жаворонок, но внимание Адриана привлекло какое-то бульканье и громкий плеск. Он сел, тревожно осмотрелся. Рози исчезла. Ему стало страшно. Куда она делась? Терроризирует какого-нибудь злополучного дачника? Или – при этой мысли он похолодел – обнаружила поблизости пивную? Адриан вскочил на ноги, лихорадочно озираясь.

Внезапно над прохладной гладью речушки вырос серебристый фонтан, и следом за ним

показалась Рози. Она легла в воде на бок, и обычно серая кожа ее казалась черной от влаги. Слониха с наслаждением плескалась в речке, время от времени погружая хобот в воду и выдувая журчащие пузырьки. Несказанно обрадованный, что обнаружил ее, Адриан спустился на берег, и Рози приветствовала его веселым писком.

– Ну, ты у нас просто умница, девочка моя, – сказал Адриан. – Что, хорошо тебе там… понравилось купаться?

В ответ Рози перевернулась на другой бок, вызвав тем самым волну, которая совершенно накрыла ее на несколько секунд.

– А знаешь, старушка, мне что-то захотелось присоединиться к тебе, – продолжал Адриан. – Очень уж соблазнительно выглядит.

Он осмотрелся украдкой, проверяя, не следит ли кто-нибудь за ними, живо разделся, оставив на себе только кальсоны приличия ради, и с пронзительным криком прыгнул с травянистого берега в речку. Ледяная вода взбодрила его, он встал, отфыркиваясь, добрел до Рози и взобрался на ее плечо. Рози радостно пискнула и легонько коснулась хоботом его лица и мокрых волос.

– Замечательно, – выдохнул Адриан, поглаживая ухо слонихи. – Восхитительно! Отличная идея, Рози. Ты умное, *умнейшее* создание!

С трудом выпрямившись во весь рост, он принялся отплясывать на широком боку Рози, восклицая: «Замечательно, восхитительно!» – пока не поскользнулся на влажной коже и не шлепнулся в реку. Только вынырнул, смеясь и откашливаясь, как Рози, ласково глядя на него маленькими яркими глазами, окатила его водой из хобота. Следующие полчаса они продолжали резвиться таким образом, пугая лысух и камышниц и нервируя зимородка, свившего себе гнездо на берегу.

– Как только дойдем до какого-нибудь селения, – объявил Адриан, когда они выбрались из реки и легли на траву, – я куплю большую-пребольшую щетку, чтобы как следует скрести тебя, моя девочка, и будешь ты настоящая красавица слониха.

Утомленные возней в воде, они задремали, подсыхая на солнце. Лежали так тихо, что заметили пересекшую весь луг лисицу, лишь когда она очутилась совсем близко.

– Привет, – сказал Адриан, садясь. – А ты хороша, ничего не скажешь.

Лиса замерла, насторожив уши и подняв одну лапу. Тут Рози взмахнула ушами и вытянула любопытствующий хобот. Лиса отпрянула, испуганно тявкнув, круто развернулась, сбежала к воде и поспешно поплыла к другому берегу. Выбравшись там из воды, энергично встряхнулась и скрылась в кустах, наградив Адриана и Рози ненавидящим взглядом.

– Что скажешь, Рози, – не больно-то любезная скоба, верно? – заметил Адриан. – Совсем не компанейский товарищ…

И он уже приготовился прочитать Рози краткую, но исчерпывающую лекцию о лисах, но тут до их слуха донеслись звуки гона.

– Господи! – ахнул Адриан, вспомнив, что на нем одни кальсоны. – Как же это… мне надо одеться… живо!

Вскочив на ноги, он побежал к двуколке, где на оглоблях была аккуратно развешана его одежда. Поздно… Через широкий просвет в окружающей луг высокой живой изгороди хлынул коричнево-белый каскад возбужденно лающих псов, за которыми верхом на лоснящихся, словно каштаны, гордо скачущих конях следовала целая армия охотников и охотниц в красных куртках. «Хороший переплет, – сказал себе Адриан, – лучше не придумаешь… Быть застигнутым, судя по всему, местной аристократией на лугу в обществе слона и разноцветной двуколки – уже несколько необычная ситуация, если же ты при этом стоишь в одних кальсонах, то жди беды».

А тут еще Рози, взбодренная купанием в речушке, чрезвычайно оживилась при виде охотников со сворой собак. То ли она приняла сигналы охотничьего рога за трубные звуки какого-то другого слона, то ли множество гончих, красные куртки и вся атмосфера праздничного действа напомнили ей счастливые дни, проведенные в цирке, так или иначе она взгромоздилась на ноги и затрусила, радостно трубя, через луг навстречу гону.

Собаки разом удивленно остановились. По выражению их морд нетрудно было понять, что они возмущены таким подвохом. Им было поручено преследовать и отловить небольшого рыжего зверька, а тут перед ними вдруг возникает некое серое чудовище из тех, что снятся в кошмарах совсем юным щенкам. Одновременно и все холеные, лоснящиеся кони увидели Рози, и зрелище это подействовало на них примерно так же, как на тех смирных трудяг, что прилежно

тянули лямку в городе. В одно мгновение зеленый луг уподобился полю кровавого боя. Охотники в красных куртках сыпались на траву, будто осенние листья, а оставшиеся без всадников кони метались взад-вперед, пытаясь прорваться сквозь окаймляющие луг кусты.

Рози ликовала. Она окончательно уверовала, что очутилась в неком подобии цирка и что царящая на лугу сумятица – элемент театрализованного представления. Возбужденно трубя, она гоняла по кругу собак, иногда останавливаясь, чтобы шлепнуть хоботом широкий зад какой-нибудь из обезумевших от страха лошадей. Адриан, в одних лишь сырых подштанниках, прятался ни жив ни мертв за деревом. Предыдущие злоключения не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас, к тому же Рози откровенно наслаждалась своей ролью в потешном спектакле.

Работая в цирке, она была приучена завершать свой номер притворным нападением на шпрехшталмейстера, ибо ей полагалось, в частности, изображать вражду к мечущимся по арене униформистам. Собаки успели улизнуть через кусты, бьющиеся в истерике лошади сгрудились в дальнем углу луговины. И Рози, вполне логично заключив, что номер подходит к концу, остановила влажный взгляд на егермейстере, который, весь в грязи, барахтался на траве, силясь освободиться от черного цилиндра, съехавшего ему на нос при падении. Решив, что это не кто иной, как шпрехшталмейстер (вполне простительная ошибка, если учесть, что егермейстер был мужчина видный, тучный, облаченный в измазанную грязью роскошную куртку, с цилиндром на голове), Рози прошагала к нему и, издав пронзительный трубный звук, ласково обняла его хоботом и подняла высоко вверх. После чего на мгновение замерла в этой позе, явно слегка удивленная тем, что не слышит обычно сопровождающих этот трюк аплодисментов.

Одна из охотниц, достопочтенная Петуния Мэгглебруд, только что, вся дрожа, поднялась с травы, когда взору ее предстала поразительная картина: сам егермейстер плавно покачивался в воздухе над головой сжимающего его хоботом слона. Нет слов, чтобы описать ее чувства при виде столь ужасного святотатства; должно быть, нечто в этом роде испытал бы крестоносец, видя, как некто разводит костер, поджигая хворост щепкой от истинного креста.

– Опусти его на землю, грубое животное! – крикнула она. – Сейчас же опусти!

После чего издала пронзительный нервный вопль и упала в обморок. Рози, продолжая помахивать в воздухе егермейстером (как если бы огромный кот тряс розовую мышь), задумчиво огляделась кругом. Вопль достопочтенной Петунии с трудом можно было принять за бурную овацию, но, видно, на большее тут не приходилось рассчитывать. Глаза слонихи остановились на бледном лице выглядывающего из-за дуба Адриана, и, протрусив туда, она положила на траву у его ног егермейстера, уподобляясь охотничьей собаке, подносящей хозяину первого в сезоне тетерева. При этом цилиндр наконец слетел с головы егермейстера и покатился по траве, открыв взору Адриана великолепные черные бакенбарды и усы на лице такого пурпурно-красного цвета, что казалось – либо хозяин его сейчас скончается от апоплексического удара, либо весь вспыхнет и растворится в облачке черного дыма. Егермейстер сел и уставился на Адриана, издавая звуки, которые даже самые его пылкие поклонники не смогли бы назвать иначе как нечленораздельным кулдыканьем.

– Э… Добрый день, – растерянно изрек Адриан.

Он не особенно удивился, когда после этой реплики лицо егермейстера почернело. Распорядитель охоты задохнулся от ярости и лишь с великим трудом обрел контроль над голосовыми связками.

– Как вас понимать? – глухо и несвязно прорычал он. – Как это понимать: добрый день? Эта грязная, отвратительная, безобразная тварь – ваша?

Он направил дрожащий указательный палец на Рози, которая, сорвав пучок травы с маргаритками, обмахивалась им, разгоняя мух.

– А… эта, – отозвался Адриан, как будто только сейчас приметил слона. – *Эта*... ну да, в каком-то смысле ее можно назвать моей.

– Как вас все-таки понимать, сэр, черт возьми? – бушевал егермейстер. – Бродите тут на лугу вместе с каким-то проклятым страшилищем… в таком непристойном одеянии… пугаете псов… наводите страх на женщин… даже *лошадей* пугаете… как вас понимать, черт возьми, сэр?

– Ради Бога, извините, – покаянно молвил Адриан. – Понимаете, мы тут искупались в речке, откуда нам было знать, что вы здесь появитесь.

– У вас так принято, – с зловещим спокойствием продолжал егермейстер, – у вас принято в обществе безобразного слона странствовать в сельской местности, купаться в чужих речках, *распугивая лосося?*

– Что вы, вовсе нет, – признался Адриан. – Боюсь, однако, что объяснение случившегося заняло бы слишком много времени.

– Я готов объяснить случившееся! – крикнул егермейстер, вставая. – Вы – ненормальный, невменяемый преступник, вот вы кто! Носитесь тут, распугивая рыбу, а заодно и птицу… ненормальный! Уж я позабочусь о том, сэр, чтобы вы и эта ваша тварь очутились в кутузке, помяните мое слово. Подам на вас в суд за нанесение ущерба личности и нарушение владения. Добьюсь, чтобы вам присудили пять лет каторжных работ. Вас можно даже обвинить в покушении на убийство, что вы скажете на это, сэр? Как только вернусь в деревню, обращусь в суд, так и знайте.

– Послушайте, – в ужасе произнес Адриан, – я умоляю вас извинить меня, позвольте только объясниться… Понимаете, ваши кони и собаки…

– Собаки? – прошипел егермейстер, и лицо его снова побагровело. – *Собаки?* Гончие, сэр, гончие.

– Хорошо, ваши гончие. Все дело в том, что они не привыкли общаться со слонами.

Распорядитель охоты сделал длинный прерывистый вдох и окинул свирепым взглядом луг, где помятые охотники медленно поднимались на ноги и пытались отловить испуганных лошадей.

– Да уж, вижу, что не привыкли, – сказал он. – И скажу вам по секрету, недоношенный пейзанин: *они необязаны привыкать к общению со слонами!*

Адриан вынужден был признать в душе справедливость этого замечания. Тем временем егермейстер поднял с земли злополучный цилиндр и водрузил себе на голову.

– Так и знайте, – повторил он, – как только вернусь в деревню, распоряжусь, чтобы вас и вашего чертова слона арестовали.

После чего присоединился к своим хромающим, потирающим ушибы спутникам. Один за другим они сели на коней. Проводив последнего охотника взглядом, Адриан обратился к Рози.

– Смотри, что ты натворила, – укоризненно произнес он. – Причем в тот самый момент, когда мне представлялось, что все идет на лад. Опять ты все испортила… Теперь нас арестуют. Не миновать тебе пяти лет каторжных работ.

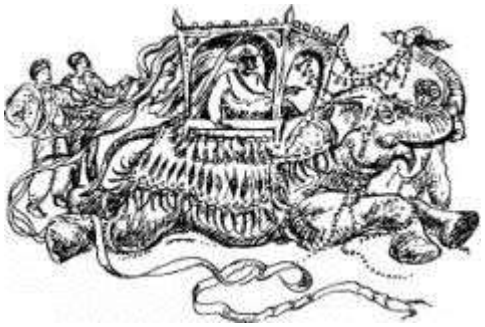
Быстро одевшись, он снова впряг Рози в двуколку.

– Лучше уж нам убраться подальше от его деревни, – сказал Адриан, выведя Рози на дорогу.

Вскоре им встретился перекресток, где указатели извещали, что, пойдя налево, они попадут в деревню Феннел, а направо – в деревню Монкспеппер. Адриан остановился в нерешительности. Он не знал, из какой деревни явились охотники. Сам-то он вместе с двуколкой сумел бы кое-как укрыться от блюстителей закона, иное дело Рози. Поглядев в сторону Феннела, он рассмотрел вдали опушку леса, и это определило выбор маршрута. В лесу хоть можно попытаться спрятать слона. А потому он потянул Рози за ухо, чтобы шла побыстрее, и они направились в сторону Феннела.

Глава шестая
АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫКРУТАСЫ

Высокие зеленоватые стволы обширного букового леса окружало море колокольчиков. Деревья стояли так тесно, что за ними даже такое крупное создание, как Рози, никто не рассмотрел бы в тридцати метрах от дороги. Тем не менее Адриан предпочитал не рисковать и торопился уйти подальше от охотников. Вскоре ему встретилась отходящая от дороги под прямым углом, теряющаяся в чаще узкая просека, и он прошагал по ней вместе с Рози около двух километров. В листве высоко над ними хрипло ворковали вяхири, кругом сновали кролики, вверх по стволам, распушив рыжие хвосты и негодующе стрекоча, испуганно взбегали белки. Постепенно Адриан начал успокаиваться, говоря себе, что здесь, в гуще тенистого леса их никто не отыщет.

Просека привела их на просторную поляну с посеревшим стогом прошлогоднего сена. Впрочем, сено было сухое и теплое, и Адриан решил, что здесь отлично можно переночевать. Он распряг Рози и с ее помощью закатил двуколку в подлесок, чтобы не бросалась в глаза, после чего, забрав провизию и одеяла, вернулся к стогу. Рози следовала за ним с озабоченным видом, но внезапно вернулась к двуколке и вышла затем из подлеска, осторожно неся хоботом бочонок с пивом. Завернувшись в одеяла, Адриан расположился на сладко пахнущем сене и приступил к вечерней трапезе; Рози, плавно покачиваясь, стояла рядом, неся караульную службу. Восходящая луна обратила на них свой лик и посеребрила поляну, где-то в чаще гулко ухали совы.

На рассвете Адриана разбудил стоголосый птичий хор, наполнявший лес звонким эхо. Поляна побелела от росы, и утренний холодок заставил его поежиться. Они быстро позавтракали и выпили по кружке пива, причем Адриан сказал себе, что, кажется, перенял дурную привычку мистера Паклхэммера пить пиво с утра. Затем он запряг Рози, и они продолжили путь, озаренные ярким утренним солнцем; ноги слонихи оставляли огромные круглые следы на росистой траве.

Одну за другой они пересекли еще три лесные поляны, не встретив ничего опаснее фазана с ярким оперением, когда за просветом в живой изгороди вновь увидели проезжую дорогу. Помешкав, Адриан решил выйти на нее, однако в эту минуту до его слуха донесся стук копыт. Шикнув на Рози (которая производила куда меньше шума, чем он сам), он осторожно выглянул из-за кустов, ожидая увидеть отряд охотящейся за ним конной полиции. Вместо этого его взору предстало весьма элегантное черное ландо с позолоченными колесами и внушительными крестами на дверцах, влекомое идущей крупной рысью парой великолепных серых коней. На сиденье полулежал мужчина в бледно-лиловой куртке, белых бриджах и надвинутом на нос блестящем, как черный жук, цилиндре.

Пораженный этой картиной, Адриан неразумно выпустил ухо Рози, и она, полагая, что проезжая дорога открыта для всех странников (включая слонов), протиснулась через изгородь, увлекая за собой двуколку. Адриан уже успел привыкнуть к тому, как лошади реагируют на появление слона, а потому ничуть не удивился, когда серые круто остановились, взбрыкнули и сделали отчаянную попытку форсировать кустарник вместе с экипажем наперекор попыткам побледневшего кучера удержать их от опрометчивого поступка.

– Что это пришло тебе на ум? – лениво осведомился мужчина в бледно-лиловой куртке.

– Простите, милорд, – откликнулся кучер, – но тут это животное!

Мужчина в бледно-лиловой куртке сдвинул цилиндр на затылок, открыв взгляду Адриана рыжеватые кудри и элегантные бакенбарды, обрамляющие изящное, длинное, бледное лицо, на котором выделялись огромные ярко-фиолетовые глаза. Судя по всему, его нисколько не обеспокоил тот факт, что ландо грозило вот-вот опрокинуться. Не спеша засунув пальцы в жилетный карман, он извлек из него монокль и тщательно вставил в правый глаз. Тем временем серые уже просунули головы через кусты, и экипаж раскачивался, точно корабль на высокой волне.

– Клянусь Юпитером! – сказал мужчина в бледно-лиловой куртке, созерцая Рози. – Это же

слон… самый настоящий слон! Невероятно, разрази меня гром.

Адриан уперся руками в голову Рози, изо всех сил толкая ее назад, но она словно вросла в землю.

– Эй, вы, – сказал мужчина в бледно-лиловой куртке, – это ваш слон?

– Боюсь, что мой… в известном смысле, – ответил Адриан, продолжая толкать Рози.

– Поразительно, – задумчиво произнес седок. – Случайно, это не вы сорвали гон охотникам из Монкспеппера? Должно быть, вы… вряд ли в наших местах мог появиться второй слон?

– Боюсь, это наша вина, – ответил Адриан. – Ужасное недоразумение, честное слово. Мы никому не хотели причинить вреда, но вы сами видите, как реагируют лошади.

– Да уж, – согласился мужчина в ландо, – этот слон явно плохо влияет на них. Могу я, дружище, попросить вас немного подвинуться, чтобы мы могли проехать?

– Конечно, – сказал Адриан. – Я постараюсь. Однако Рози, овладев дорогой, не видела веских причин

отступать на поляну. Единоборство не сулило успеха Адриану, наконец его осенило, он подбежал к багажнику двуколки и наполнил пивом кружку слонихи. Соблазненная приманкой, Рози попятилась за кусты. Теперь серые не видели ее, и кучеру удалось справиться с ними. Мужчина в бледно-лиловой куртке увлеченно следил за происходящим и, когда Адриан вновь вышел на дорогу, наклонился к нему, покрепче ввинтив в глаз монокль.

– Скажите, дружище, – вопросил он, – этот слон пьет пиво или только обливается им?

– Пьет, – мрачно ответил Адриан.

– Поразительно… Пьющий слон.

– Ради Бога, извините, что мы напугали ваших лошадей, – сказал Адриан. – Рози не хотела никому причинить вреда, честное слово.

– Ерунда, дружище. – Седок взмахнул тонкой рукой. – Не думайте об этом, умоляю. Замечательный случай. Скажите, ваш слон пьет что-нибудь кроме пива?

– Да, – коротко ответил Адриан, – все.

– Восхитительно! – В фиолетовых глазах седока мелькнула веселая искорка. – Вон как мои серые реагировали – хотел бы я видеть, что было с теми охотниками.

– Что говорить, зрелище было эффектное, – усмехнулся Адриан. – В жизни не видел, чтобы столько всадников одновременно слетели со своих коней.

Мужчина в ландо хохотнул, потом снял цилиндр и протянул Адриану тонкую руку:

– Лорд Феннелтри, рад познакомиться.

– Спасибо, сэр, – пролепетал Адриан. – Моя фамилия Руквисл, Адриан Руквисл, а это – Рози.

– Очаровательные имена, – рассеянно произнес лорд и устремил задумчивый взгляд в пространство.

Адриан впервые встретился с лордом, а потому пребывал теперь в некоторой растерянности. Кажется, его милостиво отпустили? Только он хотел приподнять котелок и проститься, как лорд вдруг словно проснулся, подправил монокль и уставился на него.

– Я думал, – гордо молвил лорд Феннелтри, словно речь шла о редком явлении. – Скажите, вы сейчас не слишком заняты?

– Как сказать… да нет, – ответил Адриан. – Я всего лишь направляюсь к морю…

– Отлично! Великолепно! – горячо воскликнул лорд. – Вот ведь какая удача!

– В самом деле? – удивился Адриан. – Почему?

– Званый вечер, – сообщил лорд, – званый вечер, о котором я денно и нощно думаю весь последний месяц.

– Понятно, – молвил Адриан; он ровным счетом ничего не понял, но не хотел показаться невежливым.

– Как, по-вашему, Дженкинс, – обратился лорд к кучеру, – ведь это будет замечательно – слон на званом вечере?

– Да, милорд, – тупо отозвался кучер, – как скажете.

– Люблю, когда со мной соглашаются, – сказал лорд Феннелтри, улыбаясь Адриану.

– Извините, – сказал тот, – но какую именно роль вы отводите мне?

– Здесь неподходящее место для обсуждения этого вопроса, – твердо произнес лорд. – Вести интеллектуальную беседу, сидя в ландо, чересчур утомительно. Если вы проследуете дальше

по этой дороге, километра через два увидите слева мой дом. Заходите ко мне, дружище, вместе с вашим слоном. Там мы и потолкуем за ленчем, идет?

– Вы чрезвычайно любезны, – ответил Адриан.

– Пустяки, – возразил лорд. – Домой, Дженкинс. Ландо покатило, стуча, по дороге, а весьма озадаченный Адриан вернулся на поляну к Рози.

– Ну и дела, – сказал он, ведя ее в указанном направлении. – Сперва ты покушаешься на жизнь представителя аристократии, а он потом приглашает нас на ленч. Во всяком случае, он пригласил *меня,* но я полагаю, у него найдется для тебя кочан капусты или что-нибудь в этом роде. Интересно, о каком таком званом вечере он талдычил? Не вижу, чем мы ему можем помочь. Во всяком случае, девочка моя, не забывай, где находишься, и веди себя как следует. Я не желаю, чтобы меня повесили за убийство лорда.

Вскоре они поравнялись с огромными коваными железными воротами на высоких столбах, увенчанных оскаленными каменными грифонами, поросшими зеленым мхом и желтым лишайником. За воротами начиналась дорожка, которая петляла через изысканный парк с величественными деревьями, а вдали, розовея на солнце и поблескивая широкими окнами, возвышалась резиденция лорда Феннелтри. Из сторожки вышел пожилой мужчина и распахнул ворота.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался он, с опаской поглядывая на Рози. – Его светлость предупредил, что вы пожалуете.

Адриан и запряженная в двуколку Рози зашагали по длинной извилистой дорожке. Ближе к дому парковые лужайки сменились аккуратно подстриженными газонами, цветниками и кустами тиса, коим ножницы садовника придали сходство с павлинами, единорогами и прочими достопримечательными представителями фауны. Его светлость стоял на крыльце, нетерпеливо ожидая прибытия гостей. Окружающие его лакеи и почти шарообразный дворецкий с нескрываемым волнением смотрели на Рози.

– А вот и вы, – сказал лорд Феннелтри. – Отлично. Прошу вас, дружище, входите, перекусим вместе. Кстати, что предпочитает Рози, помимо пива?

– Ну, любые фрукты или овощи, – ответил Адриан.

– Реймонд, – обратился его светлость к дворецкому. – Проводите мистера Руквисла и Рози до конюшни и скажите садовникам, чтобы предложили ей какие-нибудь овощи и фрукты.

Как только Рози была помещена в просторное стойло, явились садовники с полными тачками сочной зелени, при виде которой у Адриана потекли слюнки, а Рози издала радостные трубные звуки. Тут были персики и виноград, горох, морковь и капуста, яблоки, груши и абрикосы. Предоставив Рози поглощать эти деликатесы, Адриан последовал за дворецким в дом, где в огромной гостиной полулежал на диване лорд Феннелтри, окруженный собаками всевозможных пород и размеров.

– Прошу вас, садитесь, – сказал его светлость. – Сейчас мы слегка перекусим. Надеюсь, Рози благополучно устроена?

– Да, – ответил Адриан, – знай себе уписывает, только успевай подносить. Вы так добры, а ведь чуть не погибли из-за нее. Я чрезвычайно вам благодарен, честное слово.

– Ну что ж, – заключил его светлость, – если вы и *впрямь* так благодарны, может быть, окажете мне небольшую услугу?

– Все, что могу.

– Я насчет этого проклятого званого вечера, – объяснил его светлость, закрывая глаза, как будто сама мысль о сем мероприятии причиняла ему боль. – Понимаете, у меня есть дочь, скажу притом – не потому, что я отец – отнюдь не безобразная. На днях ей исполняется восемнадцать лет, и по этому случаю мы устраиваем вечер, понимаете? Моя дражайшая супруга, женщина, прямо скажу, своевольная и честолюбивая, настаивает на том, чтобы вечер этот по своей оригинальности и экстравагантности превзошел все, что когда-либо видели в нашей округе. Так вот, финансовую сторону я как-нибудь обеспечу, что же касается оригинальности, до сих пор ничего не мог придумать. И тут появляетесь вы.

– Понятно, – осторожно произнес Адриан.

– И я подумал, – продолжал его светлость, – что появление на званом вечере большого, ручного, пьющего пиво слона – весьма оригинальная идея, как по-вашему?

– Да-а, – протянул Адриан.

– Нет, если вы не согласны, дружище, если не считаете такую идею оригинальной, так и

скажите, прошу вас.

– Почему же, – сказал Адриан, – идея и впрямь очень оригинальная. Просто после каждодневного общения с Рози я уже не воспринимаю ее как нечто оригинальное.

– Вот именно, – отозвался его светлость. – Теперь послушайте, что у меня задумано: мы облачим Рози в наряд, соответствующий ее восточному происхождению, и я в надлежащем убранстве въеду верхом на ней в бальный зал, словно какой-нибудь махараджа. Как вам эта идея?

– Что ж, думаю, она справится с этой ролью, – ответил Адриан.

– Отлично! – просиял лорд Феннелтри. – У нас есть примерно неделя, чтобы отработать детали. На это время буду рад видеть у себя в гостях вас и вашу Рози. К счастью, жена и дочь уехали в город покупать всякие побрякушки и финтифлюшки, так что мы без труда сохраним все в секрете.

– Уверен, ваша идея всем понравится, – сказал Адриан.

– Надеюсь, что так и будет, дружище, – заключил его светлость, вставая с дивана. – А теперь пошли слегка перекусим.

После того что лорд Феннелтри назвал легким ленчем (на стол были поданы суп из спаржи, палтус в белом вине и сметане, перепела, начиненные виноградом, оленья нога, нашпигованная каштанами, и миска клубники со сливками), они приступили к приготовлениям. Увлеченный своей оригинальной идеей, его светлость не был намерен скупиться на расходы. Трех местных портных наняли шить роскошное облачение для Рози, трем плотникам поручил смастерить паланкин. Эта идея принадлежала Адриану. Он посчитал, что будет не совсем разумно посадить лорда верхом на загривок Рози и предоставить ему управлять слонихой, а потому тактично предположил, что махарадже следует удобно восседать в паланкине, возложив деликатные обязанности пилотирования Рози на одного из своей челяди (то бишь на Адриана). Лорду Феннелтри сия идея пришлась по душе.

Облачение Рози выглядело изумительно. Темно-синий бархат, покрытый сотнями блесток и кусочков цветного стекла, был расшит золотым узором, изображающим, как полагал лорд Феннелтри, индуистские письмена. Четыре человека с трудом могли поднять великолепное убранство, и при ярком свете сверкание стекла и блесток ослепляло человека. Не менее замечательно выглядел украшенный резьбой паланкин "с матерчатой бахромой по верхнему краю. Его покрасили в темно-синий, желтый и красный цвета, подобно двуколке Адриана, которая так пришлась по вкусу лорду Феннелтри. Паланкин тоже был декорирован восточным орнаментом из блесток. Его светлость и Адриан были весьма довольны изделиями плотников и портных.

Далее надлежало сшить костюмы для его светлости и Адриана, и озадаченные портные не один час потратили на примерки. Озадачены они были потому, что никогда еще не шили ничего подобного, а тут еще лорду Феннелтри все время приходили в голову новые идеи. Дошло до того, что один портной вынужден был целый день отлеживаться в постели, когда на него обрушился страшный гнев лорда за то, что он принес для примерки красный тюрбан вместо белого.

Конечный продукт смотрелся поистине великолепно. Его светлость настоял на том, чтобы самолично придумать фасон своего платья, и, поскольку он совершенно не представлял себе, что носят махараджи, его изобретение, возможно, не было бы одобрено придирчивым восточным властелином. Перевязанные у лодыжки длинные малиновые шаровары, щедро украшенные блестками и расшитые золотом остроносые персидские туфли, роскошный длинный нефритово-зеленый и желтый кафтан… Венчал всю эту конструкцию белоснежный тюрбан с воткнутыми в него четырьмя павлиньими перьями. Украсить перьями головной убор тоже придумал Адриан, и несколько дней подручные садовников все свое свободное время только и делали, что преследовали злополучных птиц.

Погонщику слона Адриану, естественно, полагалось выглядеть поскромнее махараджи, а потому пришлось ему довольствоваться маленьким расшитым золотом красным жилетом, белыми шароварами и белым тюрбаном. Когда портные завершили свою работу, в спальне лорда состоялась заключительная примерка, и Адриан должен был признать, что они оба смотрелись замечательно. Однако его светлость был чем-то недоволен. Стоя перед зеркалом, он задумчиво погладил свои бакенбарды.

– Знаете, дружище, – сказал он наконец, – тут что-то не так. Вам не кажется, что я вроде как бы бледноват для махараджи?

– Возможно, – отозвался Адриан.

– Придумал! – воскликнул его светлость в приливе вдохновения. – Жженая пробка!

Не успел Адриан что-либо возразить, как дворецкому было приказано отправиться в винный погреб, откуда он и вернулся вскоре с набором различных пробок. При помощи канделябра и двух слуг было приготовлено надлежащее количество жженых пробок, и его светлость принялся с жаром накладывать себе грим.

– Вот! – торжествующе молвил он наконец, отворачиваясь от зеркала. – Ну как?

Адриан уставился на него. Лицо лорда Феннелтри стало совершенно черным, и на этом фоне его огромные фиолетовые глаза и рыжеватые бакенбарды выглядели просто поразительно.

– Великолепно, – неуверенно произнес Адриан.

– Тот самый последний штрих, от которого все зависит, – заключил его светлость. – Теперь позвольте заняться вами.

Половина лица Адриана была уже вымазана сажей, когда в спальне внезапно возник дворецкий.

– Извините, милорд, – молвил он.

– Ну что там еще, Рэймонд, в чем дело? – раздраженно осведомился его светлость, отрываясь от дела.

– Мне показалось, вам следует знать, милорд, что ее светлость только что приехала.

Лорд Феннелтри вздрогнул и выронил пробку.

– Силы небесные! – в ужасе воскликнул он. – Она не должна застать нас в таком виде… живей, Рэймонд, поспешите, скажите ей, что мы принимаем ванну или что-нибудь в этом роде. Не пускайте ее сюда… и главное, ни слова про слониху.

– Слушаюсь, милорд, – ответил Рэймонд и вышел.

– Ума не приложу, что это ей вздумалось, – выговорил его светлость, лихорадочно разматывая тюрбан. – Они должны были вернуться только послезавтра. Послушайте, Руквисл, ей ни при каких обстоятельствах не должно стать известно, что мы тут затеваем. Моя супруга начисто лишена чувства юмора, она способна все поломать. А потому, дружище, – молчок, ясно? Нем, как могила – идет?

Глава седьмая
ПАВЛИНЫ И ПЕРСИКИ

Первая же встреча Адриана с леди Феннелтри и ее дочерью Нарциссой заставила его сильно усомниться – стоит ли приводить на званый вечер Рози.

Высокая величественная женщина с пышными золотистыми волосами, леди Феннелтри обладала утонченным профилем и глазами недовольного жизнью удава. Говоря, она отчетливо

произносила каждое слово, чтобы всякому была внятна ее воля, и голос ее звучал так, будто перед ней стояло несколько сот гвардейцев. Излагая свои пожелания, она пользовалась большим, изысканной конструкции лорнетом, умножающим злобность ее взгляда, от которого у Адриана отнимались голосовые связки. Что до Нарциссы, то она пошла скорее в отца – та же стройная фигура (с добавлением кое-каких собственных округлостей), огромные фиолетовые глаза и длинные рыжеватые волосы. Красота ее была такой нежной и эфирной, что производила на голосовые связки Адриана почти такое же действие, как буравящий взор леди Феннелтри.

Когда его светлость и Адриан, слегка взъерошенные, со следами жженой пробки на лице, вошли в гостиную, ее светлость, подняв лорнет, устремила на них такой свирепый взгляд, что Адриан побледнел.

– Моя дорогая, как я рад, что ты уже вернулась, – пролепетал лорд Феннелтри.

– Не очень-то похоже, судя по тому, что ты не встретил нас здесь, внизу, – холодно произнесла леди Феннелтри. – А это кто?

– А! Ну да! – ответил его светлость. – Позволь представить, любимая. Адриан Руквисл, сын одного из старых близких товарищей по колледжу. Он… э… как раз проезжал тут мимо, и я пригласил его принять участие в нашем званом вечере. Адриан, познакомься – моя супруга и Нарцисса, моя дочь.

– Как поживаете? – осведомилась ее светлость тоном, не оставляющим сомнения в том, что весть о его близкой кончине ничуть ее не опечалит.

– Ну, – спросил его светлость, потирая руки, – как провели время в городе? Накупили кучу премиленьких вещичек?

– Руперт, – сказала ее светлость, – будь любезен, прекрати обращаться к нам так, словно перед тобой умственно отсталые дети. По правде говоря, это была очень утомительная поездка. Скажи лучше, как идут *твои* приготовления к званому вечеру?

Его светлость вздрогнул и поперхнулся. У Адриана оборвалось сердце. Первых же минут знакомства с леди Феннелтри хватило ему, чтобы понять – изо всех женщин на свете только не она милостиво отнесется к участию в ее званом вечере слона, как бы красиво тот ни был наряжен. Но отступать было поздно, и ему оставалось лишь помалкивать, предоставляя лорду Феннелтри объясняться.

– Приготовления! – выпалил лорд Феннелтри, сжимая лацканы пиджака и делая хитрое лицо. – Приготовления… понимаешь, еще не время рассказывать тебе все, любимая. Скажу только, что приготовления идут полным ходом, *все* в порядке. Тебя ждет сюрприз, любимая. Но на моих устах печать молчания. Из меня клещами слова не вытянешь.

«И слава Богу», – подумал Адриан.

– Гм! – молвила леди Феннелтри, и в этом междометии прозвучало больше грозной подозрительности, чем в монологе судьи, готового вынести смертный приговор. – Что ж, если ты не можешь избавиться от ребячества… Приятно хотя бы знать, что ты не предавался полному безделью в наше отсутствие.

– Нет-нет, что ты! – искренне возразил его светлость. – Клянусь, любимая, мы трудились, как бобры, самые настоящие бобры. Успех вечера обеспечен, поверь.

Следующие два дня Адриана неотступно преследовали дурные предчувствия. Тщетно он пытался уговорить его светлость ввести леди Феннелтри в курс дела. Осененный впервые в жизни оригинальной идеей, лорд Феннелтри не желал расставаться с ней, поскольку твердо знал, что ее светлость тотчас наложит вето, если что-нибудь проведает. Тогда как триумфальный успех даже ее лишит повода возмущаться.

Скрыть от такой всеведущей особы, как леди Феннелтри, присутствие в конюшне слона было чрезвычайно трудно. Первым делом она обратила внимание на полное отсутствие фруктов на столе, что лорд Феннелтри (в приливе вдохновения) объяснил появлением новой, ядовитой разновидности пчел; не будучи натуралистом, ее светлость довольствовалась этим объяснением, ограничившись тем, что уволила старшего садовника. Затем она обнаружила, что половина павлинов уныло бродит по парку, лишившись хвостового оперения. Утверждение лорда Феннелтри, будто павлины линяют, было с презрением отвергнуто, ибо даже леди Феннелтри знала, когда у этих птиц наступает линька. Вызвав егерей, ее светлость задала им жару и приказала усилить охрану парка, выслеживая охотников за павлиньими перьями и стреляя в них без предупреждения.

И без того расшатанным нервам Адриана не становилось легче оттого, что он должен был в полночь подниматься с постели, чтобы прогуливать Рози в парке с риском попасться на глаза вооруженным егерям. Да и сама слониха отнюдь не помогала ему сохранять тайну. Основательно избалованная роскошной диетой, она взяла за правило пронзительно трубить, когда задерживались очередные поставки персиков. Лорд Феннелтри и Адриан постоянно пребывали в состоянии паники, с ужасом ожидая, что леди Феннелтри вот-вот услышит необычные звуки и надумает расследовать, в чем дело. Накануне дня, на который был назначен званый вечер, они были на волосок от разоблачения. Их светлости и Адриан мирно играли в крокет на зеленом газоне за домом, когда от конюшни до них вдруг донесся резкий, негодующий трубный звук. Ее светлость, изготовившаяся было бить по шару, замерла и воззрилась на лорда Феннелтри, который принялся вдруг громко распевать в отчаянной попытке заглушить голос Рози.

– Что это за звуки? – зловеще осведомилась ее светлость.

– Звуки? – Его светлость без нужды сильно ударил свой шар. – Звуки? Ты это о моем пении, любимая?

– Нет, – сурово отчеканила ее светлость.

– Я ничего не слышал, – сказал его светлость. – А вы, Адриан?

– Нет, – ответил тот, готовый провалиться сквозь землю. – Совсем ничего.

– Похоже, – настаивала ее светлость, – на трубу, или кларнет, или на еще какой-нибудь из этих вульгарных инструментов, на которых играют в духовых оркестрах.

В это время ветер снова донес до них пронзительное изъявление недовольства Рози.

– Вот! – сказала ее светлость. – Я говорю про этот звук.

– А! Это… – в отчаянии произнес Адриан. – Должно быть, охотники устроили гон.

Однако его слова не убедили леди Феннелтри. Затаив дыхание, Адриан и лорд Феннелтри смотрели, как она прислушивается, наклонив голову набок. Тишина… Слава Богу, очевидно, прибыл состав с персиками…

– Кстати, об охотниках, – вдруг сказала ее светлость. – Тебе говорили, Руперт, о постыдном происшествии? Какой-то человек, явно ненормальный, натравил на охотников огромного буйного слона.

Адриан уронил себе на ногу тяжелый деревянный молоток.

– Говорили, – отозвался лорд Феннелтри, силясь выглядеть сурово. – Возмутительно!

– Что *хуже* всего, – прошипела ее светлость, ударяя по своему шару с такой силой, что он с ходу прокатился через трое ворот, – этот человек был *совершенно голый!*

– В самом деле? – Лорд Феннелтри с любопытством посмотрел на Адриана, который утаил от него эту подробность.

– Омерзительный случай, – заключила ее светлость.

– Нет – совершенно голый? – повторил лорд Феннелтри с глубоким интересом. – Но почему он сопровождал слона нагишом?

– Люди низкого происхождения, – ответила леди Феннелтри, – способны подчас на самые странные поступки, особенно когда находятся под воздействием алкоголя.

Пока развивалась эта беседа, Нарцисса стояла, задумчиво глядя в пространство. Потом устремила ласковый взор на Адриана.

– Я никогда не видела голого мужчину, – произнесла она.

– Нарцисса! – воскликнул потрясенный лорд Феннелтри. – Этого еще не хватало. Еще насмотришься.

К счастью, новая тема благополучно отвлекла внимание леди Феннелтри от трубных звуков Рози, однако Адриану было не по себе. Теперь он не сомневался, что идея лорда Феннелтри обречена на фиаско. Не говоря уже о прочих обстоятельствах, от леди Феннелтри не приходилось ждать, что она будет счастлива узнать, что принимала в своем доме молодого мужчину, нагишом атаковавшего местных охотников. Он снова попытался повлиять на лорда Феннелтри, но его светлость был непоколебим.

– Позвольте мне потихоньку удалиться вместе с Рози, – взмолился Адриан. – Уверяю вас, когда ваша супруга все узнает, быть беде.

– Ерунда! – беспечно возразил его светлость. – Да когда она увидит наш роскошный выход, то от изумления потеряет дар речи.

Адриан не представлял себе, что могло бы лишить леди Феннелтри дара речи.

– Но когда она узнает, кто я такой, – настаивал он, – когда узнает про Рози… и… и… про фрукты и павлиньи перья…

Тут у него сорвался голос – очень уж живо он представил себе, как леди Феннелтри узнает вдруг сразу обо всем.

– Дружище, – сказал его светлость, – не волнуйтесь так. Вы просто мнительный человек, я уже заметил это за вами. Поберегите свои нервы. Да в тот момент, когда слониха войдет в бальный зал, моя жена – а вы не могли не подметить, что она человек крайне впечатлительный – сразу уяснит себе, что во всей округе ни у кого еще не было на балу слона. Уверяю вас, дружище, этот вечер надолго останется в ее памяти.

Он и впрямь остался в памяти леди Феннелтри, однако не совсем в том смысле, какой подразумевал его светлость…

И вот настал великий день; в доме развернулась кипучая деятельность. В одном конце зала длиной пятьдесят и шириной пятнадцать метров резные дубовые двери вели на выложенную плитами террасу, откуда должна была появиться Рози. Над дверями этаким ласточкиным гнездом прилепился балкон для музыкантов. Помещение освещалось висящими в два ряда и переливающимися огнями наподобие опрокинутых рождественских елок двумя дюжинами огромных канделябров. Натертый воском отполированный пол блестел, точно коричневое озеро, а в дальнем конце зала были расставлены накрытые белоснежными скатертями длинные столы, на которых разместились большие серебряные вазы с фруктами, оленьи окорока, заливные омары, напоминающие заточенных в янтаре гигантских красных мух, огромные пироги цвета осенней листвы, с начинкой из тетеревов, фазанов и перепелов, копченые угри на ложе из петрушки и кресс-салата, копченые лососи в майонезе с черными бусинами икры, а посередине красовалась главная достопримечательность – искусно оформленный жареный поросенок с розовым яблоком в зубах. Рядом с блюдами стояли большие чаши с пуншем, серебряные ведерки с шампанским, услада джентльменов – портвейн и бордо, свежие апельсиновые, лимонные и персиковые соки, а также розовое и белое мороженое для взопревших после вальса или тустепа дам. С приближением вечера хлопот все прибавлялось, и Адриан то удалялся в конюшню, наставляя Рози перед ее выходом, то бродил по бальному залу, где от созерцания сверкающего паркета у него холодело в животе.

Наконец на освещенной луной аллее, под стук копыт и звон бубенчиков появились первые экипажи, везя щеголяющих бакенбардами статных мужчин и стайки благоухающих парфюмерией нарядных женщин. Оркестранты, заняв свои места на балконе, встречали прибывающих негромкой музыкой. Адриан, мрачно потягивая пунш, мысленно проклинал своего дядюшку, лорда Феннелтри и Рози, по чьей вине он оказался вовлеченным в эту затею. Однако второй стакан взбодрил его, и он налил себе третий. Только Адриан решил подойти к Нарциссе и пригласить ее на танец, как рядом с ним появился рослый индивидуум, громогласно требуя, чтобы ему подали вина. Адриан не сразу узнал плечистого щеголя, когда же разглядел его, то весь похолодел. То был егермейстер из Монкспеппера; к счастью, он слишком увлекся поглощением пунша, чтобы обращать внимание на окружающих. Прикрыв лицо носовым платком, Адриан незаметно выскользнул из бального зала и отправился на поиски лорда Феннелтри. С трудом нашел его и оторвал от беседовавших с ним гостей.

– Ну, что еще… в чем дело? – раздраженно осведомился его светлость.

– Послушайте, – лихорадочно прошипел Адриан, – вы должны все немедленно отменить. Знаете, кто приехал?

– Кто? – спросил его светлость.

– Егермейстер из Монкспеппера, вот кто.

– Ну и что? – удивился лорд Феннелтри. – Я *сам* его пригласил.

– Вы пригласили? – недоверчиво произнес Адриан. – Как вы думаете, что он скажет, когда увидит Рози?

– Ха-ха, – сказал его светлость. – Я для того и пригласил его, дружище, чтобы услышать, *что* он скажет.

– Вы сошли с ума, – вырвалось у Адриана. – Забыли, что, когда он видел Рози в прошлый раз, она схватила его хоботом и бросила на землю? Как, по-вашему, он отреагирует, увидев ее *здесь?*

– Полагаю, это будет весьма занятное зрелище, – ответил его светлость.

– Но он грозился посадить меня за решетку!

– О, пусть это вас не пугает, я сумею задобрить старину Дарси.

Убедившись в полной неспособности его светлости задабривать леди Феннелтри, Адриан легко мог представить себе, как его вмешательство подействует на егермейстера из Монкспеппера.

– Полно, дружище, – продолжал его светлость. – Вы опять начинаете нервничать из-за пустяков. Возьмите себя в руки, умоляю вас. Впереди дело, требующее от нас хладнокровия, абсолютного хладнокровия и полного самообладания. Я вызову вас через полчаса, и мы пойдем переодеваться. Мне не терпится увидеть, какой эффект мы произведем.

И он улетучился, оставив испуганного Адриана стоять в полной растерянности.

Тем временем званый вечер был в полном разгаре, и бальный зал с порхающими над лоснящимся паркетом парами напоминал огромный оживший цветник. Вино и пунш лились рекой, так что многие джентльмены, чьи лица поначалу выглядели бледными и апатичными, заметно раскраснелись, а те, что не могли пожаловаться на цвет лица, просто-таки побагровели. Дамы устало опускались в кресла, энергично обмахиваясь веерами и жалобно умоляя птичьими голосами принести им мороженое или лимонад. Адриан уныло попросил слугу налить ему шампанского и попытался на полчаса вовсе забыть, что происходит. Однако холодное шампанское только заставило его желудок больно сжаться, и он уже собрался вновь обратиться к пуншу, когда рядом с ним внезапно возник лорд Феннелтри.

– Время, – сказал его светлость. – Пробил час нашего великого триумфа!

– Хотел бы я согласиться с вами, – с горечью отозвался Адриан, поднимаясь следом за ним по лестнице.

В спальне его светлости на широкой кровати под балдахином лежали их роскошные костюмы, и двое взволнованных слуг стояли наготове, чтобы помочь с одеванием. Полчаса спустя лорд Феннелтри, чьи огромные фиолетовые глаза и рыжеватые бакенбарды не очень-то сочетались с азиатским одеянием, тихонько спустился по черной лестнице вместе с Адрианом. Они поспешили в конюшню, где в свете керосиновых ламп переливалось блестками облачение Рози.

– Теперь, – возвестил лорд Феннелтри, волнуясь, – осталось только одеть нашу звезду и совершить парадный выход. Мне не терпится увидеть их лица.

Глава восьмая
ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР

Подойдя к стойлу и распахнув его двери, Адриан кроме сладкого запаха сена уловил какой-то другой, более резкий аромат. Нахмурив брови, он повел носом: аромат что-то напомнил ему, хотя Адриан не мог разобрать, что именно.

– Рози! – позвал он слониху.

Тишина… А ведь обычно Рози, заслышав его голос, приветствовала Адриана радостным визгом.

– Рози! – тревожно крикнул он снова, силясь рассмотреть что-нибудь в темноте. – Рози, ты здесь?

Внезапно тишину нарушил звук громкой, но вполне благородной отрыжки. Страшное подозрение овладело Адрианом, и тут же он разгадал природу резкого запаха – то пахло ромом. Подхватив фонарь, он поспешно вошел в стойло и увидел Рози. Изящно притулившись к стенке, она тихонько икала и меланхолично перекатывала ногой пустую бутылочку. Адриан с ужасом воззрился на слониху. Каким образом она заполучила ром?… Одно было ясно: пока в доме пировали и веселились, Рози в своем уединении утешалась втайне легкой выпивкой. О каком-либо публичном выступлении теперь не могло быть и речи. Слониха надралась не хуже какого-нибудь завзятого пьянчужки. Вот она подобрала хоботом клок сена и после нескольких неудачных попыток затолкала себе в рот. Задумчиво жуя, негромко рыгнула, и тут Адриан ощутил вдруг невыразимое облегчение. Ну конечно! Порядок! Милая, дорогая, ненаглядная Рози, несравненная Рози спасла его в последнюю минуту! Да он сам должен был поднести ей рому, если бы сообразил раньше! И Адриан выскочил из стойла к ожидающему его лорду Феннелтри.

– Представление отменяется, – торжествующе сообщил он. – Она пьяна.

– Пьяна? – озадаченно повторил его светлость. – Как это понимать – пьяна?…

– Под градусом… на взводе… под парами… под мухой, – сказал Адриан. – Откуда-то добыла бутылку рома и всю выдула.

– Дружище, – ахнул его светлость, – это катастрофа. Вы хотите сказать, что она не в состоянии выступить?

– Какое там, – отозвался Адриан. – Она еле на ногах стоит.

– Полное крушение, – простонал его светлость. – После всех наших трудов… А нельзя ее как-то подпереть? Поставить садовников по бокам?

– Нельзя, – ответил Адриан. – Говорю вам – она вообще не в состоянии ходить.

В эту минуту Рози словно в забытьи вышла из стойла, пиная ногами пустую бутылку.

– Клянусь Юпитером! – воскликнул его светлость. – Она пришла в себя!

На самом деле речь шла о странном мимолетном протрезвлении, какое бывает у крепко выпивших людей, но лорд Феннелтри не желал слушать Адриана. Пока они препирались, Рози узрела свое облачение и, издав радостный, хотя и несколько режущий слух писк, добрела к нему и легла на живот, ожидая, чтобы ее одели.

– Вот видите, – торжествующе молвил его светлость. – Что я– говорил! Она в полном порядке. Право, дружище, вы напрасно волнуетесь по пустякам.

– А я говорю вам, – настаивал Адриан, – что она пьяна в стельку. Если вы поведете ее в бальный зал, я ни за что не отвечаю.

Лорд Феннелтри подошел к Рози и ласково погладил ее по голове.

– Ну, старушка Рози, дорогая, – сказал он, – ты ведь отлично со всем справишься?

Рози икнула в ответ. Сколько ни возражал Адриан, на нее надели сверкающее блестками облачение, затем водрузили и закрепили паланкин. После чего его светлость поднялся по лесенке и удобно расположился на сиденье.

– Пошли, дружище, не тяните канитель, – сказал он. – Настал великий час.

С таким чувством, будто он восходит на эшафот, Адриан занял место на загривке Рози. В душе его теплилась слабая надежда, что он сумеет, направив Рози в бальный зал, тут же вывести ее обратно со сцены, быстренько удовлетворив заветное желание его светлости. К счастью, спиртное приводило Рози в благодушное настроение. Подчиняясь командам Адриана, она тяжело поднялась на ноги, постояла, меланхолически покачиваясь, затем побрела по дорожке, ведущей вокруг дома к террасе перед бальным залом. От неуверенной поступи слонихи сильно пострадали цветники, но все же она кое-как добрела до дверей, где стояли наготове двое слуг.

– Пора, милорд? – негромко спросил дворецкий.

– Пора, – ответил лорд Феннелтри, поправляя тюрбан и принимая величественную позу в паланкине.

Слуги распахнули двери, и оркестр тотчас перестал играть. Лихо вальсирующие пары застыли на месте. В дальнем конце зала их взорам предстала окантованная дверной рамой, слегка покачивающаяся картина с роскошным восточным сюжетом. Послышались восхищенные воз-

гласы, пары расступились и выстроились рядами вдоль стен, аплодируя и оживленно переговариваясь.

– Ну, пошли же, – прошипел лорд Феннелтри. – Вперед!

Вознеся к небесам краткую молитву, Адриан энергично ударил пятками шею Рози и замер в ожидании. Глаза слонихи не сразу освоились с ярким светом огромных канделябров, но все же помутневший от рома взор различил великое многоцветное сборище людей по краям того, что она приняла за арену цирка. Рози недаром слыла в прошлом опытным актером. Радостно взвизгнув, она взбодрилась и двинулась вперед мелкой рысью. Что ее и погубило.

Натертый до зеркального блеска пол бального зала не мог бы служить надежной опорой для трезвого слона, не говоря уже о подвыпившем. Не слишком послушные задние ноги слонихи подкосились, и она вдруг приземлилась на свою широкую корму. И все бы еще ничего, если бы не скорость, какую слониха развила на входе, потому что она в хорошем темпе заскользила по гладкому паркету. Напрасно Адриан дергал Рози за уши, пытаясь притормозить, напрасно лорд Феннелтри неразборчиво что-то кричал, вися чуть ли не вверх ногами в покосившемся паланкине. Бальный зал наполнили крики дам и тревожные возгласы джентльменов, а Рози, вся в блестках, словно груда брильянтов, пронеслась с нарастающей скоростью через все помещение и врезалась в длинные столы с яствами. По всему полу растеклись реки пунша, шампанского и восьми сортов вин различной выдержки. В этих реках вперемешку с фруктами, омарами, угрями и лососями плавали вымазанные мороженым окорока. Грохот, которым сопровождался финиш Рози, потряс дом до самого основания. Его сменила долгая потрясенная тишина, нарушаемая только регулярной икотой слонихи.

Леди Феннелтри и впрямь (вероятно, единственный раз в своей жизни) потеряла дар речи. Супруг посулил ей нечто оригинальное, но скользящий в сопровождении двух азиатских джентльменов через весь бальный зал огромный, переливающийся блестками слон – такого ей не снилось даже в самых страшных кошмарах. Когда Рози врезалась в столы, крепление паланкина лопнуло, и он съехал на пол. Лорд Феннелтри, выбираясь из обломков, смахивал на покидающую кокон яркую бабочку, и когда леди Феннелтри вдруг узнала его, к ней тотчас вернулся дар речи.

– Руперт!! – вскричала она. – Что все это значит?! Вопрос, на какой не так-то просто было ответить, но

лорд Феннелтри все-таки попытался.

– Сюрприз! – выдохнул он и указал, нервно улыбаясь, на окружающий его кулинарный хаос. – Это сюрприз, обещанный тебе, любимая.

Леди Феннелтри задрожала, словно в лихорадке.

– Сюрприз? – глухо молвила она.

– Ну да, дорогая. Что ни говори, во всей округе ни на одном балу не было слонов.

– И меня такое упущение нисколько не удивляет, – гневно выпалила леди Феннелтри. – Не можешь ли ты вывести это животное *вон отсюда?*

Рози до этой минуты мирно сидела возле сокрушенных ею столов. Небольшие ушибы с лихвой компенсировались тем, что она, как ей казалось, очутилась в слоновом раю. С обеих сторон она видела лужицы дивной пьянящей влаги, чередующиеся с съедобными островками из омаров, мороженого и мясных пирогов, чего ей прежде никогда не доводилось вкушать. И счастливая Рози протягивала хобот, пробуя разные яства и совершенно не обращая внимания на Адриана, который, все еще сидя на загривке своей подопечной, отчаянно пытался заставить ее встать. Все же она наконец вспомнила о приличиях. Эти радушные, добрые люди приготовили для нее такую дивную трапезу, что она была просто обязана чем-то развлечь их. И, подкрепившись добрым глотком шампанского, Рози стала перебирать в памяти трюки, приносившие столько радости зрителям во времена ее выступлений в цирке. Поразмыслив, она решила изобразить попрошайку.

Лучше бы она выбрала что-нибудь другое… К счастью, Адриан успел в последнюю секунду отскочить в сторону, ибо алкоголь плохо повлиял на чувство равновесия слонихи, и она шлепнулась на спину с такой силой, что один из подвешенных к потолку огромных канделябров сорвался вниз, разбившись на тысячи усеявших весь зал блестящих звонких осколков. Поскольку в этом канделябре было целых триста пятьдесят больших свечей, на паркете вспыхнул весьма впечатляющий пожар. Окончательно сбитые с толку гости беспорядочно метались взад-вперед,

издавая жалобные крики. Женщины с монотонной регулярностью падали в обморок, приходили в себя и снова падали в обморок, так что мужчины едва успевали подхватывать их.

Рози слегка удивилась. Сколько она помнила, трюк «попрошайка» ни разу не вызвал такого восторга. Перевернувшись на живот, Рози встала и обвела счастливым взглядом разоренный бальный зал. Она не сомневалась, что все по мере сил стараются участвовать в представлении. Адриан схватил серебряное ведерко с ледяной водой и опорожнил его над весело искрящимися свечками. Ему удалось потушить пожар, зато по всему залу поплыли облака едкого дыма. Леди Феннелтри, которую едва не хватил удар от ярости, схватила супруга за отвороты куртки и энергично трясла его – зрелище настолько захватывающее, что многие упавшие в обморок леди поспешили прийти в себя.

С точки зрения Рози, вечер удался на славу – ешь, пей и веселись вместе со всеми. Глотнув портвейна из протекающего мимо ручейка, она задумалась – не повторить ли номер «попрошайка», однако решила, что столь благодарная публика заслуживает хоть какого-то разнообразия, и попыталась встать на голову. Эта попытка оказалась такой же неудачной, как предшествующая, и Рози шлепнулась на бок. После чего некоторое время полежала, икая и спрашивая себя, какую ошибку допустила.

И надо же было музыкантам решить, что настало самое время снова начать играть. Развернувшееся внизу столпотворение сильно их озадачило. Старые верные слуги, они не считали себя вправе осуждать поведение его светлости, но зрелище того, как их светлости, сцепившись друг с другом, изрекают слова, коим не место при великом стечении публики, подвигло их на веселый венский вальс. Откуда им было знать, что в цирке именно вальс был одним из коронных номеров Рози. Подхватив хоботом миловидную пухленькую блондинку, она принималась лихо кружить по арене. Лежа теперь на паркете, Рози услышала знакомую мелодию, и мысли ее направились по привычному руслу. С трудом поднявшись на ноги, она повела кругом мутным взором. И опять-таки надо же было так случиться, что первой в поле зрения слонихи оказалась леди Феннелтри.

В разгар замысловатого и отнюдь не лестного анализа генеалогического древа лорда Феннелтри, когда ее светлость успела дойти всего лишь до пятнадцатого века, она вдруг ощутила, что взлетает в воздух и описывает там круги, присущие, по мнению Рози, вихревому вальсу. Пронзительные вопли ее светлости слониха приняла за одобрительные возгласы и продолжала весело вальсировать. Она была очень довольна собой, убежденная, что никогда еще не танцевала так замечательно. Правда, несколько раз она падала, но ухитрялась при этом удерживать хоботом леди Феннелтри так, чтобы та не ушиблась. Сопровождаемая восхищенными и потрясенными взглядами зрителей, Рози как раз завершила полный круг по воображаемой арене, когда музыканты, сообразив вдруг, что они не столько успокаивают, сколько поощряют и подхлестывают слониху, перестали играть, чему Рози была только рада: и возраст уже не тот, и арена великовата, и леди Феннелтри тяжеловата. Заключив, что достаточно развлекла публику, Рози в завершение номера положила обомлевшую леди Феннелтри на олений окорок, четырнадцать бутылок шампанского и остатки лосося и, гордо подняв хобот, издала громкий, надменный трубный звук. Действие сего звука на публику было мгновенным и интересным. Гости решили, что чудовище, отведав крови леди Феннелтри, сейчас пойдет на них в атаку. В панике они рассыпались по залу, точно зайцы, и так уж странно действует человеческое сознание в критические минуты, что кое-кто побежал прямо к Рози, а не в другую сторону. Среди них, развив вполне приличную для своей комплекции скорость, оказался и егермейстер из Монкспеппера. Легкий хмель не помешал Рози узнать его, и она расплылась в улыбке – разве не этот самый человек помог ей исполнить свой номер тогда на лугу? Радостно взвизгнув, она живо поймала его на бегу и вскинула хоботом вверх. Боясь, что егермейстера постигнет та же судьба, что леди Феннелтри, Адриан посчитал необходимым вмешаться.

– Рози! – крикнул он, заглушая нестройный шум. – Отпусти его!

Рози удивилась – номер ведь только-только начался. У нее было задумано в качестве, так сказать, завершающего штриха посадить его на балкон к музыкантам. Однако Рози уже порядком устала, и если Адриан командует «Отпусти!», то следует, наверно, подчиниться… А потому она разогнула хобот, и сто с лишним килограммов живого веса егермейстера из Монкспеппера грохнулись на паркет. Адриан зажмурился, моля небеса послать ему легкую смерть. Когда он снова открыл глаза, рядом, дергая его за рукав, стоял лорд Феннелтри.

– Дружище, – сказал его светлость, – боюсь, вы были правы. Мы в самом деле просчитались.

Глядя на полное разорение в зале, на истерически кричащих гостей, на леди Феннелтри, чья голова покоилась на лососе, на лежащего без сознания – возможно, мертвого? – егермейстера из Монкспеппера, Адриан не видел причин возражать его светлости.

Глава девятая
ПОБЕГ

Впоследствии Адриан так и не мог толком вспомнить, каким образом ему удалось невредимым покинуть Феннелтри-Холл. Память подсказывала, что они с лордом Феннелтри вместе сумели вытащить Рози из разоренного бального зала и отвести в конюшню. Помнилось, как лорд Феннелтри сказал, что, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что Адриану и Рози следует «ускользнуть», прежде чем леди Феннелтри или монкспепперский егермейстер (или оба) придут в себя. Вскоре Адриан и Рози уже шагали по озаренной луной аллее, сопровождаемые стуком разноцветной двуколки. Страдающая похмельем, сонная Рози скорбно вздыхала, размышляя о своих неразумных действиях, следствием которых явилась головная боль. У Адриана тоже болела голова, но по другой причине. Ему не терпелось как следует отчитать Рози, однако он спешил уйти подальше от гнева леди Феннелтри, а потому энергично подгонял слониху. Хотя царила чудная ночь, светила полная луна и звездное небо напоминало расшитую бисером росы паутину, было холодно, так что быстрый шаг помогал обоим согреться.

Три часа спустя Адриан посчитал, что до утра они могут чувствовать себя в безопасности, однако ему хотелось найти место, где можно было бы укрыться на весь следующий день, ибо он знал, что леди Феннелтри особа решительная, и не сомневался, что она не успокоится, пока он и Рози не будут пойманы и доставлены обратно в Феннелтри-Холл. Тогда как сейчас ему меньше всего на свете хотелось бы побеседовать с ее светлостью.

Дорога петляла среди полей и зеленых рощ, в такой местности не очень-то укроешься. А затем, с недовольством отметил Адриан, началась вересковая пустошь, где не то что слона, собачку было бы негде спрятать. Он продолжал движение, уповая на то, что за пустошью вскоре пойдет лес, однако она становилась все шире, и на рассвете его взгляду предстал безбрежный пурпурно-зелено-бурый гладкий ковер из сухого вереска, который словно охватило пламя, когда взошло солнце. Тонкие пряди марева над вереском и утесником сплетались вместе, образуя прозрачные завесы, и они с каждой минутой сгущались, пока все кругом не окутал серый туман. За

десяток шагов уже не было видно Рози, но Адриан не сомневался, что солнце, поднимаясь, развеет туман, а потому решил устроить привал и перекусить. Отведя Рози с двуколкой в ложбину, он достал котелок и развел костер. Приготовил себе чай и бутерброды с сыром, предложил Рози несколько буханок сухого хлеба. Слониха пренебрежительно перевернула их ногой несколько раз, потом глубоко вздохнула и, подойдя в багажнику двуколки, опустила хобот на бочонок с пивом. Тут Адриан впервые с начала их знакомства вспылил. Вскочив на ноги, подбежал к Рози и изо всех сил ударил ее по хоботу. Удивленная столь враждебной выходкой своего божества, она попятилась и взвизгнула так, будто он и впрямь сделал ей больно. Как тут не обидеться – Рози всего-то хотела смочить пересохшую глотку и малость умерить головную боль, а этот Адриан почему-то взбесился.

– Не подходи к пиву, ты… ты… проклятая слониха, чтоб тебя! – прорычал Адриан. – Тебе бы только напиться, чертова образина!

Накрыв бочонок одеялом, он вернулся к костру и сел перед ним на корточки, мрачно поглядывая на Рози.

– Сдается мне, ты не успокоишься, пока не прикончишь меня совсем, – саркастически произнес он. – Мало того, что вторглась в мою жизнь и расстроила ее, ты еще распугала половину лошадей в городе, терроризировала охотников из Монкспеппера и едва *не убила* их егермейстера, после чего учинила разгром в одном из самых величественных поместий Англии, затеяла танцевать, держа хоботом леди Феннелтри, словно какую-нибудь жалкую циркачку. Небось за твою поимку уже объявлена крупная награда. А какой ущерб ты причинила – да один только канделябр стоил не меньше полутораста фунтов! А тебе хоть бы что! Чувствуешь хоть капельку раскаяния? *Какое там!* У тебя одно на уме – как бы еще надраться.

Он замолчал, сердито тыкая палкой в огонь. Рози трясла головой и помахивала хоботом. Хотя до нее доходили не все тонкости бичующей тирады Адриана, она была чувствительной слонихой и по голосу его поняла, что он чем-то недоволен. Рози успела привязаться к Адриану, и ей хотелось как-то утешить его. Может быть, если она встанет на голову, это отвлечет его от неприятных мыслей? И Рози уже приготовилась выполнить этот трюк, но тут он снова заговорил, и она отказалась от этого замысла, учтиво прислушиваясь к его речам.

– Знай же, чудовище, что бы ни случилось, я доведу тебя до побережья и там отдам первому встречному, у кого достанет дурости позариться на тебя. И мне плевать, что потом с тобой будет… пусть делают, что хотят… – Адриан остановился, стараясь придумать что-нибудь пострашнее. – Пусть запрут тебя на *лесном складе,* мне наплевать. Пусть сделают *чучело* и поместят в музей – самое подходящее место для тебя. Мне все равно, что с тобой будет, лишь бы избавиться от тебя.

Адриан остановился, переводя дух, и Рози, желая показать, что внимательно слушала каждое слово, похлопала ушами и тихо пискнула.

– И не проси, – сурово произнес Адриан. – Я твердо решил. Меньше всего на свете мне нужен слон, к тому же великий любитель спиртного, который все сокрушает на своем пути. Как только спустимся к морю – конец нашему партнерству. Мои страдания превосходят все, что способен вынести человек, не теряя рассудка. А потому, пока я еще окончательно не сошел с ума, нам нужно расстаться. Так что замолчи и ешь свой хлеб. Больше ты ничего не получишь.

С этими словами Адриан подбросил в костер несколько прутиков и завернулся в одеяло, чтобы подремать полчасика, пока рассеется туман. На самом деле он так устал от всего, что крепко заснул и благополучно проспал целых два часа. Проснулся он от какого-то шума, когда туман давно испарился и вересковую пустошь озаряло яркое солнце. Адриан сел, повел кругом глазами, и увиденное заставило его в тревоге вскочить на ноги. У небольшого ручейка шагах в десяти-пятнадцати от него стоял малость побитый, ярко раскрашенный фургон, чьи окна закрывали изнутри занавески в красно-белую клетку. Рози, прислонясь к фургону, с блаженным видом скреблась об него, отчего он угрожающе раскачивался. Чей-то пронзительный голос пытался пробиться сквозь треск шатающегося экипажа.

– Прочь отсюда, говорят вам! Сгиньте, злые духи преисподней! Именем Навуходоносора и десяти печатей Соломона – изыдите! Именем Эразма и Священного Знака Прометея…

– Рози! – крикнул Адриан. – Сейчас же уйди оттуда! Рози глубоко вздохнула, отступая от фургона. Вечно

он запрещает делать то, что ей нравится… Адриан подошел к ступенькам перед дверью

экипажа.

– Послушайте! Вы там… – сказал он. – Извините, ради Бога…

– Изыди! – завопил голос. – Сгинь, демон, именем…

– Никакой я не демон! – сердито отозвался Адриан. – Может быть, вы выйдете, чтобы я мог объяснить?…

– Дудки! Вам не провести меня… Я всего лишь бедная старая женщина, а ты пытаешься меня выманить, чтобы завладеть моей душой… изыди, говорю…

– Перестаньте молоть чушь, – разозлился Адриан. – Я вовсе не демон, и мне не нужна ваша душа. Почему бы вам не выйти и не выслушать?

– Если ты не демон, – хитро осведомился голос, – как ты мог так раскачать фургон?

– Это моя слониха раскачала, – объяснил Адриан. – Она скреблась о ваш экипаж.

– Сейчас поверила, – сказал голос.

– А вы откройте дверь и *сами* увидите.

– Откуда мне знать, что слониха? Я в жизни не видела слонов.

Адриан сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

– Мадам, – сказал он. – Я хотел всего лишь извиниться за неудобства, которые моя слониха причинила вам, надумав почесаться о ваш экипаж. Сожалею, если вы не готовы принять мое смиренное извинение. А теперь всего доброго, я должен идти.

– Нет-нет, не уходите, – всполошился голос. – Я никогда не видела слонов, сейчас выйду.

Наступила долгая пауза, внутри фургона глухо произносились какие-то заклинания, наконец дверь с треском отворилась, и показалось обрамленное косматыми седыми волосами, похожее на грецкий орех лицо, принадлежащее крошечной старой женщине. Ни дать ни взять миниатюрная колдунья, подумал Адриан. Старуха была одета в потертую черную бархатную юбку и поношенную красную кофту, на плечах лежала толстая черная шерстяная шаль. Она смерила взглядом Адриана, шамкая беззубым ртом.

– Доброе утро, – поздоровался Адриан.

– Ну, где слон? – осведомилась старушка.

Адриан указал рукой на Рози, которая силилась вырвать из земли куст утесника, ошибочно полагая, что он съедобен.

– Ух ты-ы-ы-ы! – изумленно выдохнула старушка. – Надо же! Да он ростом… надо же!

– Она совсем ручная, – объяснил Адриан. – Слониха просто почесалась немного о ваш экипаж.

– В жизни не видела ничего подобного, – сказала старушка. – Дивный зверь… просто восхитительный.

– А скажите, вам для вашей… а… работы не мог бы пригодиться слон? – с надеждой вопросил Адриан.

– Работы? – ощетинилась старушка. – Я *не работаю.* Она отступила внутрь фургона и тут же вышла с доской, которую повесила на крючок рядом с дверью.

– Вот! – Она гордо указала на доску большим пальцем. – Вот я кто – лучшая колдунья во всем этом краю.

Слегка кривые буквы извещали:

ЧЕРНАЯ НЕЛЛ – БЕЛАЯ КОЛДУНЬЯ
ЗАГОВОРЫ. ЗАКЛИНАНИЯ
ПРЕДСКАЗАНИЕ БУДУЩЕГО И ПРОШЛОГО
СВОЖУ БОРОДАВКИ

– О, – молвил Адриан, удивленный тем, что старушка и впрямь оказалась колдуньей. – Как интересно.

– Вот именно. Я направляюсь на ярмарку в Татлпенни. Вы туда же?

– Нет, мне нужно спуститься в приморье. Кстати, я не очень представляю себе, где мы находимся сейчас. Вы не могли бы подсказать мне, куда двигаться дальше?

– Как насчет завтрака? – спросила Черная Нелл. – Не следует странствовать на пустой желудок.

– Большое спасибо, – ответил Адриан, – но я только что перекусил.

– Пирог с зайчатиной? – настаивала Черная Нелл. – Кусок холодного пирога с зайчатиной, хлеб собственной выпечки и кружка чая, ну как?

При мысли о пироге с зайчатиной у Адриана потекли слюнки.

– Ладно, – сказал он. – Если у вас найдется лишний кусочек.

– Найдется, – заверила Черная Нелл. – Разведи огонь под котелком, а я принесу пирог.

И Адриан сел у костра завтракать вместе с Черной Нелл. Пирог был восхитительный, корочка таяла во рту, розовые, точно коралл, кусочки мяса купались в желе с приправами. Адриан решил даже, что он в жизни не ел такого деликатеса, даже в Феннелтри-Холл. После третьего куска он уже не так желчно смотрел на Рози. Насытившись, Адриан настолько оживился, что поведал Черной Нелл обо всех передрягах и испытаниях, какие пережил с тех пор, как в его жизнь вторглась Рози. Каково же было его удивление, когда старушка заявила, что в жизни не слышала ничего смешнее этой истории, а его описание бала заставило ее смеяться до слез, так что Адриан поневоле тоже расхохотался.

– Ну и ну! Вот это да! – через силу выговорила Черная Нелл, держась за бока. – Жаль, меня не было!

– Ну теперь-то и я должен признать, что это было забавно, – сказал Адриан. – Хотя тогда мне было не до смеха.

Продолжая похохатывать, Черная Нелл вытерла глаза, потом извлекла из кармана колоду грязных засаленных карт.

– Ладно, поехали, сейчас я тебе погадаю, расскажу, что тебя ждет впереди.

– Я не уверен, что мне это нужно, – произнес Адриан.

– Ерунда, – твердо возразила Черная Нелл. – Разумеется, нужно. Давай, сними и разложи карты по семи в шесть рядов.

Адриан быстро стасовал, затем снял и разложил карты рубашкой вверх. Черная Нелл перевернула их и принялась что-то бормотать.

– Ха-ха! – вымолвила она так неожиданно, что Адриан вздрогнул и поежился.

– Что там? – нервно спросил он.

– Ничего, – ответила Черная Нелл. – Твое будущее весьма туманно, весьма.

– Ну и ладно, – с облегчением молвил Адриан. – Остановитесь.

– Нет-нет, кое-что проясняется. Вижу, ты совершаешь морское путешествие.

– Морское путешествие? – недоверчиво сказал Адриан. – Как это – вместе с Рози?

– Еще я вижу опасность… – сообщила Черная Нелл хриплым шепотом. – Опасность и какого-то толстого коротышку. Он причинит тебе кучу неприятностей.

– А вы не можете увидеть что-нибудь приятное? – жалобно спросил Адриан. – Я и так сыт по горло неприятностями.

– Почему же, и приятное тоже вижу. Но очень туманно, весьма. Хорошо еще, что не у всех моих клиентов такой туман получается, иначе от гадания не было бы никакого толку.

С этими словами она засунула карты обратно в карман и закурила короткую черную трубочку.

– Вот что я тебе скажу, – возвестила она, выдыхая облака едкого серого дыма. – Пора тебе в путь, юноша. Впереди еще долго тянется ровная пустошь, гладкая, как яйцо, не больно-то подходящее место, чтобы спрятать слона. А потому слушай мое предложение. Как пройдешь по этой дороге километров десять-двенадцать, будет поворот направо. Не такой уж удобный проселок, зато он проходит по лощинам, там вас будет труднее заметить. Так вот, еще через километров тридцать проселок пересечет железную дорогу, понял? Сразу после того – развилка. Пойдешь налево, и вскоре тебе встретится трактир «Единорог и Лира», фамилия владельца – Филигри. Хозяева – милейшие люди во всей округе, и они обожают животных. Думаю, они позволят тебе побыть там, пока вас не перестанут искать. Скажешь, что тебя послала Черная Нелл.

– Огромное спасибо, – горячо произнес Адриан. – Вы так добры.

– Ага, кому, как не нам, странникам, помогать друг другу, – философически заметила Черная Нелл.

И Адриан снова впряг в двуколку Рози и простился с Черной Нелл.

– Не прощайся, – загадочно молвила она. – Еще увидимся, когда дойдет до драки.

– Что? – озадаченно молвил Адриан.

– Шутка, – усмехнулась Черная Нелл. – Пока. После чего Адриан и Рози зашагали через

залитую

солнцем пустошь и к полудню дошли до поворота, упомянутого Черной Нелл. Она была права – проселок петлял по глубоким лощинам, надежно укрывая их от возможных преследователей. Они перекусили на берегу небольшого озера, и, к великому недовольству Рози, ей пришлось утолять свою жажду только водой. Потом они двинулись дальше.

Вскоре солнце укрылось за перистыми облаками на западе, старательно раскрасив их в золотой, зеленый и красный цвета. На пустошь опустились красноватые сумерки, над проселком с регулярностью метронома заметались летучие мыши. Дорога поднялась на бугор, с макушки которого Адриан увидел на дне долины пересекающие проселок поблескивающие рельсы.

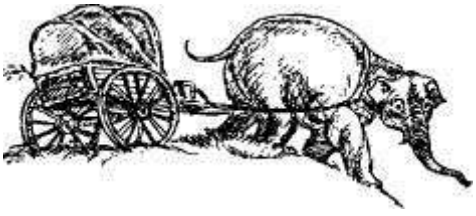
– Вот так, Рози, – сказал он, – теперь уже немного осталось.

Двуколка спустилась, поскрипывая и позвякивая, в долину, и когда они дошли до рельсов, Рози осторожно переступила через них. По команде Адриана она подтянула двуколку вплотную к первому рельсу, после чего он уперся плечом в багажник и велел ей как следует дернуть. Двуколка приподнялась, на минуту повисла на рельсе, потом съехала с него, и тут Адриан обнаружил, что конструктор железнодорожных путей нарочно постарался сделать из них ловушку для двуколок: колеса прочно застряли между рельсами и не желали двигаться ни вперед, ни назад. Стоило Рози потянуть сильнее, как оглобли начинали трещать, грозя сломаться. Оглядевшись по сторонам, Адриан увидел лежащие возле путей остатки старой шпалы. Решив, что из нее получится отличный рычаг, велел Рози стоять спокойно и пошел за шпалой. Возвращаясь со своей добычей, он услышал поезд.

Поглощенный поединком с рельсами, он сначала не обращал внимания на посторонние звуки, теперь же по гулу машины и хриплым гудкам понял, что приближается поезд. Обливаясь холодным потом, волоча тяжелую шпалу, он брел вдоль дрожащих и звенящих рельсов, озабоченный тем, как спасти двуколку. С ужасом слушая рокот поезда, дотащился до экипажа и подсунул рычаг под багажник. Уперся плечом и нажал.

– Тяни, Рози, тяни! – крикнул он, и Рози рванулась вперед.

Двуколка приподнялась и, секунду побалансировав на рельсе, скатилась на насыпь с другой стороны. Одновременно из-за поворота вынырнул паровоз, подобный огнедышащему дракону. «Слава Богу, – подумал Адриан, – двуколка спасена!» И рванулся следом за ней, однако паровоз задел его и безжалостно отшвырнул в сторону. Весь в крови, Адриан приземлился на вереск, будто тряпичная кукла, а поезд безучастно промчался мимо, сверкая желтыми окнами и рассыпая искры, точно метеор. Грохот медленно стих, удаляясь, тогда как Адриан остался лежать без сознания, обратив бледное лицо к звездному небу.

Глава десятая
«ЕДИНОРОГ И ЛИРА»

Когда Адриан открыл глаза, в первую минуту ему показалось, что он покоится на раскаленных вязальных спицах. Все тело страшно болело, ушибленная правая рука словно отнялась. Звезды над ним рыскали по небу самым странным манером, что весьма его озадачило, пока он не сообразил, что лежит на медленно катящей в темноте двуколке.

Каким образом очутился он здесь?… В конце концов Адриан пришел к выводу, что это Рози (верная умница Рози) подняла с земли его бесчувственное тело и положила на двуколку. Он попытался сесть, но тотчас потерял сознание от дикой, жгучей боли.

Когда Адриан снова пришел в себя, двуколка стояла неподвижно, и прямо над ним откуда-то появилась вывеска с надписью «Единорог и Лира» и маленьким изображением названных объектов. Надо же, смутно подумал он, как это Рози ухитрилась найти то самое место, что было их целью. Не будь Адриану так плохо, он, конечно, сообразил бы, что Рози, подобрав его с земли, полным ходом понеслась туда, где, как подсказал ей хобот, помещался благоухающий, видавший виды трактир. Сделав над собой огромное усилие, жмурясь от боли, Адриан слез с двуколки. Правая рука вяло висела, и он не сомневался, что она сломана. Ноги подкашивались, и он шатался, словно пьяный. Рози радостно пискнула и взмахнула ушами. Перед глазами Адриана было длинное, низкое бревенчатое строение с камышовой крышей, напоминающей шероховатую корку огромного пирога. Из решетчатых окон струился золотистый свет. Выписывая ногами замысловатые кренделя, Адриан пересек дорогу и прислонился к двери. Он чувствовал себя отвратительно и боялся, что снова потеряет сознание, прежде чем сумеет войти внутрь, к приветливому свету. Схватив рукой бронзовый дверной молоток, выбил им громкую дробь по дубовым доскам и навалился боком на косяк, борясь с позывами к рвоте. Услышал шаги, стук задвижек, и дверь вдруг распахнулась.

В свете ламп перед Адрианом стоял один из самых толстых мужчин, каких он когда-либо видел. На толстяке были надеты рубашка с подвернутыми рукавами и брюки, ноги обуты в огромные ковровые туфли, обильно расшитые подсолнечниками, маргаритками, хризантемами и прочими яркими цветками. Лицо круглое и пухлое, как у младенца, огромная голова увенчана жидкими пучками бледно-желтых волос. Ниже двойного подбородка следовала благородная округлость могучего живота, которой позавидовал бы зобастый голубь. Толстяк бесстрастно воззрился на помятую, в пятнах крови фигуру Адриана.

– Добрый вечер, – мягко произнес он тонким мелодичным голосом. – Что вам угодно?

– Несчастный случай, – невнятно пробормотал Адриан. – Меня ударил паровоз. Рози тут рядом.

Вслед за тем трактир и толстяк канули во тьму. Трактирщик с замечательной прытью подхватил падающего Адриана своими могучими руками, поднял его, словно перышко, и прошагал внутрь помещения огромной кухни с каменным полом и пылающим очагом. Вдоль стен висели, поблескивая, начищенные медные кастрюли. Толстяк опустил Адриана на широкий волосяной тюфяк, расстегнул его воротничок, живо проковылял к бару в дальнем конце помещения, налил стаканчик бренди и, вернувшись к дивану, влил несколько капель в рот бедняги. Адриан поперхнулся, закашлялся и открыл глаза.

– Ага, – удовлетворенно пропел толстяк, – так-то лучше. А теперь полежите спокойно, я принесу чем-нибудь вас накрыть.

Адриан обвел близоруким взором огромную кухню с баром в одном конце и очагом в другом; глоток бренди согрел его желудок и малость умерил острую боль во всем теле. Толстяк вернулся, неся большую пухлую перину.

– Думаю, она вас согреет, – сказал он, заботливо укрывая Адриана. – Настоящий гусиный пух. Теплее не бывает. В Тибете я не расставался с такой курткой.

Как ни скверно чувствовал себя Адриан, он невольно усмехнулся, представив себе этого толстяка в пуховой куртке.

– Большое спасибо, – отозвался он. – Простите за беспокойство.

– Пустяки, – пропел толстяк. – Я только рад, дорогой сэр. Выпейте еще бренди.

Он поддержал голову Адриана, и тот выпил стаканчик до дна.

– Бренди – бесподобная штука, – сообщил толстяк проникновенным голосом. – Когда я был в Египте, нам постоянно привозили его по морю из Франции.

– Мне страшно неловко вас беспокоить, – сказал Адриан, – но как там Рози?

– Ах да, – спохватился толстяк. – Я совсем забыл. Вы упомянули о ней перед тем, как лишились сознания. Как же я мог забыть про бедняжечку. – И, развернувшись кругом, он поспешил к дверям.

– Это… – начал объяснять Адриан, но толстяк уже скрылся.

Последовала долгая пауза, потом Адриан услышал, как Рози взвизгнула. Это был явно радостный визг, хотя и непохожий по тональности на звуки, к которым он привык. Оставалось только надеяться на лучшее. Может быть, Рози приняла толстяка за слона и прониклась к нему симпатией. Внезапно хозяин трактира появился в дверях, улыбаясь всем лицом. Он протрусил к дивану, сложив ладони в молитвенном жесте, и глаза его сияли.

– Это *слон,* – проворковал он, – настоящий живой *слон.* Дружище, вы *не могли* доставить мне большей радости. После Нагарапора я не видел ни одного слона. И ваша слониха тоже обрадовалась мне. Представьте себе, она обняла меня за шею хоботом.

– Конечно, это очень дружелюбная слониха, – сказал Адриан.

– Вспоминаю, – мечтательно произнес толстяк, – у меня был сто один слон. Счастливые дни… Охота на тигров, пышные церемонии…

– Извините, что перебиваю, – молвил Адриан. – Но как насчет врача? Похоже, у меня сломана рука.

– Все будет сделано, дружище, *все,* – откликнулся толстяк. – Вы только лежите смирнехонько, и мы приведем врача. Сэм вернется через минуту, и тогда сделаем все необходимое. А пока окажите любезность, позвольте отвести вашу слониху в нашу конюшню.

– Разумеется, – ответил Адриан. – Я буду вам очень обязан.

– Нет-нет, – серьезно возразил трактирщик, – это я вам обязан.

– Ее цепи лежат в багажнике двуколки, – объяснил Адриан. – И может быть, у вас найдется чем ее покормить?

– Ради Бога, не беспокойтесь ни о чем. – Трактирщик поднял пухлый палец. – Я обо всем позабочусь.

Он снова вышел, и Адриану было слышно, как толстяк беседует фальцетом с Рози. Потом двуколка, судя по звукам, покатила куда-то за трактир, и через десять минут трактирщик появился вновь и засеменил по каменному полу к Адриану, не человек, а розовое облако, воплощение добродушия.

– Еще бренди? – пропел он. – Заглушает боль.

Он наполнил два стаканчика и вручил один Адриану.

– Ваше здоровье, мистер, э… – сказал Адриан.

Толстяк уставился на него круглыми глазами, до смешного похожий на огромного младенца, которого кольнули сзади булавкой.

– Уважаемый сэр, как же я виноват, совсем забыл представиться. Тут этот слон, и все такое прочее. Перегрин Филигри, ваш покорный слуга. – Он отвесил глубокий поклон, насколько позволял его живот.

– Адриан Руквисл, – ответил Адриан столь же учтиво. – *Ваш* покорный слуга.

– Отлично, – сказал мистер Филигри, – просто замечательно. Теперь нам осталось только дождаться, когда придет Сэм. Кстати, может, вы хотите есть?

– Если честно, то нет, – признался Адриан. – Слишком отвратительно чувствую себя.

Толстяк проследовал к огромному кожаному креслу и втиснулся в него.

– А теперь, уважаемый сэр, – важно произнес он, переплетя пальцы, – объясните, пожалуйста. Перед тем как потерять сознание, вы заявили мне, что вас переехал поезд. Конечно, в этом мире всякое бывает, но мне не терпится услышать подробности.

– Не переехал, а ушиб, и не поезд, а только паровоз.

И Адриан рассказал мистеру Филигри о своих приключениях на железнодорожных путях. Он согрелся, его клонило в сон, и боль воспринималась как-то отрешенно. К тому же от изрядных порций бренди мистера Филигри он слегка захмелел.

– Поразительно, – заметил мистер Филигри, жадно слушая рассказ Адриана. – Просто потрясающе. Помню, когда я работал подрядчиком на строительстве транссибирской магистрали, у нас были вечные проблемы из-за волков. Мало того, что они пожирали рабочих, понимаете, так еще и сами застревали на путях. Целыми стаями, уважаемый сэр.

– Шкажите на милошть, – произнес Адриан, с трудом ворочая языком. – Подишь ты…

– Э! – пропищал вдруг мистер Филигри. – Слышите? Адриан уловил что-то вроде стука копыт на дороге снаружи.

– Это Сэм, – сообщил, улыбаясь, мистер Филигри. Вскочив на ноги, он проплыл к двери, точно блуждающий воздушный шар, и распахнул ее.

– Сэм! Сэм! – прокричал трактирщик куда-то в темноту. – Скорей сюда, у нас появился *слон*.

Проплыв точно так же обратно к Адриану, он выпалил, сияя всем лицом:

– Такое событие!

Почему-то Адриан ожидал увидеть высокого, худого, мрачного субъекта, прямую противоположность милому, младенчески округлому мистеру Филигри, а потому решил, что бренди явно повлияло на его зрение, когда с улицы на кухню вошла стройная девушка лет двадцати с небольшим. Даже длинная юбка и толстая шаль на плечах не могли скрыть привлекательной девичьей фигуры. Овальное лицо украшал вздернутый, как у мопса, носик, огромные светло-зеленые глаза переливались золотыми искорками под коротко стриженными, блестящими каштановыми волосами. Девушка остановилась на пороге, удивленно глядя на Адриана, и он, застонав от боли, сдвинул перину и попытался встать.

– Нет, нет, *нет,* – с тревогой пропищал мистер Филигри. – Вам нельзя двигаться. Сэм, этого беднягу ушиб паровоз, и он привел нам *чудеснейшего* слона.

Медленно сняв перчатки, девушка направилась к ним, и отуманенному взору Адриана казалось, что она не столько идет, сколько парит. Бренди, сказал он себе, это все от бренди.

– Что ты такое говоришь, папа? – спросила она.

– Он заполучил слона, – торжествующе произнес мистер Филигри, как будто это все объясняло. – Представляешь себе, Сэм! Настоящий слон у нас *здесь*.

Девушка сердито вздохнула, потом повернулась к Адриану и подала руку, здороваясь.

– Сэмэнта Филигри, – представилась она, улыбаясь, и почему-то от этой улыбки он покраснел до корней волос. – Боюсь, мой отец не мастер толком объяснять, что происходит. Не могли бы вы внести ясность?

Сосредоточив взгляд на взволнованно вздымающемся животе мистера Филигри, Адриан снова рассказал о случившемся с ним происшествии. Выслушав его, Сэмэнта фыркнула и с гневным видом повернулась к отцу, который, сильно порозовев, растерянно взмахивал руками.

– И что же ты предпринял? – осведомилась она.

– Предпринял? – повторил мистер Филигри с видом оскорбленной невинности. – Все, что нужно, дорогая. Я дал ему бренди и отвел слона в конюшню.

– Ты неисправим, честное слово, – сказала Сэмэнта. – Бедняга, может быть, смертельно ранен, а ты, вместо того чтобы принять меры, болтаешь о каких-то слонах.

– Так ведь я решил дождаться тебя, дорогая, – смиренно ответил мистер Филигри. – У тебя всегда все получается куда лучше.

Сэмэнта наградила его испепеляющим взором и обратилась к Адриану.

– Я немедленно приведу врача, – сказала она. – Только сначала проверю, насколько серьезно вы ранены.

Отодвинув перину, она быстро и бесстрастно ощупала Адриана, как если бы перед ней была баранья туша. Он закусил губу, чтобы не вскрикнуть, когда очередь дошла до правой руки.

– Ну так, – произнесла наконец девушка, подойдя к дубовому столу и доставая из ящика огромные ножницы. – У вас сломана рука, возможно, треснуло ребро, множество разных ушибов.

С этими словами она вернулась к дивану, помахивая ножницами.

– Знаете, – Адриан нервно взглянул на поблескивающую сталь, – вам не кажется, что лучше подождать, когда врач…

– Глупости, – холодно остановила его Сэмэнта. – Необходимо снять с вас пиджак, пока рука не распухла еще сильнее. Боюсь, придется вам пожертвовать пиджаком, если так снимать, будет очень больно.

Она аккуратно – Адриан даже ничего не почувствовал – разрезала рукав, затем проделала ту же операцию с рубашкой.

– Ну так, – удовлетворенно сказала девушка. – Теперь лежите смирно, а я отправлюсь за врачом.

– Еще бренди? – предложил мистер Филигри, не желая отставать на медицинском поприще от дочери. – Помню, в Египте, когда рабы, иногда сразу по двое, падали с пирамид, мы всегда давали им бренди.

– *Ему* можно немного, – твердо произнесла Сэмэнта. – А тебе следует оставаться трезвым. Я вернусь через полчаса.

И, сдержанно кивнув Адриану, она исчезла в ночи.

– Заверяю вас, – объявил мистер Филигри, вручая Адриану стаканчик бренди, – заверяю вас, дорогой сэр, меня еще никто не видел пьяным.

Он поглядел украдкой на дверь, налил и себе, затем продолжал:

– Женщины в критические минуты склонны терять голову и говорить не то, что думают.

Трактирщик глотнул бренди.

– Такая уж у них хрупкая натура, – серьезно заявил он. – Сэмэнта – доброе дитя, но говорит невесть что, когда теряет контроль над ситуацией. Вы меня понимаете?

На взгляд Адриана, Сэмэнта контролировала ситуацию куда лучше, чем ее родитель, однако он предпочел держать это мнение про себя, а потому лишь кивнул с важным видом. Мистер Филигри снова втиснулся в кресло и посмотрел, благосклонно улыбаясь, на Адриана.

– Я всегда говорю Сэм, – сообщил он, наставительно подняв указательный палец, – всегда говорю: следуй Священному Писанию и не ошибешься. «После происшествия на железной дороге утешь свой желудок глотком бренди». Кажется, так говорит Навуходоносор или кто-то там еще, но женщины, увы, слабее нас, мужчин.

Он сделал еще добрый глоток, снова поглядел на дверь, потом наклонился вперед, насколько позволял живот, и скорбно воззрился на Адриана.

– Вы замечали, – серьезно молвил он, повышая голос, отчего тот уподобился писку летучей мыши, – что женщины *не способны помнить того, что было?*

Окутанный теплым розовым алкогольным туманом Адриан совершенно утратил нить рассуждений мистера Филигри.

– Ш-што? – спросил он.

– Женщины, – торжественно повторил трактирщик, – не способны помнить прошлое.

– Те женщины, с кем я встречался, – мрачно заметил Адриан, – обычно помнили все до самых ужасающих подробностей.

– Вот-вот! – Мистер Филигри снова поднял указательный палец. – Но только то, что происходило совсем недавно, не больше.

– А чего вы хотите от них? – спросил Адриан, откидываясь на подушку и закрывая глаза.

– Вот вы, – пропищал мистер Филигри, – способны многое вспомнить, если постараетесь как следует. А женщины народ ограниченный, беда мне с ними.

– В самом деле? – сонно пробормотал Адриан.

– Ну да. – Мистер Филигри налил себе еще бренди. – Даже если что-нибудь помнят, то всякие пустяки, вроде того, кто как был одет при дворе или кто чей любовник.

Адриан с минуту размышлял над словами трактирщика, чувствуя на себе его пытливый взгляд.

– Знаете что, – сказал он вдруг, открывая глаза, – я совершенно не понимаю, о чем вы толкуете.

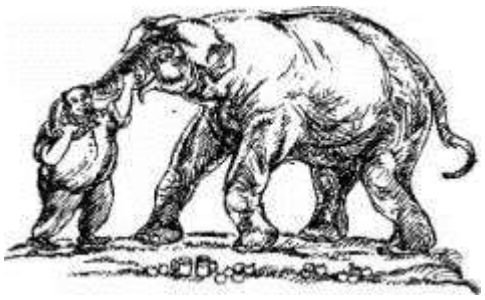
Мистер Филигри сокрушенно вздохнул, отчего по его животу и двойному подбородку пробежала мелкая рябь.

– Вы не в себе, – горестно произнес он. – Завтра, когда вам полегчает, я все разъясню. А сейчас поспите, с минуты на минуту должен появиться врач.

– Спасибо. – И Адриан, закрыв глаза, сразу погрузился в глубокий мирный сон.

Глава одиннадцатая
ТРЕВОГА!

Лежа на кровати, Адриан не без удовольствия созерцал дубовые балки озаренного утренним солнцем потолка. Минула неделя, как он явился в трактир «Единорог и Лира», и впервые он чувствовал себя здоровым и бодрым. В день его прибытия Сэмэнта привела вечером доктора Ханчмулда, сопящего носом коренастого коротыша с походкой заводной игрушки. Пока мистер Филигри без толку суетился кругом, доктор Ханчмулд, уверенно ассистируемый Сэмэнтой, раздел Адриана, наложил три шва на длинный порез на бедре, туго перебинтовал поврежденные ребра и заключил сломанную руку в гипс от кисти до локтя. Вся эта процедура причинила Адриану изрядную боль, и он совсем изнемог. Мистер Филигри, счастливый, что и от него была польза, отнес Адриана по узкой лестнице в маленькую спальню наверху под камышовой кровлей и уложил в постель. Следующие два дня Адриан мало что разумел, помнил только, что Сэмэнта все время была рядом, то поправляла его подушку, то поддерживала голову, когда его тошнило над большим, расписанным цветами фаянсовым горшком, то поила чем-то холодным, когда у него поднималась температура. Ему было невдомек, как она обходится без сна, ибо в любое время дня и ночи, когда бы он ни открыл глаза, Сэмэнта была тут как тут, терпеливо сидела на стуле возле его кровати, занятая каким-то рукоделием. И теперь, когда ему стало заметно лучше, Адриану было очень неловко при мысли о том, сколько хлопот он причинил. Высунув пальцы ног из-под одеяла, он попробовал как следует потянуться и тут же пожалел об этом эксперименте – такая острая боль пронизала все мышцы.

Внезапно открылась дверь, и вошла Сэмэнта, неся ему завтрак.

– Доброе утро, – сказала она, улыбаясь. – Как самочувствие?

– Намного лучше, – ответил Адриан, краснея как всегда при виде ее огромных зеленых глаз. – Мне даже кажется, что я мог бы встать. Боюсь, я и так уже доставил вам слишком много беспокойства.

– Ерунда, – отозвалась Сэмэнта, опуская поднос на одеяло перед ним. – Чтобы эти яйца были съедены! Совсем свежие, отец сходил за ними в деревню.

– А как там Рози? – тревожно осведомился Адриан.

– Отлично, – ответила Сэмэнта и подняла брови. – А что? Вы сомневались?

– Обычно она не очень-то жалует женщин, – объяснил Адриан.

– Меня она жалует. А отца так просто обожает. Мне кажется, принимает его за особого вида слона.

Сидя на стуле, она смотрела, как он ест и пьет чай, потом проворно убрала поднос и поправила подушку.

– Сегодня придет врач, чтобы снять швы, – сообщила она. – Так что оставайтесь в постели, пока он не разрешит вставать.

– Послушайте, – спохватился Адриан, – мне надо кое-что сказать вам. Вы можете уделить мне пять минут?

– Что-то вы порозовели, – Сэмэнта критически посмотрела на него. – Похоже, опять поднялась температура.

– Нет-нет, я просто беспокоюсь.

Сэмэнта снова села и сложила руки на коленях.

– Ну?

Сперва запинаясь, затем – видя, как внимательно, не перебивая, слушает Сэмэнта – все более складно Адриан поведал ей, как он получил в наследство Рози и какой погром они учинили на своем пути. Он ожидал увидеть, как и следует быть, когда рассказываешь молодой леди о столь предосудительных действиях, выражение ужаса на лице Сэмэнты, вместо этого под конец его повествования по блеску ее глаз и подергиванию губ было видно, что она с трудом удерживается от смеха.

– Так что сами понимаете, – заключил Адриан, – меня сейчас, наверное, разыскивает полиция. Один Бог ведает, что они со мной сделают, когда поймают, и ведь не отопрешься, Рози такая улика, что даже полицейский не может ее не заметить. Так что мне нужно возможно скорее спуститься к побережью и избавиться от нее. Оставаясь здесь, я и вас подвергаю угрозе. Кажется, это называется «соучастие и сокрытие» или как-то еще в этом роде.

У Сэмэнты вырвался смешок.

– Чудесно! – воскликнула она. – Не только раненый воин, а еще и разыскиваемый преступник.

– Не смешно, – обиделся Адриан.

– Верю, – сказала Сэмэнта, силясь изобразить на лице сочувствие. – Но на вашем месте я не стала бы так волноваться. Никто не знает, что вы находитесь у нас, и Рози надежно укрыта в конюшне. Нам с отцом остается выгуливать ее вечером на лугу, где никто не увидит. Отец и без того почти не выходит из конюшни, как раз сейчас мажет ее копыта золотой краской. Так что лежите-ка вы здесь и ни о чем не беспокойтесь. Подождем, что скажет доктор.

Доктор Ханчмулд, громко сопя, ощупал Адриана со всех сторон, снял швы на бедре и внимательно посмотрел на него, решительно потирая руки.

– Ну что ж, – объявил он, – можете вставать, если хотите. Но соблюдайте осторожность. Легкая питательная диета, поменьше физических нагрузок.

– А когда можно будет снять этот гипс? – спросил Адриан. – Он весит не меньше двух с половиной тонн.

– Не раньше чем через месяц, – ответил доктор Ханчмулд.

После ухода врача Адриан с трудом оделся. Все мышцы закоченели, и ноги плохо держали его, тем не менее он медленно спустился по скрипучим ступенькам на кухню, где Сэмэнта, надев цветастый передник, колдовала над большими медными кастрюлями, распространяющими аппетитнейшие запахи.

Адриан остановился, глядя на нее, – она и впрямь не столько ходила, сколько парила над полом, такая же легкая на ногу и грациозная, как ее родитель. В свете очага волосы ее переливались бликами не хуже медной посуды.

– Привет, – сказал он.

Она повернулась к нему с улыбкой, и он ощутил, как кровь прилила к лицу и защемило под ложечкой.

– Привет, – отозвалась Сэмэнта. – Как самочувствие?

– Покачивает, – признался Адриан. – Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет. Помните, что сказал врач. Можете, если хотите, выйти в конюшню побеседовать с отцом и Рози.

Неохотно расставаясь с ней, Адриан вышел через заднюю дверь и направился через мощенный булыжником двор в сторону конюшни. Издали было слышно звонкий голос мистера Филигри, разговаривающего со слонихой.

– Дальше, моя дорогая, – вещал он, – мы подошли к зарослям камыша, и там в самой гуще прятался тигр. Я сидел на очень красивом и очень храбром слоне. Не таком красивом и смелом, как ты, конечно, но все же. Тигр бросился на нас, но тут мой слон поднял хобот и ударил его на лету, так что зверь грохнулся на землю.

Сгорая от любопытства, Адриан вошел в конюшню. Рози была заточена в дальнем углу, рядом с ней было разостлано пахучее сено, а впереди стояло деревянное корыто, наполненное морковью, яблоками, мелко нарезанной кормовой свеклой и прочими деликатесами, кои слониха аккуратно отправляла себе в рот. Копыта Рози поблескивали золотом в тусклом свете. При виде Адриана она издала такой пронзительный радостный трубный звук, что мистер Филигри от неожиданности упал на спину, опрокинув банку с золотой краской.

– Привет, мистер Филигри, привет, Рози! – поздоровался Адриан.

– Дружище, – пропел мистер Филигри, беспомощно барахтаясь на сене. – Рад видеть, что вы снова на ногах. Будьте добры, помогите встать. При некоторых позах мне затруднительно встать без посторонней помощи.

Адриан крепко сжал пухлые пальцы мистера Филигри и потянул. Сопя и кряхтя, тот поднялся на ноги.

– Ну как она вам? – спросил он Адриана. – Вы согласны, что такие копыта придают ей дополнительное обаяние?

– Несомненно, – ответил Адриан. – Я не видел ее такой элегантной с тех пор, как мы покинули Феннелтри-Холл.

– Жаль, у нее нет бивней, – посетовал мистер Филигри. – У моих слонов у *всех* были бивни, и мы обычно украшали их брильянтами и рубинами – абсолютно безболезненная процедура. Вы бы видели это зрелище!

– Она и без бивней натворила бед, – заметил Адриан, поглаживая нежно обвивший его шею хобот. – Похоже, вы здорово поладили друг с другом.

– Да-да, – взволнованно пропел мистер Филигри. – У нас такая *гармония.* Нисколько не удивлюсь, если Рози – перевоплощение моего любимого слона Пу-Тиня. Будь у нас тигр, я бы точно смог это определить.

– Сдается мне, – сказал Адриан, – жизнь и без тигров достаточно сложна.

– Возможно, вы правы, – согласился мистер Филигри. – Но ведь всегда хочется связать концы с концами. Получилась бы блестящая страница.

Сэмэнта уже рассказала Адриану, что мистер Филигри твердо верит в перевоплощения и помнит во всех подробностях, кем побывал в прошлом. Последние двадцать лет пишет труд о своих прежних воплощениях, уже сочинил сорок восемь томов, и когда подведет черту, неизвестно, потому что чуть ли не каждый день вспоминает какой-нибудь новый факт, требующий отдельной главы.

– Как было бы чудесно, – мечтательно произнес мистер Филигри, – получи мы засвидетельствованный документ, говорящий о том, что Рози на самом деле перевоплощение Пу-Тиня.

– Сомневаюсь, чтобы это было возможно, – заметил Адриан.

– Я тоже, – сказал мистер Филигри. – Но, дружище, какой же я эгоист, заставляю вас стоять и слушать, когда вам положено сидеть. Пошли лучше в дом, выпьем бренди.

И он зашагал обратно в трактир, оставляя золотистые следы.

– Сэмэнта! – звонко прокричал он, врываясь на кухню. – Я убежден, Рози – это Пу-Тинь сегодня.

Мистер Филигри замер, подняв вверх руки и ожидая, какой эффект произведут его слова на дочь.

– Замечательно, – улыбнулась Сэмэнта. – Теперь для окончательного доказательства тебе недостает только тигра.

– *То самое,* что я сказал Адриану, – удовлетворенно молвил мистер Филигри. – «Будь у нас тигр», сказал я.

– А я ответил, – Адриан с облегчением опустился на стул, – что нам только тигра не хватает, достаточно того, что есть Рози.

Сэмэнта подошла, устремив на него испытующий взгляд своих зеленых глаз.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Вот только слабость еще не прошла.

Сэм положила ему на лоб прохладную ладонь, и Адриан, закрыв глаза, мысленно пожелал, чтобы она никогда ее не убирала.

– Отец, – решительно произнесла Сэмэнта, – он у тебя там чересчур переволновался. Налей ему бренди.

– Как раз это я и собираюсь сделать, – с достоинством ответил мистер Филигри. – Верно, Адриан? Что я говорил только что: «Пошли в дом, выпьем бренди!»

– Ну так кончай болтать и наливай, – поторопила его Сэмэнта. – Ленч будет готов через минуту.

Мистер Филигри щедро налил в стаканчики бренди, вручил один Адриану и втиснулся в свое любимое кресло, добродушно улыбаясь.

– Знаете, – он посмотрел на Адриана, – напишу-ка я главу о Рози, точнее, о Рози как воплощении Пу-Тиня. Конечно, доказать, что это так, нельзя, но много ли научных фактов поддаются доказательству, коли на то пошло? Как говорится где-то в Писании: не счесть всего на земле и на небе, и что-то доказано, а что-то отнюдь нет.

– Да уж, – учтиво отозвался Адриан, – полагаю, вы правы.

– Но я-то точно знаю, – серьезно продолжал мистер Филигри. – Возможно, глядя на меня, вы не поверите, но некогда, во времена Ричарда Третьего, я занимался изготовлением свечей, и была у меня кошка по имени Тавифа. Большая такая, игривая, похожая на ком снега. Однажды я нечаянно пролил ей на хвост горячий воск. Бедняга, как же она обиделась, еще бы. А когда шерсть вновь отросла, хвост был совершенно черный. Представляете себе – белая кошка с черным хвостом. Так вот, хотите верьте, хотите нет, но недавно, когда я ходил в деревню, ко мне подошел и стал ластиться большущий кот, и у меня не было никакого сомнения, что это воплощение Тавифы.

– В самом деле? – и впрямь заинтересовался Адриан.

– Ну да, большой такой серый красавец по имени Генри, как я потом узнал.

– Но если он был серый, и его звали Генри?… – озадаченно произнес Адриан.

– Ну, он просто успел поседеть. – Мистер Филигри небрежно взмахнул рукой: подумаешь, пустяки. – А что до имени, так люди чего только не придумают. Но это была точно моя Тавифа. Одно из самых примечательных доказательств, какие выпадали на мою долю. Она сразу меня узнала, вот что главное.

– И конечно, тот факт, что он в тот раз нес в сумке лосося и банку устриц, не играл совсем никакой роли! – сухо заметила Сэмэнта, раскладывая тушеное мясо по тарелкам и ставя их на длинный стол. – А теперь, ради Бога, начинайте есть, пока не остыло.

Садясь за стол, Адриан вдруг ощутил, что страшно проголодался. Мясо пахло заманчиво, и в гуще многоцветного овощного гарнира он рассмотрел поблескивающие, будто жемчужины, маленькие клецки. Мистер Филигри продолжал фальцетом просвещать Адриана, каким образом можно совершенно точно опознать перевоплотившееся создание, и Адриан кивал и поддакивал, уписывая за обе щеки вкуснейшее блюдо.

Когда последние остатки соуса были подтерты корками хлеба и все трое наслаждались чувством сытости, раздался стук в дверь.

Сэмэнта встала, подошла к окну и выглянула, отодвинув занавеску.

– Адриан, – сказала она, – живо наверх. Это полиция. Адриан поднялся со стула, испуганно глядя на нее.

– Живей! – сверкнула она глазами. – И захватите свою тарелку.

Машинально схватив тарелку, он взбежал вверх по ступенькам и остановился, затаив дыхание, на лестничной площадке; сердце его бешено колотилось. Снова раздался стук дверного молотка, и Адриану в этом стуке почудилось сходство с тем, как заколачивают крышку гроба.

– Иду, иду! – весело и беззаботно отозвалась Сэмэнта, вслед за тем он увидел, как открывается дверь, и поспешил отступить в тень, напряженно прислушиваясь.

Глава двенадцатая
РАССТАВАНИЕ

– Доброе утро, мисс Филигри! – произнес задушевный низкий голос, когда Сэмэнта отворила дверь.

– Слушаю вас, – отозвалась она.

– Сержант Хичбрискет, молширская полиция. Могу я войти и поговорить с вами?

– Конечно, – бодро ответила Сэмэнта. – Мы только что перекусили, но, может быть, вы не откажетесь от чашки чая?

– Вы очень любезны, мисс, – сказал сержант Хичбрискет, входя на кухню.

У него было похожее на хорька костистое лицо и разделенные посередине прямым пробором густые черные волосы. Филигри по-прежнему сидел за столом и следил, открыв рот, за стремительным ходом событий.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался полицейский, – прекрасный день для этого времени года, правда?

– Чудесный, – широко улыбнулся мистер Филигри.

– Садитесь, сержант. – Сэмэнта поставила перед ним чашку с чаем. – И рассказывайте, чем мы можем быть вам полезны.

Сержант расстегнул нагрудный карман и извлек из него большую потрепанную записную книжку и карандаш. Облизнул кончик карандаша, затем облизнул большой палец и полистал записную книжку, бормоча что-то про себя для освежения памяти.

– Так вот, мисс, – молвил он наконец. – У нас объявлен срочный розыск одного преступника, и мне подумалось, что вы сумеете помочь нам в наших поисках.

– Сомневаюсь, – мягко произнесла Сэмэнта. – Среди наших знакомых не так уж много преступников.

– Я хотел сказать, – сержант Хичбрискет смущенно порозовел, – вы могли бы сообщить нам сведения, способствующие его задержанию.

– Как же, как же, – Сэмэнта ласково улыбнулась сержанту. – Мы всегда готовы помочь полиции. Отец, ты не мог бы отнести грязные тарелки в судомойню, пока я тут переговорю с сержантом?

– Конечно, дорогая, – пропел мистер Филигри, выполняя ее распоряжение.

– Мой отец, – Сэмэнта понизила голос, – чрезвычайно впечатлительный человек, мне не хочется его волновать.

– Да-да, конечно, мисс, – сказал сержант Хичбрискет. – По правде говоря, я ведь именно из-за него пришел сюда.

– О, – тихо молвила Сэмэнта, – а в чем дело? Что он такое натворил?

– Ничего, ровным счетом ничего, – поспешил ответить сержант. – Дело не в том, что он сделал, а в том, что говорил.

– Простите, я чего-то не понимаю, – произнесла Сэмэнта, прищурив глаза в знак размышления.

– Понимаете, мисс, дело в следующем. Этот преступник, назовем его пока мистер Икс, расхаживает по округе вместе со слоном.

– Слоном? – Сэмэнта сделала большие глаза.

– Ну да, со слоном. – Сержант снова сверился с записной книжкой. – Его разыскивают за нападение и избиение охотников из Монкспеппера, а также за нападение и погром, учиненные в поместье лорда Феннелтри.

– Боже мой! – воскликнула Сэмэнта. – Что же подвигло его на такие действия?

– Вот именно! – мрачно отозвался сержант Хичбрискет. – Психология преступника дело

темное, крайне темное. Все дороги, где его видели в последний раз, направляются в наш район, понимаете, а сегодня утром ваш отец, когда приходил в деревню, разговаривал с Биллом Планжмаскетом, который держит птицеферму, и упомянул, в частности, что у него появился слон. И поскольку сомнительно, мисс, чтобы в нашей округе могло появиться сразу несколько слонов, я решил зайти к вам узнать, в чем дело.

Хотя сердце Сэмэнты оборвалось, она сумела изобразить на лице удивление.

– Мой отец?… – воскликнула она. – Сказал, что у него появился слон?

– Вот именно, – бесстрастно подтвердил сержант Хичбрискет. – Во всяком случае, так он сказал Биллу Планжмаскету.

Сэмэнта нахмурилась.

– Не представляю, что это взбрело ему в голову… Внезапно лицо ее прояснилось.

– А, ну да, – сказала она, – понятно.

Она постаралась изобразить веселый смешок, вскочила на ноги и подошла к судомойне.

– Папа, – позвала Сэмэнта, – выйди сюда, пожалуйста, на минутку.

Адриана, который слушал этот разговор, стоя наверху, чуть удар не хватил. Он так обрадовался, когда Сэмэнта отправила мистера Филигри в судомойню… И вот теперь зовет его обратно – верх безрассудства! Мистер Филигри возник на пороге этаким пухлым улыбающимся херувимом.

– Папа, – сказала Сэмэнта, – ты знаешь, сержант Хичбрискет страшно интересуется слонами.

– В самом деле? – взволнованно пропел мистер Филигри. – Дружище, как же приятно видеть родственную душу. Я безумно увлекаюсь ими. Как звать вашего слона?

– Вообще-то у меня лично нет слона, – ответил сержант Хичбрискет. – Понимаете, сэр, дело в том…

– Бедняга, – перебил его мистер Филигри. – Подумать только – увлекаться слонами и не иметь ни одного. У меня их было больше ста.

– Больше ста? – чуть слышно повторил сержант Хичбрискет.

– Заверяю вас, – мистер Филигри взмахнул пухлой рукой, – у меня был сто один слон и самый лучший из них – Пу-Тинь. Дружище, видели бы вы, как он расправился с тигром. Любо-дорого было смотреть.

– О, конечно, сэр, не сомневаюсь. – Сержант Хичбрискет прокашлялся. – Скажите, а когда именно у вас были эти слоны?

– Дайте подумать. – Лицо мистера Филигри изобразило величайшую сосредоточенность. – Кажется, это было в тысяча четыреста семидесятом году.

– Тысяча четыреста семидесятом? – прохрипел сержант Хичбрискет, держа наготове свой карандаш.

– Или же это было в тысяча четыреста семьдесят первом году, – задумчиво произнес мистер Филигри. – Я не совсем уверен.

– Это было одно из прежних воплощений моего отца, – мягко сказала Сэмэнта.

– О! – молвил сержант Хичбрискет. – Как вы сказали – воплощений?

– Ну да, – серьезно отозвался мистер Филигри. – Я тогда был в Нагарапуре. Удивительно интересная была пора, заверяю вас. Не говоря уже о слонах и охоте на тигров, каждый год меня взвешивали, употребляя вместо гирь золото и драгоценные камни. Дивная пора!

Сержант Хичбрискет сложил записную книжку и вернул ее в карман вместе с карандашом.

– Чрезвычайно интересно, сэр, – заключил он, вставая. – Чрезвычайно. Однако не стану вас больше беспокоить.

– Не сомневайтесь, – сказала Сэмэнта, – если мы вдруг что-то узнаем, сразу же вам сообщим.

– Спасибо, мисс, – произнес сержант, внимательно глядя на нее.

– Не за что, – приветливо ответила она. – Кто же откажется помогать полиции.

– Что ж, сэр, всего доброго. Всего доброго, мисс. – С этими словами сержант Хичбрискет протопал на улицу.

Сэмэнта поспешила закрыть за ним дверь и прислонилась к косяку с облегченным вздохом.

– Это было в тысяча четыреста семьдесят первом, – сказал мистер Филигри. – Точно, я вспомнил. Позови его обратно.

– Не стоит, – возразила Сэмэнта. – Он и так узнал все, что ему требовалось. Но, право же, папа, тебе не стоит ходить в деревню и рассказывать всякие байки.

– Это не байки, – обиделся мистер Филигри.

– Я-то знаю, что не байки, но люди в деревне не верят в перевоплощения так, как ты веришь, им все это кажется довольно странным. А теперь пообещай, что ты больше не будешь рассказывать им про слонов и все такое прочее.

– Хорошо, родная, – вздохнул мистер Филигри. – Наверное, ты права.

– Конечно, права, – сказала Сэмэнта. – Ты только неприятности наживешь.

Она подошла к лестнице и поглядела наверх.

– Можете спускаться, Адриан. Он ушел.

Адриан зашагал вниз по ступенькам, вытирая платком мокрый лоб.

– Вы удивительно все это проделали. Я там никак не мог дождаться, когда же кончится этот разговор.

– Лучше скажите спасибо отцу, – сухо заметила Сэмэнта. – Нам повезло, что в одном из своих воплощений он очутился в Индии.

– Но послушайте, я ведь был прав. Что я сказал утром – мое присутствие здесь опасно для вас, а теперь вы еще наговорили сержанту разные небылицы.

– Ерунда, – возразила Сэмэнта. – Никто не узнает, что вы здесь.

– Рано или поздно все равно проведают. И вы тогда влипнете не хуже меня, а мне этого совсем не хочется.

– Ну вот что, – сказала Сэмэнта. – Бросьте говорить глупости. Вы недостаточно оправились, чтобы трогаться в путь, и вам еще месяц носить гипс. Так что сидите здесь и не высовывайте носу, пока не заживет рука.

– Обещаете отпустить меня, как только я почувствую себя лучше?

Зеленые глаза Сэмэнты как-то странно посмотрели на него.

– Когда почувствуете себя лучше, – ответила она, – и если тогда захотите идти дальше, я не стану вас задерживать.

– Дело не в том – захочу или не захочу идти дальше, – вымолвил Адриан, – а в том, что мне не хотелось бы навлекать неприятности на вас и вашего отца.

– Ладно, посмотрим, – сказала Сэмэнта. – И раз уж вы такой заботливый, помогите вымыть посуду.

Следующие две недели были для Адриана сплошным кошмаром. Каждый раз, когда мистер Филигри зачем-нибудь отправлялся в деревню, он ожидал, что толстяк вернется в сопровождении отзывчивых полицейских, которым пообещал показать Рози. В бессонные ночи ему представлялось, как Сэмэнту, арестованную за соучастие и укрывательство, бросают в тюрьму и держат в сырой темной камере, пока ее медные волосы не становятся седыми, и она умирает в заточении. Его не волновал тот факт, что из всех троих именно ему, скорее всего, грозит суровый приговор. Тревога за Сэмэнту заставляла его просыпаться в холодном поту. Ибо Адриан страстно и безнадежно влюбился. Что, разумеется, прибавило мучений его истерзанной душе. Ведь даже наберись он смелости признаться ей в любви, разве вправе преступник (скрывающийся от поимки вместе с опасным слоном) просить руки такой девушки, как Сэмэнта…

В конце концов он не выдержал. Спустившись рано утром на кухню, приготовился все выложить Сэмэнте, которая готовила завтрак.

– Доброе утро, – улыбнулась она, и волосы ее отливали медью, словно новенький пенни. – Сейчас все будет готово.

– Сэмэнта, мне нужно поговорить с вами, – твердо произнес Адриан.

Она обратила на него вопрошающий взгляд больших зеленых глаз с золотыми искорками. Адриан глотнул, чувствуя, как решимость покидает его. Разве может он расстаться с такой прекрасной и желанной девушкой?…

– Послушайте, – повторил он, – нам нужно поговорить.

– Боже мой, – насмешливо отозвалась Сэмэнта. – Что это мы такие серьезные сегодня?

– Я решил, – начал Адриан, надеясь, что голос его звучит мужественно и твердо, – решил уходить сегодня вечером.

Глаза Сэмэнты округлились.

– Сегодня? Что ж, вам лучше знать.

И она перевела взгляд на сковороду, где желтели, словно маленькие солнца, поджаривающиеся яйца.

– Не потому, чтобы мне так хотелось уходить, – с отчаянием произнес Адриан, – но чем дольше я задерживаюсь, тем больше опасность, что меня обнаружат. Вы же понимаете.

– Любезнейший, – холодно сказала Сэмэнта, не оборачиваясь, – я тут совершенно ни при чем.

– Понимаете, – пролепетал Адриан, – мне нужно как-то избавиться от Рози. Тогда никто не сможет связать меня с нападением на охотников, с происшествием в Феннелтри-Холл и так далее, а избавиться от Рози я смогу только после того, как спущусь в приморье.

– Вы когда-нибудь слышали о домашних духах? – спросила Сэмэнта.

– Домашних духах? Нет. А что это такое.

– В старину у колдуний были домашние духи. Такие создания, которые всюду следовали за ними, иногда выполняя за них грязную работу. Кошки там или еще какие-нибудь твари. Так вот, мне кажется – Рози ваш домашний дух. Колдуньи умели сделать так, что человеку, который им почему-то не нравился, чудилось, будто его неотступно преследует то ли черная собака, то ли мартышка, то ли еще кто-нибудь.

– Ух ты, – сказал Адриан. – Как интересно.

– Кончалось тем, что человек сходил с ума, – весело продолжала Сэмэнта. – Вот почему я думаю, что Рози – ваш домашний дух. Должно быть, ваш дядюшка на досуге занимался колдовством.

– Во всяком случае, от этого духа я должен избавиться, – твердо молвил Адриан.

Сэмэнта отбросила в сторону ложку и повернулась лицом к нему. Ее глаза, казалось, стали еще больше и зеленее, чем обычно, полыхая золотистыми искрами.

– *Вы,* – она порозовела от гнева, – вы отвратительны.

– Но… но… что я такого сделал? – пролепетал Адриан, испуганный столь необычной вспышкой ярости.

– Рози оставил вам в наследство ваш дядюшка? – Да.

– И оставил вам деньги, чтобы вы заботились о ней? – Да.

– Этот дядюшка был последний из ваших здравствующих родственников?

– Да.

– В таком случае, Рози, строго говоря, *ваша родня,* и у вас нет никакого права продавать ее кому-либо, словно старые часы или что-нибудь в этом роде. Вы отвратительны.

Адриан замер, таращась с открытым ртом на Сэмэнту.

– Ладно, – продолжала она, снимая передник и швыряя его на стул, – поступайте так, как считаете правильным. Если, по-вашему, правильно продавать родственника в рабство, то для меня чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше.

С этими словами Сэмэнта бегом пересекла всю кухню, стремительно поднялась вверх по лестнице, и Адриан услышал, как хлопнула дверь ее спальни. Он все еще стоял, точно оглушенный, когда ощутил вдруг запах горящей яичницы, и поспешил, обжигая пальцы, снять с огня сковороду.

Появился мистер Филигри, с наслаждением вдыхая едкий аромат горелого.

– Ага, – он причмокнул губами, – завтрак…

– Боюсь, придется вам готовить самому, – сухо заметил Адриан. – Сэмэнта заперлась в спальне.

– Ну и ладно, – философически произнес мистер Филигри. – Случается, дружище, случается.

– Что случается? – рявкнул Адриан.

– Всякое. – Мистер Филигри повел рукой в воздухе. – Обиды, споры, гнев, вспышки раздражения. Разные несуразицы.

– Конечно, – сказал Адриан. – Во всяком случае, я не намерен терпеть несуразицы. Все, ухожу.

– Знаете, – молвил мистер Филигри, глядя на сковородку, – кажется, эти яйца подгорели.

– Точно, – отозвался Адриан. – И виновата в этом ваша дочь.

– Не сомневаюсь, – заметил мистер Филигри, потом добавил, указывая толстым пальцем: – Однако тут одно, похоже, избежало сожжения. Разделим?…

– Нет, – ответил Адриан. – Я пошел собираться. Укладываться одной рукой оказалось труднее, чем он

ожидал, все же Адриан кое-как скомкал свои вещи. Он все еще кипел от ярости после вспышки Сэмэнты, которая показалась ему просто-таки неприличной. Как-никак ведь это ради *нее* он желал избавиться от Рози, правильно? Им руководила забота о *ней,* а она расшумелась так, будто он какой-то садист. Ладно, он ей покажет…

К великой досаде Адриана, выяснилось, что одной рукой запрячь Рози в двуколку невозможно, пришлось обратиться за помощью к мистеру Филигри.

– Знаете, дружище, – сказал мистер Филигри, затягивая ремень, обнимающий тучную фигуру Рози, – я что-то засомневался, мудро ли вы поступаете?

– Ох, только не начинайте теперь *вы,* – ответил Адриан. – Хватит с меня Сэмэнты.

– Нет, я просто подумал, – виновато произнес мистер Филигри. – Ни в коем случае не желаю вмешиваться в чужие дела, но мне показалось, что вам будет трудновато запрягать и распрягать Рози.

– Попрошу кого-нибудь помочь.

Когда приготовления были закончены, Адриан на минуту застыл в нерешительности. Мистер Филигри тревожно смотрел на него круглыми голубыми глазами.

– Ладно, – изображая шутливый тон, произнес Адриан, – поехали.

– Разве вы… гм… разве не хотите попрощаться с Сэмэнтой? – спросил мистер Филигри тоненьким голоском.

Меньше всего на свете Адриан сейчас хотел бы видеть Сэмэнту, но толстяк смотрел на него так жалобно, будто младенец, просящий дать бутылочку, что ему не хватило духу отказать. Он вошел обратно в трактир «Единорог и Лира» и протопал вверх по лестнице. Остановившись перед дверью Сэмэнты, прокашлялся.

– Сэмэнта, – твердо сказал он, – Сэмэнта, это я, Адриан.

– Да уж точно не Рози, – ответил голос Сэмэнты из-за двери.

– Я ухожу, – Адриан взмахнул рукой, как бы показывая, какой долгий путь намеревается пройти за этот день. – Пришел проститься.

– Прощай, – мягко произнесла Сэмэнта.

– И большое спасибо за все, что вы для меня сделали.

– Не за что. Каждый раз, когда вас где-то поблизости переедет поезд, заходите, не стесняйтесь.

– Ага… Ну ладно, я пошел, – сказал Адриан. Тишина.

– Я почему решил выйти пораньше, – крикнул он, – нам предстоит долгий путь.

– Может быть, перестанете орать так через дверь, – ответила Сэмэнта.

– Ладно, ухожу.

– Валяйте, – отозвалась Сэмэнта медоточивым голосом. – Поспешите, не то опоздаете на невольничий рынок.

Возмущенный до глубины души несправедливым намеком, Адриан скатился вниз по лестнице и прошагал на конюшню.

– Ну что ж, мистер Филигри, всего доброго, – сказал он. – Право, я чрезвычайно благодарен за все, что вы сделали для меня. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся.

– Непременно, – серьезно молвил мистер Филигри. – Неизбежно встретимся, дружище. Главное, нужен какой-то условный знак. Представьте, что я окажусь жуком, а вы – премьер-министром. Как мы узнаем друг друга без пароля? Ползу это я по какому-нибудь важному государственному документу, а вы возьмете да нечаянно раздавите меня. А потому условимся: если мы встретимся в какой-нибудь последующей жизни, я скажу: «Помните „Единорога и Лиру“?», а вы должны ответить: «Конечно, помню».

Адриана подмывало заметить, что в облике ползущего по документу жука мистеру Филигри будет затруднительно произнести «Помните „Единорога и Лиру“?», однако он побоялся, что прощание может затянуться, а потому ограничился кивком, взялся рукой за теплое ухо Рози и потянул ее вперед.

Отмерив сотню шагов, он остановился и поглядел назад. «Единорог и Лира» с его камышовой кровлей напоминал черно-белую черепаху в золотистом панцире. Кажется, что-то мелькнуло в окне Сэмэнты, но он не был уверен. Вздохнув, снова потянул Рози за ухо, и они зашагали

дальше.

Глава тринадцатая
МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Следующие семь дней показались Адриану самыми тяжелыми в его жизни. К необходимости прятаться днем и передвигаться ночью добавлялись чудовищные трудности работы с упряжью. А еще он ужасно скучал по Сэмэнте и каждые десять минут корил себя за то, что покинул «Единорога и Лиру».

В конце концов он так устал от гипса, что, привязав Рози в лесу и оставив ей добрый запас корма, направился в ближайший город. Здесь ему рассказали, где найти врача.

– Четвертая неделя на исходе, – объяснил Адриан. – А врач, который наложил мне гипс, сказал, что его можно снимать через месяц.

– Что ж, – сказал врач, – вам решать. Могу снять, если хотите, но постарайтесь не слишком нагружать руку.

С этими словами он снял гипс, и Адриан почувствовал себя так, словно освободился от тяжкого бремени. Рука плохо слушалась, и при каждом движении он чувствовал боль, но было очевидно, что она срослась. Адриан поспешил обратно в лес, и вечером они с Рози снова тронулись в путь к закату, красочному, как павлиний хвост.

На рассвете они ступили на тропу, которая пересекала мыс, покрытый розовым ковром цветущей армерии. Тропа привела их на самый край крутой скалы, и внизу Адриан увидел шепчущееся с галькой, переливающееся в лучах утреннего солнца море. Не самое подходящее место, чтобы спрятать Рози, ибо на много километров вокруг не было ни единого дерева, но у Адриана стало легче на душе при мысли о том, что он как-никак ушел достаточно далеко от Феннелтри-Холл и «Единорога и Лиры» и здесь им нечего опасаться. Простершись на мягких кустиках, он дремотно размышлял, как действовать дальше. Очевидно, следуя этим путем, он придет в какой-нибудь приморский город, где найдет либо цирк, либо еще какое-нибудь заведение, где согласятся принять Рози с ее наследством… Уже совсем погружаясь с благодатный сон, Адриан вдруг услышал, как чей-то пронзительный голос крикнул: «Эгей!» Вскочив на ноги как ошпаренный, он испуганно оглянулся и увидел, как через ковер армерии, приветственно размахивая руками и тяжело дыша, к нему трусит Черная Нелл.

– Эгей! – прокричала она, улыбаясь. – Привет.

– Привет, – удивленно отозвался Адриан. – А вы что тут делаете?

– Минутку, дай отдышаться. – Она села, с минуту энергично обмахивалась веером, потом укоризненно заметила: – Не больно-то хорошо вы прячете Рози. Мой фургон стоит тут неподалеку, и я отчетливо увидела силуэт слонихи на фоне неба. Сперва приняла ее за большой камень,

но тут она шевельнулась.

– Я думал, здесь нам нечего опасаться, – произнес Адриан, тревожно озираясь.

– Куда держите путь? – осведомилась Черная Нелл.

– Да еще толком не решил, – ответил Адриан. – Думал идти дальше вдоль мыса, пока не встретится какой-нибудь город, а там посмотреть, может быть, найдется цирк или что-нибудь в этом роде, куда можно пристроить Рози.

– Гм-м… – Черная Нелл достала из кармана трубку и закурила. – Вам знакомы здешние места?

– Нет, – ответил Адриан.

– Тогда, если хотите послушать мой совет, шагайте вон туда. – Она указала мундштуком. – Придете в Сплошпорт-он-Солент. Довольно симпатичный городишко, оттуда паром доставит вас на остров Скэллоп.

– С какой стати я должен ехать на какой-то остров? – спросил Адриан. – И вообще, вы уверены, что Рози пустят на паром?

– Помолчите и послушайте меня. Этот остров – популярное место отдыха, понятно? Там полно всяких увеселительных заведений, ярмарки и все такое прочее. Если и может где-то в этом районе быть цирк, то именно там. Единственная возможность для вас избавиться от Рози. А что до парома, то как, по-вашему, на остров переправляются цирки?

– Ну да, – смиренно молвил Адриан, – я об этом не подумал.

– Итак, – продолжала Черная Нелл, – если не станете мешкать, придете в Сплошпорт как раз к вечернему парому. А на острове отыщите одного моего друга, Этельберта Клипа.

– Этельберта Клипа? *Этельберта Клипа?* – недоверчиво повторил Адриан.

– Он не виноват, что его так назвали, – резко заметила Черная Нелл. – Если на то пошло, то и фамилия Руквисл кому-то может показаться странной.

– Правда, – согласился Адриан. – Хорошо, отыщу я вашего друга, а что потом?

– Расскажите, что с вами приключилось, скажите, что я прислала вас, и поступайте так, как он вам скажет.

– Огромное спасибо.

– Кстати, как вас приняли в «Единороге и Лире»? – спросила Черная Нелл с хитринкой в глазах.

– Замечательно, – Адриан порозовел. – Чудеснейшие люди.

– Особенно Сэмэнта, а? Или она показалась вам вертихвосткой?

– Вертихвосткой? – гневно произнес Адриан. – Вертихвосткой? Сэмэнта? Да вы что, она… она… она…

– Все в порядке, – Черная Нелл успокоительно выдохнула большой клуб табачного дыма, – я понимаю, что вы подразумеваете, но послушайте, вам лучше поспешить, если хотите успеть на паром.

С этими словами она ласково погладила хобот Рози и улыбнулась Адриану.

– До свидания. Передайте от меня нежный привет Этельберту, – сказала Черная Нелл и засновала по зеленым кустикам, словно торопливый черный крот.

Адриан живо запряг Рози в двуколку и двинулся по тропе через холмы. Вскоре тропа спустилась по склону и сменилась хорошей дорогой с домами по бокам. Чем дальше, тем чаще стояли дома, и наконец улица привела их в центр Сплошпорт-он-Солента. Адриану сразу бросилась в глаза разница между Сплошпортом и его родным городом. Здесь люди и кони за много лет привыкли к тому, что время от времени по улицам движутся странные процессии диковинных зверей. Никто даже не оглянулся на Адриана и Рози, и запряженные в различные экипажи лошади невозмутимо цокали копытами по булыжнику.

Останавливаясь по пути, чтобы справиться у прохожих, верно ли они идут, Адриан в конце концов очутился вместе с Рози в гавани и увидел важно покачивающийся на воде у пристани паром «Сплошпорт Куин». Волны ласково шлепали плицы больших колес, и столб черного дыма над желто-зеленой трубой говорил о том, что пароход вот-вот отчалит. Люди поспешно взбегали вверх по сходням и рассыпались по палубам. Привязав Рози к фонарному столбу, Адриан протиснулся через толпу к восседавшему на кнехте человеку, который с отсутствующим видом уныло жевал табак, напоминая престарелую корову.

– Вы не могли бы мне помочь? – спросил Адриан. – Мне нужно попасть на паром, и со

мной слон и двуколка. К кому мне следует обратиться?

Челюсти моряка перестали двигаться, и он надолго задумался.

– Только не ко мне, – молвил он наконец.

– Понимаю, – сказал Адриан. – Но я надеялся, что вы посоветуете – к кому именно?

Челюсти моряка снова заработали, потом сделали паузу.

– Слоны, – хрипло возвестил он, – багаж.

– Ну и?

– Багажом занимается капитан или старший помощник, – сообщил моряк и, утомленный общением с внешним миром, окончательно погрузился в транс.

Адриан поднялся по сходням на палубу «Сплошпорт Куин». Проталкиваясь через полчища возбужденных детишек, каждый из которых был вооружен острейшими лопаточками и ведерками, нашел наконец трап, ведущий на мостик. Взбегая по ступенькам наверх, он сбил человека, спускавшегося вниз. Извиняясь, помог тому встать на ноги и не без замешательства установил, что то был капитан «Сплошпорт Куин», коротыш с овальной фигурой, совершенно пропадающей за обилием золотого шитья на форме, и с окладистой седой бородой. По распирающей его энергии капитан напрашивался на сравнение с ульем разгневанных пчел. Отряхнувшись от пыли, он медленно смерил Адриана взглядом, в котором угадывался людоедский интерес.

– Если это неудавшаяся попытка бунта на корабле, – мягко произнес капитан, – у вас, видимо, были какие-то причины, молодой человек. Однако хотел бы заметить вам, что сбивать человека с ног и топтать его каблуками – не лучший способ заложить основу прочной горячей дружбы.

– Ради Бога, извините, – пролепетал Адриан. – Но мне казалось, что паром вот-вот отходит, и я спешил. Понимаете, у меня есть слон и двуколка, которых я хотел бы перевезти на вашем корабле, если можно.

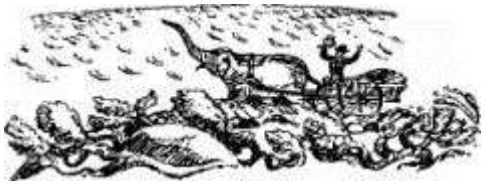
Капитан стряхнул с рукава еще одну пылинку и снова посмотрел на Адриана.

– Похоже, – заметил он, слегка вздохнув, – мне следует благодарить судьбу за то, что вы не послали за мной вашего слона. Где этот зверь?

– Там внизу, на пристани.

– Пять гиней, – сказал капитан.

– Отлично, – отозвался Адриан. – Лишь бы нас взяли.

Глава четырнадцатая
ВЫСАДКА

Короткое плавание на «Сплошпорт Куин», к удивлению Адриана, доставило ему большое удовольствие. Рози была надежно пришвартована к массивному стальному кнехту, так что от нее он не ждал никаких неприятностей. Спустившись в салон, он взял им по кружке пива, несколько булочек для Рози и бутерброды для себя, после чего, прислонясь к поручням, любовался зака-

том, дивясь тому, как солнечные лучи будто приглаживают волны, придавая им сходство с разложенными на прилавке магазина рулонами шелка.

Рози восприняла новое испытание с обычной для нее невозмутимостью. Первые несколько минут она с большим интересом созерцала море; должно быть, подумал Адриан, при виде такого обилия влаги решила, что есть случай основательно напиться. Однако, убедившись, что с палубы туда не дотянуться, Рози оставила радужные мечты и стала покачиваться с полузакрытыми глазами.

Было уже темно, когда они подошли к острову Скэллоп, и, сойдя на берег, Рози и Адриан зашагали по узким мощеным улочкам, время от времени обращаясь за справками к прохожим. Так они вышли за город и там в окружении песчаных дюн увидели словно причудливое нагромождение обломков – маленький дом, сооруженный из выброшенного волнами на берег высохшего плавника. В окнах лучился свет, и сквозь вздохи моря до Адриана доносились заунывные звуки тубы. Какой-то неопытный музыкант пытался, без особого успеха, воспроизвести мелодию «Моя любовь – прекрасная, красная, красная роза». Кругом на дюнах не было видно больше никаких построек, и Адриан заключил, что перед ним обитель Этельберта Клипа. Протопав вместе с Рози по шуршащему песку до двери, он постучался. Туба издала неблагозвучное мычание и замолчала. Затем послышались чьи-то шаги.

– Никакого уважения к искусству! – крикнул голос за дверью. – Вражья сила, стучать и шуметь, когда я репетирую! Кто там? *Кто там?*

Адриан прокашлялся.

– Я, Адриан Руквисл! – прокричал он.

– Вы сказали – Адриан? – спросил голос. – Стало быть, *мужчина?*

– Ну да, – озадаченно подтвердил Адриан.

Дверь распахнулась, и он увидел маленького, хрупкого, как воробышек, человечка в толстом, длинном, почти до колен, джемпере горчичного цвета с огромными золотыми тиснеными пуговицами, серебристо-серых вельветовых брюках и диковинных черно-белых ботинках. Пышная, соломенного цвета шевелюра человечка напоминала потрепанную ветром копну сена, в ушах висели перламутровые серьги невиданной величины. На тонком бледном лице выделялись подвижные, как у бабочки, темные хитрые глаза. Прислонившись с вызывающим видом к косяку, этот странный маленький индивидуум уставился на Адриана.

– Дружище, – произнес он наконец, – *как* вы назвались?

– Адриан, Адриан Руквисл. Меня направила к вам Черная Нелл.

– Душка Черная Нелл! Эта женщина понимает, что нужно мужчине. На редкость заботливое создание.

– Вы ведь Этельберт Клип, верно?

– Он самый, – игриво молвил Клип. – Друзья зовут меня Этель. Да не стойте вы там на самом холоде. Входите, входите.

– Тут со мной Рози, – сказал Адриан.

– Рози? Уж не хотите ли вы сказать, что вам достало дурного вкуса привести с собой *женщину?*

– Нет-нет. – Адриан указал рукой. – Вот она, Рози.

Этельберт Клип выглянул из двери наружу, и неизменно вежливая Рози, подняв вверх хобот, издала фальцетный трубный звук. На что Этельберт Клип немедленно откликнулся почти таким же по тональности удивленным возгласом и отступил в прихожую.

– Что это? – шепотом спросил он Адриана.

– Это Рози. Моя слониха.

Этельберт Клип прижал к груди унизанные кольцами тонкие пальцы, точно боясь сердечного приступа.

– Это – *мне,* дружище? Если так, то хотя я потрясен вашим великодушием, вынужден, увы, отказаться от столь *щедрого* дара.

– Нет-нет. Позвольте только мне войти, и я все объясню, – сказал Адриан.

Стреножив Рози, он вошел в обитель Клипа.

Дом состоял из одной большой комнаты. В дальнем ее конце лестница вела на полати, где за осмотрительно задернутыми ситцевыми занавесками помещалась спальня Этельберта. В комнате было множество украшенных салфеточками кресел и шатких столиков, где под стеклянны-

ми колпаками стояли потертые птичьи чучела и прочие дорогие сердцу Этельберта Клипа вещицы, так что казалось невозможным сделать лишний шаг без риска что-нибудь опрокинуть. Видимо, хозяин за годы развил в себе качества вроде тех, что присущи летучим мышам. Непринужденно огибая свои безделушки, он порхнул к дивану, сел и похлопал рукой по подушке рядом с собой.

– Сюда, дружище, садитесь и рассказывайте, – пригласил он.

Осторожно пробравшись сквозь лес финтифлюшек, Адриан опустился в кресло на почтительном расстоянии от Этельберта Клипа.

– Так вот, – начал он, – дело в том…

– Э, погодите, – Клип поднял вверх длинный указательный палец. – Сперва следует подкрепиться.

Он скрылся за японской ширмой с огромными драконами, страдающими, по видимости, болезнью щитовидной железы, и тут же показался вновь, держа в руках графин и два бокала. Наполнив бокал для Адриана, вручил ему и погладил его по щеке.

– Итак, – сказал он, садясь на диван.

Адриан понюхал напиток. Вроде бы неопасный…

– Собственная настойка, дружище, – сообщил Этельберт Клип. – Каждый год собираю бузину на мысу. *Потрясающе* питательная. Ну давайте, рассказывайте. Уверен, увлекательнейшая история.

Адриан поведал ему о своих приключениях, и лучшего слушателя нельзя было пожелать. Глаза Этельберта Клипа становились все круглее, и время от времени он нервно хихикал, точно школьница, совершенно забыв о бокале, который держал в руке.

– Дружище, – сказал он, когда Адриан закончил повествование, – *восхитительная* история.

– Возможно, – горько произнес Адриан, – для того, кто слушает, но только не для того, кто это пережил. Как бы то ни было, Черная Нелл велела мне рассказать все вам и положиться на ваш совет.

– И *не только* по этому поводу, надеюсь, – лукаво заметил Клип. – Однако дайте подумать, дайте подумать.

Он выпил настойку, извлек откуда-то из-под джемпера узорчатый вязаный колпак с длинной шелковой кисточкой, натянул его на свою шевелюру и откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

– Понимаете… – начал было Адриан.

– Тс-с-с, – остановил его Клип, не открывая глаз.

Минут пять Адриан сидел, потягивая настойку и глядя на Клипа, словно погрузившегося в транс. Уж не ошиблась ли Черная Нелл, направляя его к этому необычному человечку?… Как бы к прежним бедам не добавились новые…

– Есть! – внезапно воскликнул Клип, снимая с головы колпак и засовывая его обратно за пазуху. – Там, в городе, дружище, есть театр. Весьма шикарное заведение, по правде говоря. Понимаете, у нас тут образуется, можно сказать, настоящий *курорт.*

Почему– то Этельберта Клипа передернуло от этой мысли, и он налил себе еще настойки, прежде чем продолжать.

– Поверьте, дружище, становится просто невыносимо смотреть на все эти отвратительные красноролжие ватаги, которые устраивают набеги на Скэллоп.

– Понимаю, – сказал Адриан, – а что вы там говорили про театр?

– Так вот, его совсем недавно построил некий Эммануил С. Клеттеркап, тупой мерзкий тип, который большую часть жизни занимался тем, что надувал простых людей, а теперь вот решил, что пришло время насаждать культуру среди своих незадачливых жертв. Естественно, с выгодой для себя.

Он глотнул вина и посмотрел, улыбаясь, на Адриана.

– Но какое отношение все это имеет ко мне? – спросил Адриан.

– Не спешите. Возможно, вы подумали, что почтеннейший Клеттеркап, потратившись на строительство театра, дабы сеять разумное, доброе, вечное, изберет для первого приношения на алтарь культуры нечто такое, в чем посчитал бы честью проявить свой дар профессиональный трагик вроде меня? Например, «Отелло» – я бесподобен в роли Дездемоны.

– Охотно верю, – сказал Адриан.

– Или «Ромео и Джульетта». Все говорили, что Джульетта – одна из моих лучших ролей. К тому же труппа экономила на этом немало денег, поскольку при моем незначительном весе отпадала надобность укреплять балкон. Но этот пошляк Клеттеркап задумал открыть сезон – только подумать! – спектаклем «Али-Баба и сорок разбойников».

– А что, – заметил Адриан, – для отдыхающих на курорте лучшего начала сезона не придумаешь. Веселое, яркое представление…

– Милейший и дражайший Адриан, – Клип зажмурился, как от боли, – можно, я перейду на «ты»? Культура и увеселения – отнюдь не синонимы, между ними огромная разница.

– Боюсь, я не очень-то разбираюсь в этих вещах, – ответил Адриан. – Просто я подумал, что такой спектакль может понравиться детям. И я все еще не понимаю, что это даст мне?

– Пойми, этот кретин Клеттеркап – такой же альтруист, как стая стервятников. Теперь представь себе, что ты уговоришь его использовать в спектакле Рози и она будет пользоваться успехом. Если ты после этого предложишь ему свои пятьсот фунтов – или то, что от них осталось, – уверен, он охотно избавит тебя от слонихи.

– В самом деле! – обрадовался Адриан. – Отличная идея.

– Других здесь не бывает, дружище, – заверил его Клип. – А теперь предлагаю тебе переночевать у меня, а завтра я отведу тебя к Клеттеркапу.

– Чудесно, – отозвался Адриан. – Огромное вам спасибо.

– Я сам, – Этельберт смущенно порозовел, – участвую в этом спектакле. Не скажу, чтобы я гордился своей ролью, но, дружище, надо же как-то жить.

Адриан и Этельберт отвели Рози в пристройку, где готовилась настойка Клипа, но сперва, разумеется, оттуда было удалено все, содержащее хоть каплю алкоголя.

Вернувшись в дом, Этельберт отдернул занавески на полатях, и Адриан увидел огромную двуспальную кровать под балдахином и простейшие деревянные нары напротив нее.

– Выбирай, – предложил Клип. – Лично я всегда сплю на двуспальной.

– Спасибо, – сказал Адриан. – Гм-м… я сильно ворочаюсь во сне, так что лучше лягу на нарах.

– Как скажешь, – весело отозвался Этельберт. – Как скажешь.

Засыпая, Адриан говорил себе, что не скоро забудет зрелище Этельберта Клипа в длинной белой ночной рубашке, японском кимоно и колпаке с кисточкой…

Проснувшись утром, он обнаружил, что Этельберт уже встал и успел приготовить плотный завтрак. На столе стояла огромная кастрюля, в которой булькала овсянка с сахаром и сметаной, рядом на большом блюде были разложены коричневый и хрусткий, как осенние листья, бекон с яичницей и купающиеся в черном соке широкие зонтики грибов.

– Всегда почитал целесообразным начинать день сытным завтраком, – серьезно сообщил Этельберт. – Человек искусства обязан считаться с тем, что подлинное вживание в образ требует огромных физических и духовных усилий.

– Кстати, – поинтересовался Адриан, уписывая яичницу с беконом, – какую роль вы исполняете?

– Одну из невольниц в гареме султана, – невозмутимо поведал Этельберт. – Очень даже трудная роль.

Когда они управились с завтраком и вымыли посуду, Этельберт облачился в плащ-накидку с капюшоном и фуражку с широченным козырьком. После чего они запрягли в двуколку Рози и отправились в город.

Вид театра поразил Адриана. Этельберт говорил, что здание большое, но Адриан не ожидал увидеть таких размеров, а фасад с его дорическими колоннами, аркбутанами и готическими окнами позволял заключить, что архитектором был явно сам мистер Клеттеркап.

– Видишь! – торжествующе произнес Этельберт, глядя на удивленного Адриана. – Дружище, от такого театра и в столице не отказались бы. А еще скажу тебе по секрету…

Он поглядел по сторонам украдкой. Поблизости, кроме Рози, не было никого, и Этельберт Клип, наклонясь, прошептал на ухо Адриану:

– В этом театре вращающаяся сцена!

Сказал и отступил, проверяя, какое впечатление произвели его слова.

– Вращающаяся сцена? – повторил Адриан. – Этот человек, должно быть, безумец.

– Точно, дружище. Но никто не должен знать. Мы собираемся поразить зрителей в день

первого представления, так что никому не говори.

– Не скажу, – пообещал Адриан. – Но все равно он безумец. Это же, наверно, стоило огромных денег.

– Перед тобой, – Клип указал на возвышающееся перед ними архитектурное сооружение, – последнее великое творение Клеттеркапа. Памятник, который он воздвиг себе, чтобы войти в историю. А теперь, дружище, подожди здесь вместе с Рози, а я пойду и поговорю с ним.

Около получаса Адриан и Рози терпеливо ждали на улице, наконец из театра выпорхнул Этельберт, сопровождаемый коротконогим толстым человеком, костюм которого являл странное сочетание визитки и полосатых брюк.

– Адриан, – сказал Этельберт, – познакомься: Эммануил С. Клеттеркап, наш ментор.

– Привет, – поздоровался ментор, – как дела?

– Отлично, большое спасибо, – ответил Адриан. Они обменялись рукопожатием.

– Я понял так, что вы ищете работу, – сказал Клеттеркап, нервно поглядывая на Рози.

– Ну да, если это возможно, – подтвердил Адриан. – Я подумал, раз вы ставите «Али-Бабу», вам нужен восточный колорит, а Рози приучена к нарядным попонам и всему такому прочему.

– Так-так, – сказал Клеттеркап, – она ведь, кажется, из этого… э… родом оттуда, откуда…

– Она ведет себя образцово, – позволил себе Адриан малость приукрасить, – и я уверен, что Рози придаст вашему спектаклю нечто.

– *Же не сэз ква?* – предположил Этельберт.

– Это еще что такое? – подозрительно осведомился Клеттеркап.

– Это по-французски: сам не знаю что.

– Чего это ты не знаешь?

– Да нет, я перевел тебе французское выражение: сам не знаю что.

Клеттеркап с минуту тупо смотрел на Клипа.

– Несешь черт знает что, – молвил он наконец.

– Иные семена пали на каменистую почву, – сказал Клип, воздев очи к небесам.

– Ну ладно, – обратился Клеттеркап к Адриану, – сколько вы хотите получать? Эти культурные мероприятия обходятся дорого. Я не печатаю деньги, понятно?

– Ну, я мог бы довольствоваться скромным жалованьем, чтобы хватило на прокорм себе и Рози, – ответил Адриан.

– И, конечно, театр предоставит убранство для слонихи, – добавил Этельберт.

Клеттеркап закурил большую сигару и укрылся за облаками едкого дыма, размышляя.

– И сколько же стоит ее прокормить? – спросил он наконец, указывая большим пальцем на Рози.

– Ну… порядочно, – признался Адриан.

– Ладно, вот что я решил, – заключил Клеттеркап, – решил по справедливости – я плачу за ваш прокорм, а там посмотрим. Если выступите успешно, возобновим переговоры.

– Прекрасно, – отозвался Адриан, – меня это вполне устраивает.

– Жду вас на репетицию в два часа, – распорядился Клеттеркап.

– Отлично, – ответил Адриан. – Непременно приду.

– Ол-райт, – заключил Клеттеркап. – Действуйте.

И, повернувшись кругом, он вернулся к себе в театр.

– *Дружище!* – воскликнул Этельберт. – Это же *замечательно!* А теперь пошли домой ко мне и отметим это событие, а потом придем сюда пораньше, чтобы я мог поводить тебя по театру.

Глава пятнадцатая
РЕПЕТИЦИЯ

Отметив в доме Этельберта событие скромным угощением (яблоки для Рози, бузинная настойка для мужчин), под вдохновенное исполнение Клипом на тубе старинной, как он уверял, ирландской баллады «Будь я черным дроздом», они еще подкрепились и поспешили обратно в город.

Рози привязали в большом сарае за театром, где хранились декорации, и, снабдив ее сеном и кормовой свеклой, направились в главное здание.

– Мне в жизни не доводилось бывать за кулисами, – сообщил Адриан.

– В самом деле, дружище? – отозвался Этельберт. – А зря. Пошли, я все тебе покажу.

С этими словами он растворился в темноте, затем Адриан услышал, как щелкают выключатели, и внезапно глазам его, переливаясь красками, будто свадебный торт, предстал во всем своем фанерном великолепии дворец султана. Повернувшись лицом к сцене, Адриан увидел окутанный полумраком зрительный зал, где смутно различались ряды кресел и ложи. С удивлением рассматривал он подвешенные высоко над полукругом просцениума, невидимые для зрителя элементы декораций, ожидающие, когда рабочие опустят их на положенные места.

– Вот это, – встав на цыпочки и исполнив маленький пируэт, показал Адриану Этельберт, – и есть вращающаяся сцена. На ней установлены три декорации. – Нажал на вон те рычаги, и выезжает та, которая нужна сейчас. Сберегает массу времени и сил.

– Замечательно, – сказал Адриан.

– Идем дальше, дружище, – позвал Этельберт. Порхнув к выключателям и погрузив дворец султана

обратно в пыльный сумрак, он юркнул куда-то за кулисы, и Адриан поспешил за ним.

За кулисами они очутились в длинном узком коридоре с дверями по обе стороны.

– Здесь, – сообщил Этельберт, картинно прислонясь к одной из дверей, – находится моя гримерная.

Небольшая карточка на двери поразила Адриана надписью ***«ЭТЕЛЬБЕРТ КЛИП – ГЛАВНАЯ ЖЕНА СУЛТАНА».*** Следуя за Этельбертом, он вошел в не блещущую чистотой комнатушку, одну стену которой почти целиком занимало освещенное газовыми лампами большое зеркало. В углу стоял шкаф, и приоткрытая дверца позволила Адриану рассмотреть набор экзотических восточных одеяний и прозрачных вуалей.

Напротив зеркала на кушетке возлежала могучего телосложения рыжеволосая женщина, облаченная (что сразу бросалось в глаза) в один только украшенный страусовыми перьями ветхий пеньюар. Ее поза напоминала каменные скульптуры, венчающие средневековые склепы, однако руки женщины вместо какого-нибудь религиозного символа сжимали полупустую бутылку джина. По-своему женственный храп ее звучал громко и ритмично.

– О *Господи,* – вымолвил Этельберт, – опять… Порхнув к кушетке, он извлек бутылку из крепкой

хватки живой скульптуры и легонько похлопал последнюю по щекам.

– Гонория, дорогая *Гонория,* – воззвал он, – проснись, *умоляю.*

Рыжеволосая леди поежилась и пробормотала что-то нехорошее.

– Это – Гонория, – сообщил Этельберт, оглянувшись на Адриана. – Гонория Лузстрайф. Исполняет ведущую роль юноши.

– Юноши?

– Ну да, – ответил Этельберт. – Великолепная актриса. Адриан опустился на стул, пристально глядя на Этельберта.

– Объясните, пожалуйста. *Вы* играете роль любимой *жены* султана, а *она,* – он указал на Гонорию, выставившую напоказ внушительный бюст жемчужного цвета, – *она* исполняет ведущую роль *юноши?*

– Разумеется, – подтвердил Этельберт. – Глупенький, так заведено в пантомимах.

– О, – отозвался Адриан. – Только мне это показалось странным.

– Скоро перестанешь удивляться, – заверил его Этельберт. – Это всего лишь вопрос привычки.

Подойдя к столику, на котором стояли таз и кувшин с водой, он намочил большое полотенце и стал приводить в чувство Гонорию.

– Бр-рысь. Оштавь покое, – пробурчала она. Этельберт Клип выжал полотенце над лицом Гонории

и повернулся к Адриану.

– Такая *чудная* девочка, – сообщил он. – Вот только, как бы это сказать, склонна прибегать к стимуляторам.

– Вижу, – заметил Адриан. – Совсем как Рози.

Гонория с трудом приняла сидячее положение и устремила на них мутный взгляд. При этом пеньюар ее сдвинулся настолько, что Адриан смущенно отвел глаза.

– Так-то, – сказал Этельберт. – Теперь тебе получше?

– Нет, – ответила Гонория скорбным контральто, чем-то напоминающим наиболее низкие ноты тубы Этельберта Клипа. – Мне плохо… очень плохо.

– Что ж, – философически произнес Этельберт, – джин на пустой желудок – не самая лучшая замена завтрака.

– Я *никому* не нужна, – мрачно возвестила Гонория, и, к великому испугу и замешательству Адриана, из глаз ее покатились по щекам, падая на пышный бюст, огромные слезы.

– *Очень даже* нужна, любовь моя, – заверил Этельберт. – Все тебя просто *обожают.*

– Неправда, – всхлипывала Гонория. – Они завидуют мне, моему мастерству.

Этельберт вздохнул и воздел очи к небесам.

– Адриан, – сказал он. – Будь другом, пройди к служебному входу, принеси Гонории чашку чаю. Ей станет полегче.

– Ничто, – высокопарно возгласила Гонория, прижимая в драматическом жесте одну руку ко лбу, другую к груди, – ничто, одна лишь *смерть* способна принести мне облегчение.

При этом ее пеньюар совсем сполз с плеч, и Адриан поспешил удалиться, пока пухлое тело Гонории не обнажилось совершенно. У служебного входа в застекленной будке, в окружении множества ключей сидел гномик с роскошными бакенбардами, у которого Адриану удалось выпросить большую кружку чая.

Вернувшись в гримерную Этельберта, он с удивлением обнаружил, что от хмельного уныния Гонории не осталось и следа. Она каталась по кушетке, заливаясь смехом, явно вызванным какой-то шуткой Этельберта.

– О Господи, – вымолвила Гонория, садясь и вытирая слезы, – ты просто *несносен,* Этельберт, честное слово.

– Долой тоску, – отозвался он, вручая ей кружку.

Гонория сделала глоток и смерила Адриана оценивающим взором, потом завернулась поплотнее в пеньюар и приняла величественную позу.

– Кто это? – спросила она.

– Адриан, – сообщил Этельберт. – Он будет участвовать в спектакле вместе со своим слоном.

– Разрази меня гром! – рявкнула Гонория так, что Адриан невольно вздрогнул. – Только слона нам еще не хватало. Уже половина моих лучших реплик заглушается дурацким звоном цимбал, которые зачем-то понадобились этому Клеттеркапу. Оркестр *нарочно* играет не в лад, чтобы испортить мои лучшие сольные номера, а теперь по сцене еще будет топать слон, украшая

ее горами навоза.

– Ничего подобного, – заверил ее Этельберт, – это очень *чистоплотное* животное.

– Между прочим, – сказал Адриан, до которого начало доходить, как следует укрощать капризную натуру Гонории, – когда мистер Клеттеркап нанимал меня, он заявил, будто у него такая выдающаяся исполнительница ведущей роли юноши, что только самый лучший… э… самый лучший…

– Реквизит, – подсказал Этельберт.

– Вот именно, самый лучший реквизит может соответствовать ее таланту.

Гонория округлила глаза.

– Правда? Он так сказал? – спросила она.

– Ну да. – Адриан чуть порозовел.

– Успех, – вздохнула Гонория. – Наконец-то признание. Разумеется, вы можете приводить своего слона, дружище.

Она грациозно кивнула Адриану.

– Спасибо, – отозвался он.

– И я обещаю содействовать тому, чтобы он достойно смотрелся на сцене, – сказала Гонория.

– Большое спасибо, – повторил Адриан, спрашивая себя, способна ли вообще даже такая темпераментная особа, как Гонория, при всем желании оттеснить Рози на задний план.

– Ну ладно, пошли, – вступил Этельберт. – Пора нам потолковать со стариной Клеттеркапом и выяснить, какая роль отводится тебе и Рози.

Остаток дня был, мягко выражаясь, утомительным. Как постановщик мистер Клеттеркап явно крайне смутно представлял себе, что годится и что не годится для сцены, и чем больше он шумел, и бесновался, и рвал на себе волосы, тем все только хуже запутывалось. В гареме султана началась потасовка, когда выяснилось, что по замыслу Клеттеркапа половине невольниц надлежало стоять за решетчатой конструкцией восточного типа, где они были бы скрыты от зрителей. Люди, выходящие направо, сталкивались с людьми, входящими справа, и под конец все до того сбились с толку, что исполнительница ведущей роли девушки (хрупкое создание с пушистой шевелюрой, хотя и не состоящее в родстве с мистером Клеттеркапом, но запросто обращавшееся с ним) то и дело впадала в истерику и принималась по ошибке петь арии исполнительницы ведущей роли юноши. Естественно, Гонория отвечала на это роскошными припадками, и в конце концов на сцене началось такое, что Клеттеркап был вынужден разрешить всем на десять минут удалиться в гримерные, чтобы привести себя в порядок.

Пока длился короткий перерыв, Клеттеркап вызвал на сцену Адриана.

– Так, парень, – сказал он, – шагай за мной. Вот это, видишь, дворец султана.

Пройдя через размалеванные декорации за дворцом, он вошел на соседний сектор сцены, где в окружении сутулых пальм стояло нечто, изображающее скалу. Мистер Клеттеркап объяснил Адриану, что в этой скале помещался вход в пещеру Али-Бабы.

– Сейчас я покажу, как это все происходит, – гордо возвестил он. – Али-Баба стоит здесь, понял? Он нажимает вот эту кнопку в полу, понял, и говорит: «Сезам, откройся!»

Мистер Клеттеркап нажал ногой кнопку. Скала никак не реагировала.

– Где этот реквизитор, черт бы его побрал? – взревел мистер Клеттеркап. – Скажите ему, чтобы заставил эту проклятую пещеру открываться.

Явился всполошенный реквизитор и, повозившись с разными тросиками, заставил скалу с жутким скрежетом и скрипом открываться. Клеттеркап, хрипло дыша, вошел внутрь, и они с Адрианом очутились среди декораций, изображающих пещеру. Здесь стояли набитые «драгоценностями» большие деревянные сундуки и, разумеется, сорок огромных сосудов для заточения разбойников.

– Вот так, – сказал мистер Клеттеркап. – Видишь, парень, я не поскупился на расходы.

– Вижу, – подтвердил Адриан. – Очень впечатляет.

– А теперь, – Клеттеркап отвел его обратно к дворцу султана, – поговорим о том, что делаешь ты со своим зверем. Это связано с первым выходом султана. Твой слон должен войти вот сюда, проследовать *вон туда* и остановиться там. Естественно, слон будет запряжен в колесницу, в которой будет сидеть султан.

– Простите, – вступил Адриан, – может быть, султану лучше сидеть в паланкине?

– Это еще что за штука? – подозрительно осведомился мистер Клеттеркап.

– Ну это такие носилки, их помещают на спине слона.

– Нет, – неохотно молвил Клеттеркап, поразмыслив. – Наш султан – лучший баритон в этих краях. Если он упадет и сломает ногу или повредит еще что-нибудь, все сорвется. Нет, пусть будет колесница.

– Значит, я должен провести Рози через сцену вон *туда?* – постарался уточнить Адриан.

– Ничего подобного, – ответил Клеттеркап. – Ты не поведешь слона, его будет погонять султан.

– Но я не уверен, что Рози станет слушаться султана. Понимаете, она привыкла исполнять только мои команды.

– Трудности, – с горечью произнес мистер Клеттеркап. – С этим чертовым спектаклем у меня сплошные осложнения. Но я не желаю, чтобы *ты* шествовал через всю сцену. Может быть, займешь место вон там и позовешь ее?

– Судя по тому, как прошла репетиция, она вряд ли меня услышит.

– Будь я *проклят,* – изрек Клеттеркап.

С минуту он мерил шагами сцену, бросая свирепые взгляды на дворец султана.

– Нашел, черт побери, – торжествующе произнес он. – Мы поставим вот здесь еще одну позолоченную колонну. Полую колонну, понял, и ты будешь стоять внутри. Сделаем в колонне дырку, смотровое отверстие, так сказать, через него ты сможешь отдавать команды своему зверю. Понял?

– Э… да, – нерешительно молвил Адриан. – Пожалуй, это подойдет…

Он еще живо помнил, что произошло в Феннелтри-Холл, и был отнюдь не уверен в удачном исходе такого маневра.

– Вы не против, чтобы мы сперва попробовали, что получится? – спросил он.

– Конечно, проверим, – ответил Клеттеркап. – Без репетиций нельзя. Я прикажу живо изготовить колонну, и посмотрим.

Полчаса спустя к дворцу султана добавилась толстая нарядная колонна. Рози, впряженная в маленькую тележку, ждала за кулисами, Адриан, затаив дыхание, стоял внутри колонны, ожидая сигнала. И как только затихли звуки увертюры и толпа, обратившись лицом к кулисам, дружно закричала: «Султан, султан!» – чтобы зрители, не дай Бог, не подумали, что сейчас появится какой-нибудь замухрышка, Адриан прошипел в дырку: «Пошла, Рози».

Рози хлопнула ушами, радостно взвизгнула и затопала на сцену. Она знала, где стоит Адриан – сама видела, как он туда прошел, – и слышала его голос. И, подойдя к колонне, нежно погладила ее хоботом.

– Стоять, – прошипел Адриан.

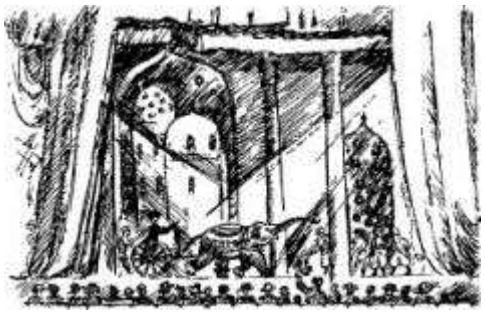
Рози послушалась, продолжая хлопать ушами и с удовольствием разглядывая ярко освещенную сцену. К великому удивлению Адриана, репетиция дальше прошла без сучка без задоринки, и Клеттеркап был так доволен выступлением Рози, что дал Адриану сигару.

В отличном настроении Рози, Адриан, Этельберт и Гонория направились через дюны домой, и, рассказав Рози, какая она молодчина, накормив ее и позволив выпить кружку пива, троица вошла в дом, где отлично повеселилась при помощи бузинной настойки, джина, устриц, яиц ржанки и ведерка крупных розовых креветок. Было уже за полночь, когда они легли спать, но *сперва* Гонория, аккомпанируемая Этельбертом, в четвертый раз спела: «Мне снилось, что я сплю в мраморных покоях».

Глава шестнадцатая

ПРЕМЬЕРА

Последующие три дня были целиком заняты репетициями, и настроение Адриана заметно поднялось, поскольку вопреки его ожиданиям Рози вела себя образцово. Больше того, временами изо всех актеров (виной тому была не совсем обычная методика режиссуры мистера Клеттеркапа) только она точно знала, что надлежит делать на сцене.

Гонория прониклась глубокой, немеркнущей симпатией к Рози, уверяя в приступах слезливого настроения, что лишь она по-настоящему понимает ее; прилежно потчевала слониху сахаром и рассказывала ей о своих былых невзгодах.

Наконец настал день премьеры; в театре царило небывалое оживление. Вечером Этельберт, Гонория и Адриан собрались в гримерной, ожидая своих выходов. Гонория с самого утра прикладывалась к бутылке в честь, как она говорила, премьеры. Этельберт заметил, что премьера еще не состоялась и может вовсе не состояться, если Гонория наклюкается, на что она, выпрямившись во весь рост, возразила:

– Знаю, что премьера еще не состоялась, но главное – заранее настроиться.

В украшенном блестками костюме Али-Бабы и сбившемся набекрень тюрбане, она расположилась на кушетке, прихлебывая джин из новой бутылки.

– Гонория, *дорогая,* – взмолился Этельберт. – Не надо пить, это может отразиться на твоей игре.

– Ничто и никогда, – возразила Гонория, подавляя отрыжку, – еще не отражалось на моей игре.

– И не забудь, – продолжал Этельберт, – ты не повторила свою роль.

– Ерунда, – с великим презрением молвила Гонория, – подлинные артисты обходятся без этого, импровизируют по ходу действия.

Она поднесла бутылку ко рту, и послышалось мелодичное бульканье.

– Пойду-ка лучше посмотрю, как там Рози, – сказал Адриан. – Возможно, она тоже волнуется перед премьерой.

– Дружище, не нервничай хоть ты, – заметил Этельберт. – Тебе-то что – *ты* будешь стоять внутри колонны.

– Верно, – отозвался Адриан, – но я все равно волнуюсь.

– Скоро наш выход, – напомнил Этельберт. – Будь другом, прикрепи драгоценный камень на мой пупок. У самого не получается, очень уж щекотно.

Адриан торжественно прилепил большой сверкающий «драгоценный камень» клеем к пупку Этельберта.

– Есть, – сказал он. – А теперь пойду проверю, как там Рози.

– Я пойду проверю Рози, – возвестила Гонория, не совсем уверенно поднимаясь на ноги. – Как-никак мы с ней ведущие актеры в этом спектакле.

Слегка пошатываясь, она покинула гримерную и затворила за собой дверь.

– Думаешь, она справится? – спросил Адриан.

– Запросто, – ответил Этельберт. – Пока еще хоть немного соображает, все будет в порядке. Как ты думаешь, мне идет эта чадра?

Адриан внимательно посмотрел на чадру.

– В каком смысле – идет? – осторожно справился он.

Этельберт смущенно порозовел.

– Ну, с ней я" выгляжу более привлекательно, так сказать?

– В общем, – произнес Адриан осмотрительно, – для *зрителей* ты, несомненно, будешь выглядеть более привлекательно.

Этельберт продолжал рисоваться перед ним в своем экзотическом костюме; внезапно Адриан снова вспомнил про Рози.

– Что-то Гонория долго не возвращается, – заметил он.

– Наверно, проверяет, как Рози нравится ее выходная ария, – предположил Этельберт, добавляя теней на и без того щедро раскрашенные веки.

– Пойду-ка лучше проверю, – сказал Адриан. – Как-никак наш выход через десять минут, и я должен убедиться, что Рози не съела свое облачение или не натворила еще что-нибудь.

Покинув Этельберта, он проследовал через грязные пыльные коридоры к просторному сараю за театром, где среди выцветших декораций обитала Рози. Здесь он увидел Гонорию – сидя на охапке сена, она мягко пела переливчатым контральто:

Она – моя слониха, моя сло-сло-слониха,
Она не потеряется на сцене,
Она – наша царица, другой не признаем…

Плавно покачиваясь, Рози восхищенно слушала пение Гонории, и хобот ее нежно сжимал пустую бутылку из-под джина.

– Гонория! – в ужасе вскричал Адриан. – Неужели ты дала ей выпить *джина?*

– Привет, Адриан, – отозвалась Гонория с чарующей улыбкой. – Что, нам уже пора выходить?

– Ты дала Рози выпить джина? – рявкнул Адриан.

– Две капли по случаю праздника, – сообщила Гонория. – Столовую ложку, как говорят французы.

– Но ты ведь знаешь, как на нее действует алкоголь, – сокрушенно произнес Адриан. – Сколько она выпила?

Выхватив у Рози бутылку, он поднес ее к глазам Гонории. Та смерила бутылку мутным взором.

– Маленький глоточек, – невнятно молвила Гонория, отмеряя пальцем примерно половину. – Другого такого компа… компаней… прелестного собутыльника надо поискать.

Адриан обратил свой взгляд на Рози, и она улыбнулась ему, игриво взмахивая ушами и смущенно разворачивая и сворачивая хобот. Слониха выглядела вполне нормально, ничего похожего на то, какой она была в тот вечер, когда учинила страшный погром в Феннелтри-Холл. Может быть, Гонория выпила куда больше, чем он предполагал, и Рози в самом деле досталась только «столовая ложка».

– Ну-ка, пошли.

Взяв Рози за ухо, Адриан стал водить ее по кругу в сарае, проверяя, как она держится на ногах. Слониху не качало, и, если не считать озорной искры в глазах и некоторого своенравия, джин вроде бы не оказал на нее дурного влияния.

– Гонория, – сказал Адриан, – не пора ли тебе пройти за кулисы. Через минуту твой выход.

В сарай до них смутно доносились звуки исполняемого оркестром из трех престарелых музыкантов лихого марша, чьи заключительные ноты должны были служить сигналом к подъему занавеса. Гонория с третьей попытки поднялась на ноги и направилась к кулисам, сопровождаемая Адрианом и Рози. За кулисами Адриан увидел ожидающую Рози колесницу и султана.

– Эй, – воскликнул султан, – где вы запропастились, черт возьми?

– Извините, – отозвался Адриан, поспешно запрягая Рози.

– Думал, вы уже совсем не появитесь, – сказал султан и добавил, указывая пальцем на занавес: – Народу сегодня – тьма. Половина всего населения этого чертова острова собралась.

Он влез на колесницу.

– Нормально? – спросил Адриан.

– Полный порядок, – ответил султан.

Адриан пошел на сцену, чтобы занять свое место в колонне. Под последние нестройные звуки марша забрался внутрь и закрыл за собой дверцу. Тут же услышал, как шуршит, поднима-

ясь, занавес, и ощутил захлестнувшую сцену волну зрительского воодушевления. Восторженные ахи, шорохи, покашливание, шевеление чем-то напомнили ему атмосферу ночного леса; четыре сотни зрителей плотными рядами сидели в темноте за оркестровой ямой, нетерпеливо ожидая начала представления.

Оркестр снова заиграл, и под дружные аплодисменты, напоминающие беглый огонь из мушкетов, Гонория, чуть покачиваясь, вышла на сцену и начала исполнять свою первую арию, окончание которой должно было служить сигналом для выхода Рози. Тем временем состояние нервозности у Адриана уступило место элементарной панике.

– Султан! Султан! – закричали на сцене, и Адриан фальцетом, напоминающим голос малюсенькой летучей мыши, пропищал: «Пошла, Рози!»

К великому его удивлению, Рози протопала через сцену к колонне столь же уверенно, как она это делала на репетициях. Реакция публики не заставила себя ждать. Громкое «а-ах!» девятым валом перекатило через рампу. Восхищенная такой встречей, Рози подняла хобот и издала резкий трубный звук.

– Хорошая девочка, – сказал Адриан. – Теперь стой тихо.

Рози покорно остановилась, слегка покачиваясь. Время от времени она подносила хобот к смотровому отверстию в колонне и ласково дышала на него джином. Кульминация акта прошла благополучно, и Адриан облегченно вздохнул, потому что теперь сцена должна была повернуться, открывая зрителям новые декорации, после чего он мог уводить Рози за кулисы. Повторно появиться ей предстояло только в финале. Он вытер взмокший лоб. Сейчас Гонория произнесет заветные слова…

– И берегись моей любви, – зычным голосом обратилась она к подруге мистера Клеттеркапа. – Я отправляюсь за сокровищем, а когда вернусь, потребую твоей руки.

С этими словами Гонория направилась к выходу, одновременно сцена начала вращаться в ту же сторону, и, ощутив ее движение, Адриан понял, что это – конец. Ему ни разу не приходило в голову проверить, как Рози станет реагировать на вращение сцены. И вот теперь, очнувшись от хмельной задумчивости, она вдруг ощутила, что пол уходит у нее из-под ног. Испуганно и не слишком громко взвизгнув, слониха сделала шаг-другой.

– Не шевелись, дуреха, – прошипел Адриан, однако сцена начала набирать скорость, и сбитая с толку Рози решила не отставать от нее.

В итоге она стала быстро догонять Гонорию и настигла ее, когда та очутилась в центре следующей декорации. Султан, цепляясь в панике за края колесницы, уныло твердил: «Черт возьми, черт возьми, черт возьми…» – словно читал нараспев какую-то восточную молитву. Человечек, коему было поручено манипулировать рычагами, приводящими в движение всю махину, совершенно потерял голову при виде взбесившегося, как ему показалось, слона и дал обрат-

ный ход. Сцена закружилась в другую сторону, и Рози решила не отставать от нее. В итоге оглобли колесницы султана сломались, точно спички, а сама колесница, описав в воздухе короткую изящную дугу, приземлилась на человечка с рычагами. Тут уже все окончательно растерялись. Соприкосновение колесницы султана с рычагами явно повредило какой-то механизм, так что сцена вращалась все быстрее и быстрее, и Рози прибавила скорость. Вот пронеслась галопом через декорацию, изображающую пустыню, сшибая на ходу пальмы, вот ворвалась на восточный базар, опрокидывая прилавки, наконец промчалась через дворец султана, сокрушая решетчатые конструкции и колонну, где был заточен Адриан.

Гонория, в первую минуту приписавшая странные эволюции сцены количеству потребленного джина, теперь в испуге бросилась бежать навстречу вращению. Притихшая, завороженная публика могла насладиться созерцанием трех стремительно чередующихся декораций, среди которых Рози и Гонория ошалело бежали в противоположных направлениях. Адриан ухитрился выбраться из колонны и кинулся догонять Рози. Сцена, оправдывая старания своего творца, развила скорость около пятидесяти километров в час, так что отдельные части реквизита и декораций срывались с досок. Одного оркестранта ушибло пальмой, фрагменты дворца крушили базарные прилавки. Погоня Адриана за слонихой затруднялась тем, что он то и дело сталкивался с бегущей навстречу ему Гонорией, и, пока они вновь поднимались на ноги, Рози успевала увеличить отрыв.

До сих пор парализованный яростью мистер Клеттеркап неподвижно стоял за кулисами, однако при виде того, как исполнительница главной мужской роли, Рози и Адриан затеяли нечто вроде бега на марафонскую дистанцию, он не выдержал, прыгнул на вращающуюся сцену и поймал на ходу Адриана.

– Останови слона! – заорал он.

– А я что пытаюсь сделать, черт возьми? – рявкнул Адриан и, оттолкнув Клеттеркапа, возобновил погоню за Рози.

Багровый от гнева мистер Клеттеркап, схватив какой-то обрубок, бывший частью дворца, ринулся в противоположную сторону и ударил встреченную им Рози по хоботу. Поступок, мягко выражаясь, неблагоразумный. Бедная Рози так старалась приспособиться к пришедшему вдруг в стремительное движение миру, а тут чужой человек бьет ее по хоботу, мешая сосредоточиться на чрезвычайно сложной задаче. Возмущенная посторонним вмешательством, она попросту схватила хоботом мистера Клеттеркапа и швырнула в оркестровую яму, где его внезапное появление вторично повергло в обморок дирижера, а заодно нанесло непоправимый ущерб большому барабану и тромбону.

Тем временем трое рабочих героически трудились над тем, чтобы освободить рычаги вращающего механизма от султана и его колесницы. В конце концов они добились успеха, однако в результате их благонамеренных стараний сцена стала вращаться еще быстрее, и забредшую на самый край Рози метнуло в воздух, словно диск из руки дискобола. К счастью, она полетела не на публику, а за кулисы, где полет ее остановили блоки, шкивы, тросы, драпировки и шесть светильников. Исчезновение Рози произошло так быстро и внезапно, что Адриан дважды пробежал через руины дворца, через базар и пустыню со скалой, прежде чем заметил, что ее нет на сцене. Совершив лихой прыжок за кулисы, он бросился искать слониху. Страшно было подумать, что в эту минуту, возможно, она буйствует на улицах города, и Адриан облегченно вздохнул, обнаружив Рози в сарае, где она, запыхавшись и вся дрожа, стояла, подняв хоботом пустую бутылку в надежде извлечь из нее глоточек джина. Адриан бессильно опустился на сено и сжал голову двумя руками. Все пропало… До его слуха смутно доносились вопли зрителей и лязг неугомонных механизмов. Конец надеждам на то, что Рози пополнит труппу мистера Клеттеркапа; хуже того – к списку преступлений, совершенных им после того, как он унаследовал слониху, добавилось еще одно. Ах, если бы Сэмэнта была здесь, только она могла бы его утешить…

Неожиданно в сарае появился Этельберт. Он тяжело дышал, его чадра была разорвана, «драгоценный камень» исчез с пупка.

– Дружище, – вымолвил он, – *какая трагедия.* Я знаю, это не твоя вина, и наша дорогая Рози ни при чем, однако, боюсь, тебе нелегко будет убедить в этом Клеттеркапа. Он уже пришел в сознание, так что советую вам бежать.

– А что толку? – вяло произнес Адриан. – Куда бежать?…

– Дитя мое, – тревожно молвил Этельберт, – *не дури.* Уноси отсюда ноги, пока не поздно.

Если немедля отправишься в гавань, можешь еще застать «Куин» и уплыть на материк. О своих вещах не беспокойся, я пришлю их.

– Не вижу в этом смысла, – уныло сказал Адриан. – Лучше останусь здесь, пусть меня арестуют.

– Послушай, если себя не жаль, подумай хоть о Рози.

– С какой стати? – с горечью ответил Адриан. – Она хоть раз подумала обо мне?

– Ты хочешь, чтобы ее застрелили?

– Застрелили?! – испуганно воскликнул Адриан. – Неужели ты допускаешь, что ее застрелят? Разве она в чем-нибудь провинилась?

– А я говорю – застрелят! – сказал Этельберт драматическим тоном. – Завтра утром на рассвете расстреляют, если ты тотчас не уберешься вместе с ней.

– Но это несправедливо, – продолжал возражать Адриан. – Как будто она виновата…

– Может, ты перестанешь спорить и быстренько *уберешься отсюда?* – перебил его Этельберт.

– Хорошо, – уступил Адриан.

Живо распахнув двери сарая, он схватил рукой теплое ухо Рози и потянул ее к выходу.

– Прощай, дорогой, – крикнул Этельберт, энергично махая рукой вслед убегающей паре. – Вещи пришлю, не беспокойся.

Оставив позади злополучный театр, где все еще царило столпотворение, Рози и Адриан устремились по пустынным улицам в гавань.

Глава семнадцатая
РУКА ПРАВОСУДИЯ

Бурные события сделали свое, и по пути к пристани Рози основательно захмелела. Весело повизгивая, она ковыляла рядом с Адрианом, то и дело путаясь в собственных ногах. Все его помыслы были направлены на то, чтобы поскорее очутиться с ней на борту «Сплошпорт Куин», и он облегченно вздохнул, увидев, что паром еще не отчалил.

Привязав слониху к чугунной тумбе, он взбежал вверх по трапу и почти сразу натолкнулся на капитана.

– Ух ты, – сказал тот, попятившись, – замыслили новое покушение на мою жизнь?

– Нет-нет, – выдохнул Адриан. – Хочу только, чтобы вы отвезли меня и мою слониху обратно на материк.

– Недолго же вы задержались на острове.

– Верно. Для нас тут не нашлось никакого дела.

– Что ж, ведите слона, – сказал капитан. – Мы отчаливаем с минуты на минуту.

Адриан вернулся к Рози и провел ее по широкому трапу на уже знакомое место на носовой палубе. В эту минуту с пристани его окликнул старший помощник капитана. Велев Рози стоять и не двигаться, он живо спустился, чтобы оплатить проезд. Лучше бы он повременил с этим. Рози успела оправиться от пережитых на вращающейся сцене страхов, зато теперь на нее навалилась усталость, в чем был отчасти повинен и джин. Медленно топая по палубе, слониха дошла до поручней и остановилась там, слегка покачиваясь и издавая тихие мелодичные звуки. Потом вдруг повернулась, намереваясь спуститься на пристань в поисках Адриана, однако ноги плохо слушались Рози, и она поскользнулась, да так, что упала на поручни, в принципе достаточно прочные, но все же не рассчитанные на многотонную нагрузку. В итоге бежавший обратно вверх по трапу Адриан ступил на палубу в тот самый миг, когда Рози рухнула вниз головой за борт «Сплошпорт Куин». Словно пушечный выстрел раздался, когда она шлепнулась в воду, и в воздух взлетел фонтан брызг.

Конечно, Адриану по тому жуткому дню, когда они нагнали страх на охотников, было известно, что Рози любит воду, но одно дело мелкая река, совсем другое – пять саженей морской воды. Сбрасывая на ходу пиджак, он бросился к бреши в поручнях, готовый прыгнуть следом за слонихой, чтобы спасать ее. Лишь много позже до него дошло, что не так-то просто было бы это сделать, если бы Рози не умела плавать. Теперь же, уставившись вниз на темную морскую гладь, он увидел, что она всплыла и, подняв кверху хобот, направляется в открытое море. От этакого зрелища ему стало ничуть не легче.

– Назад! – завопил Адриан. – Рози, вернись! Однако Рози знай себе продолжала плыть к выходу из

гавани. Ничего не поделаешь, сказал себе Адриан, придется все-таки ее спасать. Сделав глубокий вдох, он нырнул в покрытую нефтяной пленкой холодную воду и поплыл, отфыркиваясь, вдогонку за слонихой. Усиленно работая руками и ногами так, что казалось – легкие вот-вот разорвутся, он в конце концов настиг ее.

– Балда! – выдохнул Адриан в ухо Рози. – Ты плывешь не в ту сторону.

Обрадованная его появлением, Рози издала булькающий приветственный звук и нежно обняла Адриана хоботом за шею, отчего он ушел под воду. Освободившись от хобота, он вынырнул, тяжело дыша и отплевываясь.

– Чертова слониха! – выпалил Адриан, схватил Рози за краешек уха и, уподобившись маленькому буксиру, тянущему огромный океанский лайнер, ухитрился развернуть ее в сторону суши.

Две– три минуты спустя они причалили к ведущим на пристань ступенькам и с великим трудом стали подниматься вверх. До той поры в гавани было почти безлюдно, теперь же – как всегда, когда случается какое-нибудь происшествие – откуда ни возьмись на пристани столпилась куча народу. Особое место в этой толпе занимал воинственного вида дородный полицейский. В ту минуту, когда Адриан, все еще держась за ухо Рози, принялся выжимать воду из своей шевелюры, блюститель закона, заложив руки за спину и сверкая медными пуговицами, приблизился к нему.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он.

– Добрый вечер, – отозвался Адриан, не совсем понимая, что в этом вечере доброго.

– Этот слон, – он ваш, сэр? – осведомился полицейский. – Или же вы спасали его, так сказать, по чьему-то поручению?

– Нет, он мой, – ответил Адриан.

– Так, – произнес полицейский, извлекая из кармана записную книжку и переворачивая страницы пальцем, обильно смоченным слюной. – Случайно, сэр, вы не мистер Адриан Руквисл?

– Это я, – покорно подтвердил Адриан.

– Так, – сказал полицейский с отеческой улыбкой. – В таком случае, сэр, может быть, вы не откажетесь проследовать со мной в участок. Необходимо кое-что выяснить. Как я понимаю, за этим вашим слоном числятся выдающиеся подвиги.

– Послушайте, сержант, – начал Адриан. – Я могу все объяснить.

– Ни слова! – выпалил вдруг чей-то резкий голос в толпе.

Испуганно оглянувшись, Адриан увидел, что команда исходила от круглого коротышки в

поношенной визитке, в цилиндре, выглядящем так, словно по нему проехал тяжеловоз с телегой, мешковатых брюках и весьма преклонного возраста штиблетах с резинками и задранными вверх носками. Брюшко под визиткой облекал молескиновый жилет. Лицо украшали похожий цветом и фактурой на малину орлиный нос и ярко-синие глаза под косматыми сугробами седых бровей. Малый рост коротыша придавал ему сходство с карликом, усугубляемое пухлостью фигуры, однако он подошел к полицейскому с таким важным видом, что блюститель закона тотчас отступил на шаг и поднес, приветствуя, два пальца к шлему.

– Ни слова, – повторил коротыш, обращаясь к Адриану и предостерегающе подняв указательный палец.

Он держался так властно, что толпа, которая обменивалась какими-то замечаниями и посмеивалась, сразу притихла. Поправив цилиндр, коротыш громко шмыгнул носом. Видя, что его команда произвела требуемое действие, он явно был намерен извлечь максимум пользы из воцарившейся тишины.

Завершив манипуляции с цилиндром, он засунул пальцы в объемистый карман своего молескинового жилета и извлек оттуда большую, помятую оловянную табакерку. Рози приняла ее за что-то съедобное и протянула вперед хобот, принюхиваясь.

– Фу, – холодно произнес коротыш, устремив на Рози недобрый взгляд, и, к великому удивлению Адриана, она смущенно (насколько слоны вообще способны смущаться) убрала хобот.

Было очевидно, что магия этого человечка подействовала на Рози так же, как на толпу. Тем временем он открыл табакерку, причем она протренькала несколько тактов британского гимна, аккуратно взял щепотку табака и поместил ее в ложбинку на кисти левой руки. После чего правой рукой закрыл табакерку и вернул ее в карман, а левую поднес к ноздре и втянул табак. Стояла мертвая тишина. Все, включая полицейского, увлеченно следили за происходящими маневрами. Коротыш сделал один вдох, второй, затем все тело его от кончиков ступней до макушки сотряс чудовищной силы чих, сопровождаемый резким всхлипом, который заставил всех, в том числе Рози, отступить на несколько шагов. Достав затем откуда-то огромный шелковый носовой платок, коротыш энергично высморкался, и раздавшемуся при этом трубному звуку позавидовал бы дикий слон. Платок был возвращен в карман, и владелец его снова поправил цилиндр, сбившийся набок от столь мощного чиха.

– Инспектор, – сказал коротыш, подняв косматые брови и глядя вверх на полицейского, – ныне вам выпала большая честь наблюдать картину, за право лицезреть которую многие отдали бы не один год своей жизни.

– Так точно, сэр, – отчеканил полицейский. – На самом деле я сержант, сэр.

– Все равно, в каком бы низком звании вы ни были, следует по достоинству оценить великий героический поступок, когда он совершается на ваших глазах.

– Так точно, сэр, – тупо произнес полицейский.

– В Писании сказано, – продолжал человечек, сопровождая свои слова ораторским жестом, – что мы владычествуем над птицами небесными и над всяким животным на земле.

– Кажется, так, сэр.

– Не кажется, а точно. Это относится и к слонам. – Он обнял левой рукой мокрые плечи Адриана, а правой взмахнул так, будто готовился принять теннисный мяч.

– Друзья, – возвестил он, – сей доблестный молодой человек, движимый священным заветом Библии, решительно, не задумываясь о собственной безопасности, бросился в ревущую стихию волн, чтобы спасти одно из животных на земле.

Тот факт, что маслянистую гладь воды в гавани не морщила даже малая рябь, нисколько не умалял силу его драматического заявления.

– Найдется ли среди вас мужчина, – говорил коротыш, обратясь к толпе, состоящей преимущественно из женщин, – хоть один мужчина, способный совершить подобный подвиг?

– Простите, сэр, – заметил полицейский, – я понимаю, что этот человек совершил отважный поступок, но дело в том, что он и его слон объявлены в розыск.

Коротыш развернулся, точно зобастый голубь, и синие глаза его сверкнули, будто два барвинка под коркой льда.

– Перед вами, – он тщательно поправил цилиндр, – перед вами сэр Магнус Рэмпинг Фьюмитори. Полагаю, вам по ходу вашей долгой правоохранительной практики доводилось слышать

это имя.

– Так точно, сэр. – Полицейский уныло козырнул. – Я слышал о вас.

– Так вот, я желаю знать, – сказал сэр Магнус, – намерены ли вы арестовать этого молодого человека, героя морской пучины?

– В каком-то смысле – да, сэр, – ответил полицейский. – В общем, надлежит препроводить его и его слона в участок, чтобы он там ответил на кое-какие вопросы. На основании поступившей жалобы. Сэр Магнус мрачно усмехнулся.

– Какое изощренное глумление над языком Шекспира… Тем не менее я понимаю, старший сержант, что вы обязаны выполнять приказ, каким бы ошибочным он ни был, а потому разрешаю вам задержать сего юного героя и постараюсь даже защитить вас от гнева толпы. Ибо совершенно очевидно, что ее симпатии не на вашей стороне.

Завороженная толпа, не понимающая толком, как и положено толпе, что происходит, одобрительно заворчала. Сэр Магнус улыбнулся слушателям, как дирижер улыбается оркестрантам в конце особенно трудного пассажа, затем повернулся к Адриану.

– Мой мальчик, – сказал он. – Я лично провожу вас до участка, и, если вас арестуют и предъявят вам обвинение, если они настолько бесчеловечны и жестоки, что арестуют вас и предъявят обвинение, я, сэр Магнус Рэмпинг Фьюмитори, лично буду вашим защитником.

– Большое спасибо, – ответил совершенно растерявшийся Адриан, который не мог даже взять в толк, в самом ли деле он арестован.

– А теперь извольте последовать за мной, – распорядился полицейский. – В участке вы, во всяком случае, сможете получить чашку горячего чаю.

– Спасибо, – отозвался Адриан.

Он до того промерз,что даже арест его не пугал, если это сулило ему горячий чай.

– Не говорите ни слова, – напутствовал его сэр Магнус, – пока мы не придем в участок и не выясним, о каких там дурацких обвинениях идет речь.

Итак, Адриан снова взялся за ухо Рози и, сопровождаемый с одной стороны важно шествующим сэром Магнусом, с другой – грузно топающим полицейским, направился в участок; зеваки следовали за ними, перешептываясь и толкаясь.

Дойдя до участка, они с трудом и с помощью подкупа в виде нескольких батонов хлеба убедили Рози постоять во дворе. Внутри мрачного здания из красного кирпича Адриана принял начальник, обладатель мясистого свекольного лица и внушительных усов.

– Добрый вечер, – молвил он, уставившись на Адриана, словно добродушный морж. – Ваше имя – Адриан Руквисл?

– Да, – ответил Адриан.

– И советую вам больше ничего не признавать, – прошипел сэр Магнус.

– Так вот, сэр, – продолжал начальник. – Против вас выдвинут ряд обвинений, и я обязан предупредить, что все сказанное вами может быть запротоколировано и использовано против вас на суде.

Он помолчал и сделал грозное лицо.

– Вот эти обвинения. Двадцатого апреля в графстве Броклберри вы нарушили общественный порядок на лугу по соседству с Монкспеппер-роуд, выпустив на волю большого дикого зверя и позволив сему зверю причинить серьезные телесные повреждения егермейстеру Губерту Дарси, далее, вечером пятого июня вы нарушили общественный порядок, выпустив на волю большого дикого зверя в общественном учреждении, а именно в театре «Альгамбра», и позволив ему причинить серьезные телесные повреждения мистеру Эммануилу С. Клеттеркапу, директору сего театра.

Начальник остановился, посмотрел на свои бумаги, потом поднял глаза на Адриана, приветливо улыбаясь.

– Пока что вроде бы все, сэр, – заключил он.

– Смехотворные сфабрикованные обвинения, – заявил сэр Магнус, снимая цилиндр и опуская его со стуком на стол начальника. – Не волнуйтесь, дружище, я быстро высвобожу вас из ядовитой паутины, которой эти тупые невежды пытаются опутать вас и ваше благородное четвероногое.

– Боюсь, сэр, – невозмутимо произнес начальник, – мне придется взять вас под стражу, чтобы вы предстали перед судьей завтра утром.

– Хорошо, берите меня под стражу, но как быть с Рози? – возразил Адриан.

– Вы говорите о вашем слоне, сэр? Н-да, непростой вопрос. Понимаете, наши камеры для него маловаты.

– Ничего, она может постоять и на дворе, – сказал Адриан. – Если только ее накормят.

– Я позабочусь об этом, – отозвался начальник, взял лист бумаги, облизал кончик карандаша и вопросительно посмотрел на Адриана. – Итак, сэр, что она ест?

– Ну, если вы раздобудете полмешка кормовой свеклы или брюквы – вообще-то, она предпочитает свеклу, – хорошую охапку сена, полмешка яблок, полмешка моркови, полмешка хлеба…

Лицо начальника полиции посуровело.

– Вы случайно не насмехаетесь надо мной?

– Нет, что вы, – серьезно сказал Адриан. – У нее чудовищный аппетит.

– Хорошо. Я посмотрю, сэр, что можно будет сделать. А теперь позвольте мне увидеть, что у вас в карманах, сэр, и сверить со мной их содержимое. В свое время вам все будет возвращено.

Адриан опорожнил свои карманы, начальник сложил его имущество в большой коричневый конверт и запер в шкафу.

– А теперь, сэр, – произнес он, точно швейцар в роскошном отеле, – если вы последуете за мной, я покажу вам ваше пристанище.

Сэр Магнус протянул руку Адриану.

– Не волнуйтесь, дружище. Я приду завтра утром и прослежу, чтобы с вами обошлись справедливо. Смотрите на все это как на тягостный, но мимолетный сон.

– Я уже чувствую себя, будто в кошмарном сне, – мрачно заметил Адриан.

По кирпичному коридору он проследовал за начальником полиции к нишам, где помещались маленькие камеры, большинство из которых, судя по звукам и просачивающемуся из них запаху алкоголя, занимали обитатели, коих Рози сочла бы за честь числить среди своих друзей. Открыв одну из дверей, начальник ввел Адриана в крохотное беленое помещение с деревянными нарами и комодом с довольно неожиданными в такой обстановке, расписанными розовыми и синими цветочками, фарфоровыми тазом и кувшином.

– Пришли, сэр, – сказал начальник полиции. – Желаю вам хорошенько отдохнуть, а завтра утром увидимся вновь.

С этими словами он закрыл дверь и запер ее на засов. Освободившись от сырой одежды, Адриан улегся на узкие жесткие нары и уставился в потолок. Он не сомневался, что ему присудят не меньше года каторжных работ, но, как ни странно, не это беспокоило его, а что станет с Рози. Еще его мучило сознание, что он не увидит Сэмэнту раньше, чем через год. И увидит ли вообще – к этому времени она куда-нибудь переедет или, хуже того, выйдет замуж за какого-нибудь неотесанного мужлана, неспособного оценить ее по достоинству.

Пребывая в камере в полном одиночестве, Адриан так ярко представил себе, чем все может обернуться, что его прошиб холодный пот. Вот суд приговаривает Рози к смертной казни, стучат каблуки взвода солдат, выделенного для приведения приговора в исполнение, они входят на двор за полицейским участком, раздается ружейный залп, обливающееся кровью тело Рози глухо шлепается на булыжник, меж тем как Сэмэнта неизбежно выходит замуж за ширококостного, волосатого, грубого деревенского парня, который каждую субботу вечером станет колотить ее, так что, если даже Адриан когда-либо ее отыщет, его взгляду предстанет жалкая тень былой Сэмэнты, и золотые искорки в ее очах погаснут. Учитывая богатое воображение Адриана, неудивительно, что он почти не сомкнул глаз за всю ночь.

Утром к нему явился плечистый сержант, неся кружку чая и ломоть черного хлеба, и Адриан обнаружил, что он не только голоден, но совершенно охрип.

– Как там Рози? – просипел он.

– За нее не тревожьтесь, сэр, – успокоил его полицейский. – Эта слониха своего не упустит. Начальник еле поспевал ее кормить, чуть с ума не сошел. Отменный зверь, сэр.

– Пожалуй что так, в известном смысле, – согласился Адриан.

– Похоже, у вас с ней были какие-то проблемы.

– Да уж, – коротко ответил Адриан, не желая вновь все рассказывать. – Когда нам надо явиться в суд?

– В десять часов, сэр, – ответил полицейский.

– Скажите, вы не могли бы одолжить мне бритву? – спросил Адриан. – Я свою оставил где-то в спешке.

– Будет сделано, сэр, – сказал полицейский, выходя из камеры и запирая дверь.

Вскоре он вернулся с опасной бритвой. Проследив за тем, как Адриан умывался и брился, забрал ее и исчез.

«Теперь, – сказал себе Адриан, – следует продумать, как я стану защищаться». И он принялся лихорадочно мерить шагами камеру, иногда останавливаясь и энергично жестикулируя, чтобы убедить воображаемых безжалостных присяжных, что он и Рози не совершили никакого преступления. Все же под конец он вынужден был признать, что его доводы, если вообще годилось это слово, звучат отнюдь не веско. Оставалось только положиться на сэра Магнуса. Судя по тому, с какой нескрываемой неприязнью на него смотрели полицейские, они хорошо его знали, и причиной неприязни были его успешные выступления в суде. Однако в данном деле, думалось Адриану, даже самому блестящему адвокату было бы трудновато доказать его невиновность.

В десять часов снова появился полицейский, зловеще позвякивая наручниками.

– Пора, сэр, – бодро возвестил он. – Тут совсем рядом, но если не возражаете, сэр, это чистая формальность, сэр, наденем эту штуку.

Адриан подставил левую руку, другое кольцо полицейский надел себе на правую.

– Вот так, – отеческим тоном произнес он. – Полный порядочек, как в аптеке.

– А Рози тоже должна явиться в суд? – спросил Адриан.

– Нет, сэр, – ответил полицейский. – В этом нет необходимости. Она, если так можно выразиться, представляет собой вещественное доказательство. До окончательного слушания дела не понадобится.

В арестантской их ждал сэр Магнус. При дневном свете его визитка, цилиндр и штиблеты выглядели еще более изношенными, чем накануне вечером, и было очевидно, что особо неустрашимые представители семейства молей основательно потрудились над изничтожением молескинового жилета.

– Дорогой Адриан, – начал он, приветливо помахивая своей тростью, – надеюсь, вы хорошо отдохнули ночью, хотя боюсь, что в таких заведениях с удобствами дело обстоит неважно.

– О, я лежал достаточно удобно, – ответил Адриан, – но спал совсем скверно.

Сэр Магнус метнул в него грозный взгляд из-под седых бровей.

– Вы не полагаетесь на меня? – сердито спросил он.

– Почему, полагаюсь, – испуганно молвил Адриан.

– В таком случае перестаньте паниковать. – Он лихо надел набекрень свой цилиндр и распорядился, взмахнув тростью: – Пошли подышим воздухом.

Сэр Магнус вышел из полицейского участка с таким видом, будто возглавлял парад; сержант и Адриан последовали за ним, мелодично позвякивая наручниками. Впервые Адриан почувствовал, что должна была ощущать Рози, когда на нее надевали цепи. Прохожие на улицах оглядывались на странную троицу, и с каждым шагом Адрианом овладевал все более сильный страх. Он даже облегченно вздохнул, когда они вошли в здание суда.

Почему– то ему представлялось, что дело будет тут же рассмотрено, приговор вынесен и его выведут из суда закованным в кандалы; тем сильнее было удивление Адриана, когда он обнаружил, что правосудие вершится вовсе не таким быстрым и образцовым манером. Судья – мужчина с лицом прирожденного преступника, как показалось ему – приготовился терпеливо выслушать показания сержанта, задержавшего Адриана. Сержант – бас-профундо в полицейском хоре – читал по записной книжке медленно и нудно, тщательно выговаривая каждое слово:

– Сержант полиции Эммануил Дрей, номер сто двадцать четыре, полицейское управление острова Скэллоп. Сэр, вечером пятого июня я следовал вдоль пристани, когда мое внимание было привлечено зрелищем толпы, которая собралась на указанной пристани и с явными признаками возбуждения смотрела на воды гавани. Проследовав на край пристани, я заметил обвиняемого, который барахтался в воде вместе с каким-то большим неопознанным объектом, оказавшимся при ближайшем рассмотрении слоном. Поскольку до того мне было сообщено, что один владеющий слоном человек разыскивается для допроса в связи с имевшими место в графстве Броклберри беспорядками, я пришел к выводу, что это и есть упомянутый джентльмен. Когда он и его слон поднялись на пристань, я обратился к нему и спросил, его ли это слон.

Здесь судья поднял брови и прокашлялся с таким звуком, какой можно слышать, когда

ящерица протискивается между двумя камнями.

– Сержант, – сказал он, – почему вы спросили, его ли это слон? Разве не очевидно, что если некто барахтается в воде вместе со слоном, этот слон принадлежит ему?

Сержант, несколько сбитый с толку вмешательством судьи, переминался с ноги на ногу.

– Дело в том, сэр, – ответил он, краснея, – я подумал, что он, возможно, приставлен к слону, который принадлежит кому-то другому.

Судья тихо вздохнул.

– Весьма невероятная гипотеза. Продолжайте. Толстому пальцу сержанта понадобилось около минуты,

чтобы найти строку, где он остановился. Затем он прочистил горло, откинул голову назад, точно хорист, и продолжал:

– Обвиняемый ответил: «Он мой». Тогда я спросил, не мистер ли он Адриан Руквисл. На это он сказал: «Это я». После этого я предложил ему проследовать со мной в участок, необходимо кое-что выяснить. На что он ответил: «Послушайте, сержант, я могу все объяснить».

Сержант Дрей остановился и посмотрел с улыбкой на судью, явно полагая, что эти слова означали признание вины.

– Ну? – холодно произнес судья.

– Ну тогда, сэр, – продолжил сержант Дрей, чей триумф явно не состоялся, – я отвел его в участок, где ему было предъявлено обвинение и его взяли под стражу.

– Понятно, – сказал судья. – Благодарю вас, сержант.

Сержант Дрей покинул свидетельскую скамью с изяществом тяжеловоза, судья полистал лежащие перед ним бумаги, потом снова поднял взгляд. Слово взял инспектор полиции.

– Я требую, сэр, – заявил он, – чтобы обвиняемый оставался под стражей, дабы через неделю предстать перед судом для рассмотрения его дела.

Судья вопросительно посмотрел на сэра Магнуса Рэмпинга Фьюмитори, который все это время, казалось, крепко спал. Сэр Магнус поднялся на ноги.

– Сэр, – начал он, извлекая из кармана табакерку и постукивая по ней указательным пальцем, – мои друзья из полиции (инспектор приготовился что-то рявкнуть, но взгляд судьи укротил его) предъявили моему клиенту какие-то пустяковые, сфабрикованные обвинения.

Сэр Магнус картинно взмахнул руками.

– Сэр Магнус, – перебил его судья, – всем нам не только известно ваше ораторское искусство, мы восхищаемся им. Однако позвольте заметить вам, что в данный *конкретный* момент речь еще не идет о слушании дела вашего клиента.

– Сэр, – отозвался сэр Магнус, – сей благородный юноша, находящийся здесь, как вы любезно заметили, не потому, что его дело уже рассматривается судом, и против которого не представлено еще ни одного доказательства, окажется в заточении, если будет удовлетворено требование моих друзей из полиции, окажется отрезанным от друзей и родных, от всяких радостей кипучей жизни, отрезанным даже от великолепной бессловесной твари, бывшей в минуты лишений его единственным утешением, отрезанным, я бы сказал…

– Сэр Магнус, – резко произнес судья, – я был бы весьма благодарен, если бы вы перешли к сути. Что именно вы предлагаете?

– Залог, сэр, – с чувством молвил сэр Магнус, величественно взмахнув рукой и ненароком высыпав при этом горсть нюхательного табака на стол перед собой. – Мой клиент, сэр, не проходимец какой-нибудь, не бродяга, не цыган, не оборвыш, не шарлатан…

Терпение судьи явно было на пределе.

– Сэр Магнус, – перебил он, – мы собрались здесь не для того, чтобы составить словарь синонимов.

– Короче, – невозмутимо продолжал сэр Магнус, – я хотел сказать, что мой клиент – человек состоятельный, он вполне способен, больше того – он готов внести залог, чтобы хоть на короткое время вернуться во внешний мир.

– Довольно, – кисло молвил судья. – Я уяснил себе, чего вы хотите.

Откинувшись назад на кресле, он смерил Адриана холодным взглядом.

– Обычно мы в таких делах не отвергаем рекомендации полиции. Однако в данном случае мы явно имеем дело с целым рядом необычных обстоятельств, посему я готов назначить залог в сумме пятидесяти фунтов под подписку о невыезде.

– Глубоко благодарен вам, сэр, – сказал сэр Магнус и низко поклонился судье.

После чего, осторожно открыв табакерку, ссыпал в нее обратно весь табак со стола под звуки британского гимна.

Совершенно сбитый с толку, Адриан заключил, что каким-то чудом может считать себя свободным, отделавшись всего лишь штрафом в упомянутые полсотни фунтов. Секретарь суда устремил на Адриана властный взгляд.

– Встаньте, Руквисл, – приказал он. Адриан неуверенно подчинился.

– Адриан Руквисл, вам надлежит внести залог в размере пятидесяти фунтов, вы освобождаетесь под подписку о невыезде, с обязательством явиться в данный суд в следующий вторник. Вам понятно? – спросил судья.

– Да, сэр, – ответил Адриан.

Он покидал суд в состоянии душевного подъема. Свобода! Он свободен, Рози свободна, и, если повезет, он вскоре вновь увидит Сэмэнту. После всех пережитых им ужасов наступил момент торжества, коим он был готов вполне насладиться. И когда они ступили на тротуар, Адриан схватил руку сэра Магнуса Рэмпинга Фьюмитори и принялся энергично трясти ее.

– Дорогой сэр Магнус! – воскликнул он. – Как мне вас отблагодарить? Подумать только, именно вы, с вашим блестящим умом, пришли мне на выручку, спасли меня и Рози от уготованной нам трагической судьбы. У меня нет слов, чтобы выразить всю мою благодарность.

Сэр Магнус с видом страдальца, одолеваемого приставаниями восторженного щенка, высвободил свою руку и попятился.

– О чем вы говорите? – справился он, сердито глядя из-под густых бровей.

– Как о чем – о приговоре, – ответил Адриан.

– О каком приговоре?

– Но… меня ведь выпустили. Только оштрафовали на пятьдесят фунтов.

Сэр Магнус зажмурился, словно от боли, прошелся взад-вперед по тротуару, затем остановился перед Адрианом и вперил в него взгляд, постукивая табакеркой по его груди.

– Попытайтесь, – едко произнес он, – не равняться в кретинизме с силами правопорядка. Я всего лишь добился вашего освобождения под залог. Через неделю вам надлежит явиться в суд, где будут заседать присяжные, и уже от них будет зависеть ваша дальнейшая судьба.

– О, – уныло молвил Адриан, – я и не знал… Счастливое расположение духа вдруг испарилось, его

вновь посетили кошмарные видения – как Рози казнят на рассвете и Сэмэнта выходит замуж за недостойного человека.

– Ну и что я теперь должен делать? – печально осведомился он.

– Действовать! – Сэр Магнус покраснел и задергался, точно рассерженный индюк. – Забрать Рози и проследовать в мое маленькое гнездышко, расположенное недалеко отсюда, где мы, если вы еще не совсем пали духом, займемся подготовкой защиты.

– Дело в том, – растерянно сказал Адриан, – что я не очень разбираюсь в том, как действует закон.

– Ничего удивительного, – твердо произнес сэр Магнус. – Где уж вам разбираться, если даже мы, кому назначено применять закон, мало в этом смыслим.

– Все равно что садиться на поезд, – заметил Адриан, – не зная, как управлять паровозом.

Сэр Магнус шумно вдохнул щепотку нюхательного табака.

– Ну, я не стал бы особенно волноваться. Когда едешь поездом, самое главное – не пропустить нужную станцию.

Глава восемнадцатая
ЗАКОН

«Маленькое гнездышко» сэра Магнуса оказалось недавно построенной на скалах сразу за городом усадьбой в стиле тюдор. Рози поместили в просторном сарае на конном дворе, и Адриан поселился в доме сэра Магнуса, который был, мягко говоря, достаточно взыскательным хозяином.

Начать с того, что он питал неизбывную страсть к вишневой наливке, которую потреблял (настаивая на участии Адриана) в огромных количествах, причем разыгрывал, точно в шахматы, необычные варианты, добавляя в наливку разные субстанции и проверяя на себе результат. На третий день желудок Адриана начал восставать против бесчисленных экспериментов сэра Магнуса, и Адриан твердо решил, что смесь вишневой наливки с молоком и портером, налитая в высокую пивную кружку, ему определенно противопоказана.

Кроме того, сэр Магнус обладал способностью обходиться вовсе без сна. Первые три дня он требовал, чтобы Адриан снова и снова рассказывал ему историю своих приключений, сам при этом либо меряя шагами рабочий кабинет, либо исполняя у кухонного стола вариации на тему черри-бренди. В третьем часу ночи Адриан, с трудом волоча ноги, скорее мертвый, чем живой, направлялся в отведенную ему спальню. И только сомкнет глаза, как у его кровати возникает одетый в причудливо расшитую ночную рубашку сэр Магнус, требуя, чтобы он повторил какую-то часть своего рассказа.

Утром четвертого дня, когда Адриан с гудящей от вишневой наливки головой и слипшимися от недосыпа веками спустился вниз к завтраку, он застал сэра Магнуса уже сидящим за столом и уплетающим огромный омлет с такой энергией, как будто он только что вернулся домой после отрадного долгого отдыха.

– А теперь, – начал сэр Магнус, как будто ночной разговор и не прерывался, – нам нужно сделать следующее. Вызвать всех, повторяю – *всех,* с кем вы сталкивались на вашем разрушительном пути, в качестве свидетелей.

– Не вижу, что это нам даст, – уныло отозвался Адриан.

– Подумайте о присяжных, дружище, – сказал сэр Магнус, отправляя в рот кусок омлета, сдобренный горстью черного перца.

Адриан, вертя в руках яйцо всмятку и борясь с тошнотой, был совершенно не в состоянии думать о присяжных.

– А что с ними? – спросил он.

Сэр Магнус откинулся на стуле, вытер рот полотняной салфеткой, достал табакерку, отправил по понюшке в каждую ноздрю, оглушительно чихнул и высморкался.

– Вся прелесть английского правосудия, – заговорил он звонким, мелодичным голосом, – заключается в том, что оно основано на двух абсолютно нелогичных принципах. Во-первых, все воображают, будто их судят присяжные, но это, разумеется, полнейший вздор. На самом деле все решает судья, инструктирующий присяжных. Возьмем теперь этих присяжных. Исходя из странного понятия, будто двенадцать человек лучше, чем два человека, или шесть, или четыре, никто не принимает в расчет, что двенадцать недоумков могут быть опаснее, чем два. Мой опыт показывает, что *все* судьи и *все* присяжные – недоумки. Вот почему у самого заурядного преступника нет никаких шансов и невинный человек также обречен еще до того, как сел на скамью подсудимых. Адриан опешил.

– Я привык думать, что у нас весьма справедливая система.

– Примерно такая же справедливая, как схватка озверелых регбистов, – холодно заметил

сэр Магнус.

– И все же я не понимаю, – продолжал Адриан, – какой мне будет прок, если мы вытащим кучу людей из разных концов страны.

Сэр Магнус зарядил ноздри новой порцией табака и чихнул.

– Это потому, дружище, – сказал он, – что вы не размышляли как следует над этой проблемой. Представьте себе, что я овчарка.

Он наклонился вперед и свирепо уставился на Адриана из-под бровей, похожий скорее на злобного керн-терьера, чем на овчарку. Тем не менее Адриан покорно сделал попытку представить себе, что сэр Магнус – овчарка.

– Еще представьте себе, – сэр Магнус наставительно поводил пальцем в воздухе, – что присяжные – стадо овец, причем, сравнивая их со стадом овец, я изрядно завышаю обычный уровень коллективного разума присяжных.

Он остановился, бросил задумчивый взгляд на стоящий на буфете графин с вишневкой, потом посмотрел на часы и уныло вздохнул.

– Так вот, я – овчарка, присяжные – стадо овец, а судья – охотник за чужим скотом. – Голос сэра Магнуса понизился почти до шепота; он встал, заходил взад-вперед вдоль стола, потом вдруг остановился, глядя на Адриана. – И что же из этого следует? А то, что обязанность моя, как овчарки, отогнать вора и направить моих курчавых присяжных ягнят в загон правильного решения. Вы уловили соль?

– Ну, в общих чертах, – ответил Адриан. – Однако разве вы можете так верховодить судьей?

– Судьи, – холодно произнес сэр Магнус, – всего лишь неискушенные законники.

Не очень– то вразумительное описание того, как действует правосудие, сказал себе Адриан, но за неимением опыта в общении с этой системой спорить не стал. Тем временем сэр Магнус подошел к двери, распахнул ее и крикнул:

– Скрич!

На его зов явился, подобострастно кланяясь, некий сморщенный лысый субъект.

– Скрич, – указал на него взмахом руки сэр Магнус, – составит надлежащие послания всем тем, кто мне нужен в качестве свидетелей. Придется вам посидеть вместе, сообщите ему необходимые детали.

– Хорошо, – ответил Адриан, – как скажете.

Он вдруг сообразил – и его обдало жаром при этой мысли – что он может написать Сэмэнте, вызвать ее как свидетеля. Сэр Магнус посмотрел на графин с вишневкой так, словно увидел его впервые.

– Однако на пустой желудок, – заметил он, – нельзя браться за такую работу. Выпейте вишневки.

– Пожалуй, я воздержусь, если не возражаете, – сказал Адриан. – Мне нужна ясная голова, чтобы сочинить все эти письма.

– Вам виднее, – отозвался сэр Магнус, подошел к буфету, смешал в кружке вишневку с ирландским виски и соком двух лимонов, проглотил эту смесь и постоял несколько секунд, передергиваясь всем телом.

– Интересно, – мягко произнес он с закрытыми глазами. Потом повернулся к своему горемычному клерку и рявкнул: – Вам известна ваша задача, Скрич! Мистер Руквисл изложит вам детали, и к двенадцати часам все письма должны быть отправлены!

– Разумеется, сэр Магнус, – ответил Скрич. – Будет сделано, сэр Магнус.

Сэр Магнус прошагал к выходу из столовой и захлопнул за собой дверь, оставив Адриана наедине со Скричем, совершенно бесцветным, но весьма старательным тугодумом, обладателем каллиграфического почерка. Без десяти двенадцать наконец было написано последнее – адресованное Сэмэнте – письмо, и в ту же минуту в комнату ворвался сэр Магнус. Скрич собрал все бумаги и смиренно удалился.

– Я подумал, – объявил сэр Магнус, – что у вас какой-то нездоровый вид. Не могу допустить, чтобы мой драгоценный клиент бледно выглядел в суде.

– По-моему, – Адриан подавил зевок, – все дело в недосыпе.

– Ерунда, – возразил сэр Магнус. – Вы нуждаетесь в стимулянтах. Без сна вполне можно обойтись, но нельзя обходиться без стимулянтов.

Хотелось бы знать, вяло подумал Адриан, что сэр Магнус считает стимуляцией. Не иначе бой с семнадцатью испанскими быками перед ленчем.

– Возможно, вы правы, – кротко молвил он.

– Предлагаю, – сэр Магнус потер руки, – нам с вами и Рози совершить прогулку после ленча.

– Прогулку? – испуганно произнес Адриан.

– Вот именно. Мы прогуляемся по набережной.

– По-вашему, это хорошая идея?… – начал Адриан.

– По-моему, это отличная идея. Легкий ленч, затем интенсивная прогулка, и вы убедитесь, что вам сразу станет лучше от свежего морского воздуха.

Управившись с легким ленчем (который состоял из дюжины устриц, желтого, как солнечный закат, пышного грибного суфле, купающегося в густом коричневом соусе, нежного, розового на срезе, как коралл, окорока с надлежащим овощным гарниром и бисквита, обильно пропитанного вишневкой и залитого двумя-тремя литрами сбитых сливок), они пошли погулять по набережной, захватив с собой Рози.

Невыспавшийся, с набитым животом, Адриан еле волочил ноги и никак не мог понять, каким образом эта прогулка может расположить местных жителей в его пользу. А сэра Магнуса, казалось, ничуть не занимала их реакция. Перекинув свою трость через плечо, он зацепил ее концом хобот Рози, и так они шагали вместе в духе полной приязни. Всякий раз, как им встречались группы детей, восторженно таращащих глаза на слониху, сэр Магнус подтягивал Рози тростью вперед, позволяя им трогать ее ноги и поглаживать хобот. Рози, которая, как и большинство добродушных зверей, твердо верила, что люди не способны ее обидеть, радовалась такому вниманию и кончиком хобота, способного стать весьма грозным оружием, тихонько обнюхивала веснушчатые физиономии, косички и грязные ручонки.

В пять часов, к великому облегчению Адриана, после того как они четырнадцать раз прошлись взад-вперед по набережной, все трое вернулись в усадьбу сэра Магнуса, где отвели Рози в сарай, после чего мужчины сели пить чай в библиотеке. Сэр Магнус почему-то был очень доволен прогулкой. Уписывая горячие румяные гренки с маслом, хрустящие тонкие лепешки с кремом и клубничным джемом и большие сочные куски фруктового торта, благоухающего, словно лес в разгар зимы, Адриан слушал очередную лекцию сэра Магнуса на юридические темы, из которой понимал не больше десяти процентов.

– Скажите, – перебил он наконец хозяина, – почему вы были так довольны нашей прогулкой?

Сэр Магнус критически посмотрел на свой чай, добавил в него ложку вишневой наливки и задумчиво размешал.

– Видите ли, дружище, – начал он умильным тоном, как обычно обращаются к умственно отсталому ребенку, – вам, вероятно, невдомек, что пути правосудия никогда не бывают гладкими. Сегодня множество людей наблюдали, как мы спокойно, цивилизованно прогуливались на свежем воздухе вместе с Рози. Слониха, как я и ожидал, вела себя образцово на глазах у всех этих взрослых зевак. С выдержкой, делающей ей честь, она обнюхивала и гладила мерзких сопливых отпрысков местных жителей. Можете не сомневаться – слух о доброте и деликатности Рози уже дошел до самых скромных лачуг сего города.

Сэр Магнус остановился, чтобы съесть еще одну лепешку с кремом и джемом, затем вытер рот и продолжал не совсем внятно, зато вполне самодовольно:

– Мне все равно, где суд будет набирать своих присяжных, но как только те прибудут, услышат от кого-нибудь, какое Рози воспитанное создание.

– Постойте, – ужаснулся Адриан, – я полагал, что весь смысл суда присяжных в том и заключается, что на его членов нельзя влиять.

Сэр Магнус встал, выпрямился во весь свой почти полутораметровый рост и устремил на Адриана надменный взгляд.

– Вы не можете, – жестко произнес он, – подкупить присяжных. Это было бы неэтично.

– Я как раз об этом и подумал, – отозвался Адриан.

– Однако, – вкрадчиво добавил сэр Магнус, – поскольку в присяжные попадают люди, заведомо не блещущие умом, их мысли можно направить по нужному руслу.

С этими словами он наполнил свою чашку вишневой наливкой и одним глотком опорож-

нил ее.

Глава девятнадцатая
ЗАКОН В ДЕЙСТВИИ

Следующие несколько дней стали для Адриана чрезвычайно утомительными. Несмотря на все его возражения, сэр Магнус настоял на том, чтобы он лично написал письма всем, кого хоть как-нибудь коснулись похождения Рози. Адриан был уверен, что от большинства из них в суде не будет никакого прока.

– Мальчик мой, – говорил сэр Магнус, – предоставьте мне об этом судить. Теперь эта особа Филигри, как насчет ее отца?

– Боже, только не его! – в ужасе воскликнул Адриан. – Он только и говорит, что о своих реинкарнациях.

– Отлично, – сказал сэр Магнус. – Лучший способ заморочить голову присяжным – пуститься в рассуждения о реинкарнациях. Предложите девушке, чтобы захватила с собой отца.

Адриан был в отчаянии. Он не сомневался, что выступление мистера Филигри в роли свидетеля обеспечит ему, как минимум, пожизненную каторгу. Как бы то ни было, в надлежащее время поступило краткое письмецо, в котором «искренне ваша» Сэмэнта сухо извещала, что она и ее отец готовы быть на суде свидетелями.

Один за другим начали являться первые свидетели. Мистер Паклхэммер в костюме в желто-черную клетку и новеньком коричневом котелке был рад вновь видеть Адриана и Рози. Черная Нелл, которую удалось разыскать не без труда; Гонория и Этельберт, упивающиеся драматическим развитием событий, причем Гонория под влиянием джина то и дело разражалась рыданиями при мысли о том, что Рози будет казнена, а Адриан заточен в тюрьму. Сэр Магнус, сам изрядный актер, чрезвычайно высоко оценил ее искусство, и после того как эта пара удалилась, у Адриана осталось тревожное ощущение, что сэр Магнус репетирует не столько защиту, сколько некую музыкальную драму.

Вслед за тем приехали отец и дочь Филигри. Сэмэнта – прекрасная, но холодная – удостоила Адриана сдержанным рукопожатием и сообщила, что рада случаю возобновить знакомство с Рози, чем сильно его уязвила. Мистер Филигри был в полном восторге, ему впервые (не считая прежних воплощений) представилась возможность увидеть море, и он пустился в пляс на берегу, размахивая пухлыми руками, точно большая медуза щупальцами. Всякий раз, когда у сэра Магнуса возникал какой-то вопрос к мистеру Филигри, того не оказывалось в доме, и приходилось отправлять за ним людей к морю, где он предавался полюбившемуся занятию – купанию Рози на мелководье и сооружению песочных замков с соседскими детьми.

И между всеми ними, рыча, как зверь, или воркуя, точно голубь, важно выступал сэр Маг-

нус, сплетая вместе нити различных повествований. За ним неотступно следовал Скрич, чье перо верещало, словно обезумевший вьюрок, исписывая страницу за страницей. Попытки Адриана повидаться с Сэмэнтой наедине не принесли успеха. Она держалась вежливо, но сухо, и с каждым днем Адриан чувствовал себя все более несчастным. И, когда пришло время явиться в суд, он был во власти черной меланхолии, тогда как сэр Магнус, воинственный, как рождественский индюк, расхаживал кругом, поглощая в больших количествах вишневую наливку и излучая добродушие и уверенность.

Адриан думал, что суд состоится в том же унылом, похожем на школьный класс помещении, где проходило предварительное слушание; тем сильнее было его удивление, когда он увидел красивый зал. Судья восседал на тяжелом кресле за дубовым столом, украшенным резьбой, которая изображала листья, желуди и пухлых танцующих херувимчиков. Даже свидетельская скамья была обнесена резной перегородкой. Высокий белый потолок украшали синие и золотые барельефы.

За царившей в зале почтительной тишиной угадывалось суетливое движение. Сэр Магнус обнаружил, что Скрич забыл дома половину записей, и пришел в такую ярость, что Адриан опасался за жизнь несчастного клерка. Озабоченный тем, чтобы как-то утихомирить сэра Магнуса, он не сразу заметил, что зал наполнился публикой и воцарилась атмосфера напряженного ожидания.

Появился высоченный костлявый субъект в напоминающем крылья летучей мыши, свисающем длинными складками облачении и сдвинутом набок парике. На худом вытянутом лице выделялись голубой подбородок, карие, как у спаниеля, выразительные глаза и кривая щелочка рта. Если бы не длинная мантия, его можно было бы принять за худосочного владельца похоронного бюро из города, в котором никто не умирал.

– Кто это? – спросил Адриан у сэра Магнуса.

– Этот? – Сэр Магнус бросил в ту сторону свирепый взгляд из-под бровей. – Это сэр Огастес Талисмен. Обвинитель.

– Что-то мне не очень нравится его вид, – заметил Адриан.

– Кого, старины Гасси? – удивился сэр Магнус. – Что вы, он по-своему довольно симпатичный малый. Но когда вы всю жизнь обвиняете людей, поневоле это отразится на вашей внешности.

– А кто судья? – осведомился Адриан.

– О, тут нам повезло, – удовлетворенно объявил сэр Магнус. – Судьей назначен старина Топси.

– Топси! Необычное имя для судьи!

– Да нет же, – нетерпеливо произнес сэр Магнус. – Это его прозвище. На самом деле он лорд Криспин Тэрви.

– Не понял, – растерянно признался Адриан.

– Господи, что же тут непонятного? Тэрви-Топси, Топси-Тэрви, что означает – кутерьма, неразбериха. Лучший судья в нашем округе, непременно все перепутает. Оттого-то у обвинителя такое унылое лицо.

– Вы хотите сказать, – удивленно молвил Адриан, – он не отдает себе отчета в том, что делает, и тем не менее его назначили судьей?

– Почему, *он* отдает себе отчет. Только делает прямо противоположное тому, что на его месте стал бы делать другой судья. Полагаю, никто не упек в тюрьму столько невинных людей.

– Н-да, не вижу, какая мне от этого радость, – заметил Адриан.

Сэр Магнус вздохнул, как человек, вынужденный терпеливо слушать речи глупца.

– Послушайте, – молвил он кротко, – вам назначают в судьи заведомого путаника, так?

– Ну, – смиренно отозвался Адриан.

– Так вот, если судья заведомый путаник, ваше дело почти в шляпе. Он запутает присяжных, а я запутаю их всех.

– Право, не понимаю… – начал Адриан.

– Вы даже не представляете себе, каких результатов можно добиться при помощи хорошей путаницы. Это что-то вроде дымовой завесы на поле боя.

– Ну да, кажется, я начинаю понимать, – сказал Адриан.

Однако в душе он заранее примирился с тем, что при таком защитнике, как сэр Магнус, си-

деть ему в тюрьме не меньше десяти лет.

Секретарь суда поднялся со стула.

– Прошу всех встать, – возвестил он звонким фальцетом.

В зале зашаркали ноги, заскрипели стулья. Сбоку открылась дверь, и морщинистый человечек в красной мантии, заняв место в большом резном кресле, повертел головой, словно озадаченный крот. Все сели, кто-то прокашливался, кто-то шуршал бумагами. Снова поднялся секретарь.

– Милорд, – пропел он. – Корона против Адриана Руквисла. Адриан Руквисл, – продолжал секретарь, всматриваясь в послушно вставшего Адриана, – вы обвиняетесь в том, что пятого июня, в театре «Альгамбра» на острове Скэллоп в графстве Броклберри, в общественном месте, то есть театре «Альгамбра» на Скэллопе учинили нарушение общественного порядка в вышеупомянутом театре «Альгамбра», причинив при этом серьезные телесные повреждения некоему Эммануилу С. Клеттеркапу, для какой цели применили большое дикое толстокожее, то есть слона, против вышеупомянутого Клеттеркапа в вышеупомянутом театре «Альгамбра». Вы признаете себя виновным? Адриан был приведен в такое замешательство услышанным, что молча таращился на секретаря суда.

– Не виновен, – подсказал сэр Магнус.

– Не виновен, – повторил за ним Адриан.

Секретарь сел. Рослый добродушный полицейский, стоящий рядом с Адрианом, приятельски ткнул его пальцем в бок и прошептал:

– Садись, парень.

Адриан наклонился через перегородку к сэру Магнусу.

– Что будет дальше?

Сэр Магнус зарядил нос понюшкой табака и заставил весь суд вздрогнуть от оглушительного чиха.

– Старина Гасси начнет бубнить свое, – ответил он. – Расслабьтесь пока. Можете подремать, если хочется.

Судья обвел неуверенным взглядом зал, пытаясь определить, откуда именно исходил чих. Наконец сосредоточил взор на сэре Магнусе.

– Сэр Магнус, – сказал он.

– Милорд? – отозвался сэр Магнус, вставая на ноги и изображая подобострастный поклон.

– Мне известно, – продолжал судья, – что вами владеет пристрастие к нюханию табака. Я был бы весьма благодарен, если бы вы могли сообщить мне, намерены ли вы и впредь прерывать нас внезапными громкими звуками, без которых вы, по-видимому, не можете обойтись всякий раз, как берете понюшку?

– Простите, милорд, – ответил сэр Магнус. – Следующий раз я постараюсь удержаться.

– Да уж, постарайтесь, – сказал судья и перевел взгляд на обвинителя. – Поскольку сэр Магнус прочистил свои носовые проходы, мы слушаем вас, сэр Огастес.

Сэр Огастес Талисмен встал, приветственно кивнул судье, с минуту приводил в порядок складки своей мантии и перебирал лежащие на столе перед ним бумаги, затем повернулся к своему клерку и шепотом посовещался с ним. Нырнув под стол, клерк появился оттуда, прижимая к себе полдюжины толстых томов с множеством розовых закладок, и положил их перед сэром Огастесом. Тем временем сэр Магнус и судья, разобравшись с вопросом о нюхательном табаке, явно задремали. Сэр Огастес еще раз поправил складки, прокашлялся и заговорил, сжимая одной рукой отворот мантии.

– Милорд, – начал он медоточивым голосом, – перед вами дело, которое я назвал бы по меньшей мере необычным. Настолько необычно это дело, что потребовалось много времени и терпения с моей стороны, прежде чем я обнаружил прецедент в законах этой страны.

Он сделал паузу, нежно погладил лежащие на столе тома в переплетах из телячьей кожи, затем продолжал:

– Выражаясь кратко, милорд – ибо у меня нет ни малейшего желания тратить попусту драгоценное время вашей светлости, как и нет сомнения, что ваша светлость предпочитает слышать только то, что существенно и важно, – итак, я назвал бы это грубейшее нарушение закона (и, употребляя такие слова, я нисколько не преувеличиваю), это грубейшее нарушение закона – одним из самых экстраординарных случаев, с какими я когда-либо сталкивался за время моего дол-

гого служения Фемиде.

Обвинитель снова остановился и опустил взгляд на свои бумаги, задумчиво постукивая по ним указательным пальцем. Сэр Магнус, судя по всему, безмятежно дремал, к великому разочарованию Адриана, который ожидал, что его защитник вскочит на ноги и заявит протест.

– Обвиняемый, Адриан Руквисл, – продолжал сэр Огастес, – получил в наследство от своего дяди, как выяснилось, взрослую слониху. Имя этой слонихи, насколько нам известно, Рози, а потому, с разрешения вашей светлости, я во избежание путаницы так и стану именовать ее дальше. Вечером тридцать первого мая Руквисл прибыл на Скэллоп и на другой день отправился в театр «Альгамбра», где обратился к владельцу театра, мистеру Клеттеркапу, с просьбой предоставить ему работу. Мистер Клеттеркап, полагая, что участие ручного, я подчеркиваю, ваша светлость, *ручного* слона в его спектакле (который, если не ошибаюсь, называется «Али-Баба и сорок разбойников») придаст постановке особый интерес, принял на работу Руквисла и слониху Рози. Мистер Клеттеркап вложил в упомянутую постановку немалые средства. В день премьеры театр, как и следовало ожидать, заполнили местные жители, большие ценители культуры. Половина первого явления прошла без происшествий, однако затем Руквисл, который, по словам свидетелей, напился сам и напоил слониху, потерял контроль над животным, и оно взбесилось.

Потрясенный столь оскорбительным заявлением Адриан посмотрел на сэра Магнуса, но его защитник по-прежнему мирно дремал.

– Передо мной здесь, милорд (не стану утруждать вас подробностями), описание ущерба, причиненного упомянутой слонихой реквизиту и прочему театральному имуществу. Остановимся на ущербе, причиненном конкретным личностям. Солист оркестра получил многочисленные ссадины и ушибы при ударе пальмой, поваленной слонихой. Дирижер оркестра получил серьезные ушибы, а владелец театра, мистер Клеттеркап, не только получил серьезные ушибы, но и сломал ногу, когда обезумевшее, разъяренное животное бросило его в оркестровую яму.

Здесь судья издал слабый звук, который можно было бы принять за смех.

– Милорд, – сказал сэр Огастес таким голосом, будто произносил речь на панихиде, – я представлю свидетельства, говорящие о том, что обвиняемый Руквисл продолжительное время странствовал кругом с этим животным, повсеместно производя опустошения, и таким образом добился предоставления ему работы в театре «Альгамбра» низким, обманным путем, утверждая, что животное ручное, хотя он знал при этом, что речь идет о свирепом, непослушном и неуправляемом создании, представляющем угрозу для жизни и собственности людей.

Адриан был до того возмущен таким извращением фактов, что наклонился к сэру Магнусу и потряс его за плечо.

– А! – воскликнул сэр Магнус. – Гасси закончил уже? Вы слышали, что он говорил?

– Слышал, – прошипел Адриан. – Он все преподносит так, чтобы мы с Рози выглядели виновными.

– Обязан, – отозвался сэр Магнус. – Ему за это платят.

– Но разве вы не можете что-нибудь сказать? Встать и заявить судье, что все это неправда?

– Не паникуйте, дружище. Помните – паук часами плетет паутину, которую вы можете разорвать одним движением руки.

Пришлось Адриану довольствоваться таким ответом. Пока сэр Огастес принялся листать свои записи и поправлять складки мантии, он стал изучать лица присяжных. Они угрюмо сверлили его пронзительными, беспощадными взглядами. Одни погрузились в транс, другие украдкой посматривали на часы, явно безучастные к тому, что происходило в зале. Казалось, ими владеет одно желание – немедля осудить Адриана, то ли в силу мстительности характера, то ли потому, что им не терпелось поскорее вернуться к своим делам.

– Вызываю своего первого свидетеля, – заговорил вновь сэр Огастес. – Сэр Губерт Дарси.

– Пригласите сэра Губерта Дарси! – крикнул секретарь суда.

Сэр Губерт вошел в зал суда чуть ли не строевым шагом. Со своими пышными бакенбардами сегодня он выглядел еще более грозно, чем на лугу под Монкспеппером. Протопав к скамье подсудимых, сэр Дарси принес положенную клятву с видом человека, почитающего оскорбительным для себя, что его правдивость подвергают сомнению.

– Вы – Губерт Дарси, владелец поместья Бангалор в деревне Монкспеппер? – спросил сэр Огастес.

– Да, – громогласно подтвердил Дарси.

– Сэр Губерт, – обратился к нему судья, – могу ли я просить вас не так громко излагать свои показания? В силу акустических особенностей этого зала полная мощь ваших легких способна вызвать сильнейшие вибрации, которые отдаются даже в моем столе и кресле.

– Отлично, милорд! – гаркнул Дарси.

– Вы – глава Монкспепперского охотничьего общества, верно? – продолжал сэр Огастес.

– Так точно, – отчеканил Дарси. – Уже двадцать лет.

– Вы помните день двадцатого апреля?

– Помню. Еще как.

– Не будете ли вы так любезны изложить своими словами его светлости и присяжным, что именно произошло в тот день?

– Так вот, – пророкотал Дарси, – было чудесное утро, милорд, и в дубраве за Монкспеппером гончие взяли…

– Что взяли? – осведомился судья.

– След, – ответил Дарси.

– Какой след? – поинтересовался судья.

– След лисы.

– Эти сельские занятия, право же, чрезвычайно интересны, – мечтательно произнес судья. – Прошу вас, продолжайте.

– Так вот, преследуя лису, мы пересекли дубраву, затем Монкспепперский тракт привел нас на луг, примыкающий к реке. Должен отметить, что на этот луг можно попасть только через один проход, окаймленный широким густым булфинчем.

– Как вы сказали – булфинчем? – спросил судья.

– Да, – подтвердил Дарси.

– Насколько я понимаю, милорд, – вступил сэр Огастес, чувствуя, что при таких темпах от его свидетеля не скоро добьешься толковых показаний, – свидетель подразумевает густую живую изгородь, какую в тех местах называют булфинч.

– Я думал, что слово булфинч обозначает птицу с красной грудью, а именно снегиря.

– Слово то же самое, но значение здесь другое, – объяснил сэр Огастес.

– Благодарю, – сказал судья.

– Ну так, – продолжал Дарси, – гончие выбежали на луг, и мы последовали за ними. Здесь первым делом мне бросилась в глаза чрезвычайно вульгарного вида, ярко раскрашенная двуколка, какими пользуются цыгане. Внезапно, к моему великому удивлению, из-за деревьев появился слон. Естественно, гончие были испуганы и лошади тоже, до такой степени, что застигнутые врасплох даже такие опытные всадники, как я, были сброшены на землю. Я неудачно приземлился головой вперед, и только мой цилиндр спас меня. Не успел я освободить глаза от этой помехи, как слон подхватил меня, пронес через весь луг и швырнул к ногам обвиняемого, одетого, как я с ужасом увидел, всего лишь в мокрые подштанники.

– Почему это он был в одних подштанниках? – спросил судья, явно захваченный рассказом Дарси.

– Он заявил мне, что купался в реке вместе со слоном, милорд, распугивая лососей.

– Вы получили какие-нибудь увечья вследствие этого столкновения?

– К счастью, милорд, я отделался легкими ушибами.

– Я привлек ваше внимание к этому случаю, милорд, – сообщил сэр Огастес, – лишь затем, чтобы доказать мое утверждение, что обвиняемому *было известно,* что его слон – опасное животное, поскольку это нападение на людей произошло еще до происшествия в театре «Альгамбра».

– Понятно, – неуверенно отозвался судья.

Сэр Огастес сел, и судья обратил взгляд на погруженного, по видимости, в забытье сэра Магнуса.

– Не могли бы вы на несколько секунд присоединиться к нам и подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

– Слушаюсь, милорд. – Сэр Магнус медленно встал и пристально посмотрел на Дарси. – Вы сказали, что единственный урон, нанесенный вам, составили легкие ушибы?

– Да.

– У вас хорошая лошадь? – прозвучал неожиданный вопрос.

Дарси побагровел.

– Я развожу лучших лошадей в стране, – рявкнул он.

– Но эта лошадь явно не была хорошо объезжена?

– Это отличная лошадь, – отчеканил Дарси. – Но только в цирке лошадей приучают общаться со слонами.

– Стало быть, для вашей лошади было вполне естественно испугаться и сбросить вас на землю?

– Разумеется.

– И выходит, все ваши ушибы были вызваны падением с лошади?

Дарси свирепо уставился на сэра Магнуса.

– Помилуйте, – вкрадчиво молвил тот, – ведь это ваши собственные слова?

– Мне не совсем ясно, в чем суть этого допроса? – жалобно заметил судья.

– Милорд, – сказал сэр Магнус, – я пытаюсь лишь показать вашей светлости и присяжным (тут он метнул в них строгий взгляд, от которого они вздрогнули, как от удара током), что *легкие* ушибы – я употребляю выражение самого свидетеля – были следствием падения с его лошади, что слон не имеет к ним никакого отношения.

Сэр Огастес встал.

– Милорд, – вступил он, – дело вовсе не в том, что свидетель получил ушибы, упав с лошади. Он не упал бы со своей лошади, если бы ей не угрожал слон.

– Слон что-нибудь сделал с вашей лошадью? – обратился сэр Магнус к Дарси.

– Нет, – неохотно признал Дарси, – он только трубил.

– Трубил, в самом деле? – заинтересовался судья. – По-моему, я никогда еще не слышал, как трубит слон. На что похож этот звук?

– Что-то вроде визга, ваша светлость, – объяснил сэр Магнус. И продолжал, бросив взгляд на присяжных: – Тем не менее, мне кажется, мы установили, что на самом деле данный слон *не был* повинен в каком-либо уроне, понесенном свидетелем. Вы согласны, ваша светлость?

– Согласен, это совершенно очевидно, – отозвался судья, записывая что-то.

Сэр Огастес метнул злобный взгляд в сэра Магнуса. С его точки зрения, они вовсе ничего не установили, но если судья сказал обратное, не пристало вступать с ним в спор.

– У меня больше нет вопросов, – заключил сэр Магнус, садясь с довольным видом, более того – с видом человека, выигравшего дело.

Перекрестный допрос явно произвел большое впечатление на присяжных.

– Возможно, я захочу в дальнейшем снова вызвать этого свидетеля, – не сдавался сэр Огастес.

– Разумеется, сэр Огастес, – сказал судья и наклонился над своими записями, после чего обратился к сэру Магнусу: – Вы сказали – что-то вроде визга?

– Да, милорд. Скорее даже, это можно сравнить с многократно усиленным звуком, который вы слышите, когда проводите грифелем по доске.

Судья тщательно записал эту информацию из области естествознания.

– Вызываю леди Беренгарию Феннелтри, – снова взял слово обвинитель.

Леди Феннелтри, в темно-пурпурном бархатном платье, с, черной вуалью на соломенной шляпе не вошла, а проплыла в зал, точно победоносный галеон. Принеся клятву, она откинула назад вуаль и милостиво кивнула судье, как бы говоря: «Можете продолжать». Отвечая на вопросы сэра Огастеса, звонким, пронзительным голосом удостоверила свою личность, и ее манеры были настолько величественны, что даже наиболее рассеянные присяжные выпрямились на стульях, приготовившись слушать.

– Леди Феннелтри, – продолжал сэр Огастес, – вы помните вечер двадцать восьмого апреля?

– Этот вечер, – ответила леди Феннелтри ломким голосом, напрашивающимся на сравнение с звуком, какой производят падающие с крыш сосульки, – неизгладимо запечатлен в моей памяти.

– Не могли вы рассказать его светлости и присяжным – почему именно?

Повернувшись к судье и пригвоздив его к креслу гипнотическим взором своих голубых глаз, она молитвенно сложила руки на груди и начала:

– Двадцать восьмого апреля мы отмечали восемнадцатый день рождения моей дочери.

– Это имеет какое-то отношение к настоящему делу? – осведомился судья.

– Мне было предложено, – сурово молвила леди Феннелтри, – изложить все собственными словами.

– Конечно, конечно, – сказал судья, поспешно что-то записывая.

– Мы отмечали восемнадцатый день рождения моей дочери, – повторила леди Феннелтри, – и наметили устроить бал в ее честь. Естественно, пригласили множество людей. По сути дела, – она позволила себе мрачно улыбнуться, – пришли, можно сказать, все видные люди. Я просила моего супруга придумать что-нибудь оригинальное, желательно юмористическое, для развлечения гостей. Он заверил меня, что все готово, но пожелал сохранить в секрете – что именно. Я ездила с дочерью в город за покупками, а когда вернулась, обнаружила в своем доме вот это (она указала надменным жестом на Адриана).

– И его слона? – спросил судья.

– К сожалению, да, – ответила леди Феннелтри.

– Но как же, – продолжал судья с глубоким интересом, – слон мог ходить по лестницам?

– Э-гм, милорд, – живо поднялся на ноги сэр Огастес. – Полагаю, тут следует объяснить, что обвиняемый держал своего слона на конном дворе без ведома леди Феннелтри.

– А, это другое дело, – заметил судья.

И обратил свой взгляд на сэра Магнуса, убежденный, что тот – настоящий специалист по слонам.

– Слоны могут подниматься по лестницам?

– Несомненно, – ответил сэр Магнус.

– Так или иначе, – сказала леди Феннелтри, раздраженная вмешательством судьи, – мой супруг тайно держал слона на конюшне, как заметил сэр Огастес, без моего ведома. Им был задуман смехотворный план, который я, будь мне известно о нем, немедленно отвергла бы. Он и эта тварь Руквисл собирались вырядиться индийцами и привести слона в бальный зал, сидя в паланкине.

Судья наклонился вперед, озадаченно глядя на леди Феннелтри.

– Но я всегда полагал, что паланкин – это такое сооружение, которое слоны носят на спине, – заметил он.

– Ну да, – подтвердила леди Феннелтри.

– Но как же тогда, – жалобно молвил судья, – им удалось затолкать слона в паланкин?

Сэр Огастес опять вскочил на ноги, предчувствуя, что леди Феннелтри начнет что-то язвительно втолковывать судье.

– Милорд, – сказал он, – лорд Феннелтри и обвиняемый надели индийские костюмы, поместили паланкин на спине слона и въехали в паланкине в бальный зал.

Судья стал издавать какие-то тихие судорожные звуки, трясясь всем телом, будто в лихорадке. Прошло несколько секунд, прежде чем в зале поняли, что он смеется. Наконец, все еще трясясь от смеха, он вытер глаза и наклонился вперед.

– Представляю себе, какой вышел палимпсест, – выдавил он из себя через силу.

– Ха-ха, – послушно произнес сэр Огастес. – Чрезвычайно остроумно, милорд.

В зале воцарилась жуткая тишина, пока судья укрощал собственное чувство юмора. Наконец, вытерев глаза носовым платком и высморкавшись, он дал рукой знак леди Феннелтри.

– Прошу вас, мадам, продолжайте.

– Мои гости воздавали должное скромному, но соответствующему случаю приему, который мы подготовили, – сказала леди Феннелтри, – когда двери вдруг распахнулись, и слон, ворвавшись в бальный зал, заскользил через все помещение.

– Заскользил? – переспросил судья.

– Заскользил, – твердо произнесла леди Феннелтри. Судья посмотрел на сэра Огастеса.

– Я не совсем уверен, что правильно понимаю слова свидетельницы.

– Он заскользил, милорд, – подтвердил сэр Огастес. – По паркету.

– Заскользил, – задумчиво повторил судья и перевел взгляд на сэра Магнуса. – Слоны могут скользить?

– На хорошо отполированной поверхности, милорд, и при надлежащем усилии, думаю, и слон может скользить, – сказал сэр Магнус.

– Это было так задумано? – обратился судья к леди Феннелтри.

– Задумано или нет, к делу не относится, – сухо ответила она. – Он заскользил прямо на столы с разными яствами и винами. Мой супруг в его смехотворном наряде находился в паланкине и свалился вместе с ним со слона. Я подошла и спросила его, с какой это стати ему вздумалось приводить слона в мой бальный зал.

– Хороший вопрос, – заметил судья, восхищенный рассудительностью леди Феннелтри. – И что же он ответил?

– Он ответил, – сказала леди Феннелтри с полынной горечью в голосе, – что это сюрприз.

– Что ж, – беспристрастно заключил судья, – ответ вполне правдивый. Ведь это в самом деле был сюрприз, верно?

– С того дня, – ответила леди Феннелтри, – я мысленно подыскивала слово, адекватно описывающее этот случай, и в моем не таком уж скудном запасе английской лексики находила все, что угодно, только не «сюрприз».

– Всецело согласен с вами, – решительно молвил судья. – Ваше мнение полностью совпадает с моим.

– Могу я продолжать? – спросила леди Феннелтри. – Желательно без дальнейших помех?

– Конечно, конечно, – сказал судья. – Ради Бога. И что же было дальше?

Он наклонился над столом, не сводя глаз с леди Феннелтри, точно ребенок, слушающий сказку.

– Яства, само собой, были испорчены. Слон совершенно вышел из подчинения, метался в разные стороны, ища, кого бы сожрать. Я мягко журила супруга за то, что он неразумно привел в такое место дикого зверя, когда последний сперва сорвал с потолка канделябр, которому не было цены, а потом подбежал и схватил меня хоботом.

– Боже мой! – воскликнул судья. – И как же вы поступили?

– Будучи всего лишь женщиной, – ответила леди Феннелтри, и голос ее звучал, словно сигнальная труба, – я лишилась чувств.

– Весьма уместно, – заключил судья. – Должно быть, вы испытали сильное потрясение.

Леди Феннелтри слегка наклонила голову, пытаясь, без особого успеха, принять вид скромной, благонравной девы.

– Придя в себя, – продолжала она, – я обнаружила, что лежу на лососе.

– Сдается мне, – озадаченно молвил судья, – в этом деле фигурирует жуткое количество животных. Вы, сэр Огастес, отдавали себе отчет в том, что в рассматриваемом деле так много животных?

Сэр Огастес на секунду закрыл глаза.

– Да, милорд, – отозвался он затем, – но лосось был мертвый.

– Иначе и быть не могло в бальном зале, – сказал судья. – Разве что там есть фонтан или что-нибудь в этом роде.

– В нашем бальном зале нет никаких фонтанов, – сообщила леди Феннелтри.

– Что я сказал, – торжествующе подхватил судья. – Лосось не мог быть живым.

– Это был холодный лосось, – добавила леди Феннелтри.

– Потому что он был мертвый? – спросил судья. Сэр Огастес снова поднялся на ноги со страдальческим

видом.

– Для угощения гостей, милорд, леди Феннелтри распорядилась подать большого вареного лосося. Слон своими движениями сбросил его со стола, и когда закончил носить хоботом леди Феннелтри, поместил ее бессознательное тело на эту рыбу.

– Потрясающе, – сказал судья. – Не помню другого дела, которое доставило бы мне столько удовольствия. Расскажите еще, леди Феннелтри.

– Придя в себя, я обнаружила, что лежу на лососе. И тут же увидела, как слон хватает сэра Губерта Дарси и с размаха бросает на пол с явным намерением убить его.

Адриан никогда не питал нежных чувств к леди Феннелтри, и откровенная ложь вывела его из себя. Поскольку сэр Магнус явно не собирался что-либо предпринять, он решил сам проявить инициативу.

– Это ложь! – крикнул Адриан, вскакивая на ноги. – Рози в жизни никому не причиняла вреда. Вы – старая мстительная корова!

По залу прокатилась волна одобрения и возбуждения. Леди Феннелтри наградила Адриана

презрительным взглядом и обратилась к судье.

– Милорд, – вопросила она медоточивым голосом, – вы обычно позволяете оскорблять свидетелей в вашем суде?

– Обычно – нет, – рассеянно ответил судья. – Но объясните мне, при чем тут эта корова? Право же, в этом деле чересчур много животных.

Сэр Огастес, похожий на Горация, проигрывающего битву на реке Тибр, неуверенно поднялся на ноги.

– По-моему, милорд, свидетельница ясно показала, что слон, о котором здесь говорится, большой, злобный, неуправляемый зверь с присущим диким зверям влечением к убийству.

– Вздор! – закричал Адриан.

– Прошу вас, помолчите, – сказал сэр Магнус, ненадолго пробуждаясь. – Вы только все портите своими буйными воплями. Предоставьте мне управляться с этой старой коровой.

– Полагаю, – продолжал сэр Огастес, учтиво делая вид, что не заметил вспышки Адриана, – мне удалось показать вашей светлости и достойнейшим членам суда присяжных, что человек, на чьем попечении находился упомянутый дикий зверь, то есть Адриан Руквисл, дважды позволил ему бесчинствовать. Поразительно только, и мы должны быть благодарны милосердному провидению, что при этом никто не был убит.

Сэр Огастес сел с довольным видом, на смену ему встал сэр Магнус.

– Леди Феннелтри, – начал он, игриво улыбаясь ей и искательно двигая бровями, – мы услышали от вас правдивое и искреннее описание событий, которые произошли вечером двадцать восьмого апреля.

– Естественно, – негодующе отозвалась леди Феннелтри.

– Из того, что вы нам сказали, – осторожно продолжал сэр Магнус, – следует, что на вашу долю выпали ужасные переживания, способные, я сказал бы, помутить рассудок человека, вы же проявили в полной мере ту храбрость и решимость, кои побуждают весь мир восхищаться женщинами Англии.

Легкий взрыв аплодисментов в дальнем конце зала был немедленно укрощен судьей.

– Вы на чьей стороне выступаете? – прошипел Адриан.

Сэр Магнус спокойно улыбнулся, достал из жилетного кармана свою табакерку и сразу, заметив взгляд судьи, вернул ее в карман.

– Есть целый ряд вещей, про которые вы нам не сказали, – изрек он, – что говорит о присущей вам скромности, сочетающейся, если мне будет позволено так выразиться, с выдающимся обаянием и женственностью.

Леди Феннелтри величественно наклонила голову.

– В частности, – продолжал сэр Магнус, взмахнув рукой и глядя на присяжных, – вы ничего не сказали о своей родословной. Если не ошибаюсь, вы принадлежите к роду Пламбдрэгонов?

– Принадлежала, – ответила леди Феннелтри. – Моим отцом был лорд Пламбдрэгон.

– Насколько мне известно, Пламбдрэгоны и Феннелтри около четырехсот лет служили аристократическим оплотом нашей страны. Это верно?

– Да, – подтвердила леди Феннелтри.

– Все это время, – говорил сэр Магнус, не сводя глаз с присяжных, – Пламбдрэгоны и Феннелтри владели обширными землями, лелея и кормя обитающих там простых смертных. Они служили блистательным образцом для местных общин, образцом скромности, олицетворением каковой здесь является леди Феннелтри, образцом честности, справедливости и, главное, правдивости. Для людей вроде нас с вами (не столь высокого происхождения) Пламбдрэгоны и Феннелтри служили высоким примером. В старые времена, до учреждения достойных, справедливых судов, подобных этому – к кому мы, простые люди, обращались за сочувствием, уповая на качества, сделавшие нашу страну такой, каковой она является сегодня, на честность и справедливость? Мы обращались к нашим Пламбдрэгонам и Феннелтри.

Сэр Огастес, чуя некий подвох, поспешил встать.

– Милорд, – прервал он сэра Магнуса, – я, право, не вижу, как ни увлекательна речь моего ученого друга, какой от нее прок для рассматриваемого дела?

– Милорд, – заявил сэр Магнус, – я знаю, что выступаю в качестве защитника обвиняемого. Но мне не хотелось бы, чтобы возникло впечатление, будто я терроризирую и запугиваю свидетельницу, женщину, которая к тому же наделена всеми теми качествами, кои я называл.

– Однако, сэр Магнус, – отметил судья, – вы практически только-только начали допрос. У нас нет совершенно никаких оснований заявлять, что вы терроризируете свидетельницу.

– Милорд, – отозвался сэр Магнус, – я стремлюсь к тому, чтобы присяжные были настроены снисходительно.

Он обвел присяжных взглядом, подобным пламени паяльной лампы.

– Мы все пытаемся дознаться истины. Для этого мы собрались здесь, и я желаю всего лишь уяснить вам, милорд, и присяжным, что из уст столь благородной, скромной и аристократической женщины может исходить только правда.

– На то и присяга, – нетерпеливо сказал судья. – Мне казалось, что этого достаточно. И вам, сэр Магнус, вместо того чтобы читать здесь лекции, стоило бы для пользы дела задавать вопросы свидетельнице, стараясь, по возможности, обходиться без упоминания новых животных.

– Как вам будет угодно, милорд, – ответил сэр Магнус и повернулся к леди Феннелтри, ласково улыбаясь: – Похоже, вы весьма отчетливо помните события вечера двадцать восьмого апреля.

– Вот именно, – сказала леди Феннелтри. – Весьма отчетливо.

– Простите, что я на этом остановился. Для получившей отменное воспитание впечатлительной женщины то, что тогда произошло, должно было представляться просто ужасным, а потому было бы только естественно, если бы какие-то частности не совсем отчетливо сохранились в вашей памяти.

– Сэр Магнус, – твердо произнесла леди Феннелтри, – может быть, я и не наделена всеми теми качествами, кои вы называли, но одно качество никогда не изменяет мне. Я чрезвычайно наблюдательна.

– Настолько, – как бы говоря с собой, отметил сэр Магнус, – что мимо вашего внимания прошел тот факт, что в ваших конюшнях поселился слон.

Леди Феннелтри злобно посмотрела на него.

– У меня не заведено, – отрезала она, – проводить время на конюшне, а мой супруг скрыл тот факт, что там втайне содержится слон.

– Конечно, конечно, – сказал сэр Магнус успокоительным тоном, – не заметить такое мог бы любой из нас, верно?

Он посмотрел на присяжных, как бы ожидая, что они проявят сочувствие к незадачливой леди Феннелтри.

– Однако, – продолжал он, – вернемся к вечеру двадцать восьмого апреля. Вы сообщили, что слон заскользил через бальный зал, опрокинул столы с вином и яствами, после чего стал метаться взад-вперед, высматривая, как вы сказали, кого бы сожрать. Ваши воспоминания в этой части совершенно ясны?

– Совершенно, – подозрительно ответила леди Феннелтри.

– Далее, по вашим словам, вы пришли в себя в тот момент, когда слон намеренно пытался убить сэра Губерта?

– Да, – подтвердила леди Феннелтри.

– Вам самой довелось пережить неприятные минуты, когда вас подхватил хоботом слон, и вы лишились чувств, как и должно было быть, разумеется. Когда же вы пришли в себя, то обнаружили, исходя из ваших показаний, что лежите на лососе?

– Да, – сказала леди Феннелтри.

– Вы получили при этом какие-нибудь ушибы или ссадины?

– Нет, но я могу объяснить это только тем, что зверь, слава Богу, оставил меня, предпочтя атаковать сэра Губерта.

– Я не назвал бы этого слона ненасытным, – заключил сэр Магнус. – Казалось бы, ему следовало управиться с одной жертвой, прежде чем приниматься за другую.

– Тем не менее так все и было, – сказала леди Феннелтри.

Сэр Магнус вздохнул, рассеянно извлек из кармана табакерку, зарядил ноздри понюшкой и чихнул.

– Сэр Магнус, – взял слово судья, – надеюсь, мне не придется больше напоминать, чтобы вы не чихали в суде.

– Простите, милорд, – отозвался сэр Магнус, – это все от волнения. Лишь с величайшей неохотой должен я вынуждать леди Феннелтри подвергаться крайне неприятным испытаниям на

свидетельской скамье. Правдивый законопослушный гражданин не может не почитать такое положение унизительным для себя.

Он закрыл щелчком табакерку, вернул ее в карман и снова обратился к леди Феннелтри. Казалось, с ним произошла некая трудно уловимая перемена. Он весь подобрался и ощетинился, как настороживший уши маленький терьер перед кроличьей норой.

– Итак, леди Феннелтри, мы установили, что вы необычайно наблюдательны и предельно ясно помните события упомянутого вечера, установили также, разумеется, что ваша честность не подлежит сомнению.

Он бросил на присяжных искрящийся взгляд, и все они непроизвольно кивнули.

– А потому, – сказал сэр Магнус, – я не вижу необходимости больше особенно задерживать вас. Остается лишь один *маленький* момент, который я просил бы вас прояснить для присяжных.

Он остановился, опустил взгляд на свои записи. Для всех, включая леди Феннелтри, было абсолютно ясно, что он не читает их. Речь шла об эффектной паузе, сэром Магнусом явно была заготовлена какая-то западня. Леди Феннелтри понимала, что он готовит некий маневр, ее аристократический нос чуял опасность, но она не видела, откуда именно эта опасность исходит. Наконец сэр Магнус поднял голову и с обезоруживающим дружелюбием пошевелил белоснежными бровями.

– Вы говорите, что слон заскользил через зал прямо на столы с яствами? – спросил он.

– Я уже сказала вам об этом, – подтвердила леди Феннелтри.

Сэр Магнус полистал свои бумаги.

– После чего слон стал бросаться в разные стороны?

– Да, – сказала леди Феннелтри.

– По вашим словам, во время этих разрушительных движений он сорвал с потолка канделябр?

– Да.

– Насколько я понимаю, бальный зал в усадьбе Феннелтри-Холл достаточно велик?

– Это великолепное помещение, – ответила леди Феннелтри.

– И если не ошибаюсь, в одном его конце есть балкон для музыкантов?

– Да, там помещался оркестр, – сказала леди Феннелтри.

– Естественно предположить, – ласково продолжал сэр Магнус, – что в таком великолепном помещении должны быть высокие потолки?

– Полагаю, – самодовольно заметила леди Феннелтри, – что высота бального зала составляет около пятнадцати метров.

– Вам доводилось когда-либо измерять хобот слона? В зале воцарилась напряженная тишина. Все, кроме

судьи и присяжных, внезапно сообразили, куда клонит сэр Магнус.

– Я предпочитаю не тратить свой досуг на измерение длины слоновьих хоботов, – с достоинством объявила леди Феннелтри.

– Так вот, за последние десять дней мне представилась уникальная возможность выполнить такой эксперимент, – сообщил сэр Магнус. – При этом я обнаружил, что ни один, даже самый злобно настроенный слон не смог бы дотянуться хоботом до канделябра, подвешенного на высоте пятнадцати метров, и сорвать его.

Он остановился, поправил свой парик, затем продолжал мягким сочувственным тоном:

– Леди Феннелтри, вам довелось испытать страшное потрясение. Представляется только естественным, что при таких обстоятельствах женщина столь изысканных качеств могла допустить ошибку.

Введенная в заблуждение внезапным переходом сэра Магнуса от резкости к симпатии, леди Феннелтри наклонила голову.

– Возможно, в данном случае, – сказала она, – я и впрямь ошиблась.

– Весьма прискорбно, – бесстрастно заметил сэр Магнус, – поскольку вас, как вы сами говорите, отличает острая наблюдательность. В одном лишь этом случае (и кто станет вас упрекать) вы допустили ошибку. Однако вы уверяете нас, что во всем остальном ваш рассказ абсолютно точен, и кто я такой, чтобы подвергать сомнению слова знатной дамы?

Отвесив легкий поклон, он сел.

– Что вы такое несете, черт побери? – спросил Адриан. – Какое отношение все это имеет к

моему делу?

Сэр Магнус холодно глянул на него из-под бровей.

– Посмотрите на присяжных, – сказал он.

Адриан посмотрел и увидел двенадцать лиц, пожирающих глазами леди Феннелтри, Перед ними была аристократка, особа, которой по всем нормам и законам полагалось быть непогрешимой, а тут сэр Магнус посредством некой алхимии доказал, что она способна так же обмишулиться, как любой из них. Мысль эта дозревала в их сознании, как на дрожжах. Адриан опешил.

– Но послушайте, – прошептал он, – ведь это *из-за* Рози упал канделябр.

Сэр Магнус достал из кармашка табакерку, осторожно открыл ее, потом поглядел на Адриана.

– Будьте осмотрительнее в выборе выражений, – спокойно произнес он. – Не повторяйте ошибок леди Феннелтри. Канделябр упал *из-за* Рози, но она *не срывала* его.

– Не вижу разницы, – заметил Адриан.

– Бросьте играть словами, – сказал сэр Магнус. – На самом деле меня нисколько не интересует этот канделябр. Что мне интересно, так это загнать в угол эту, как вы выразились, мстительную старую корову.

Леди Феннелтри покинула свидетельскую скамью, бросая злобные взгляды на сэра Магнуса. Слово взял сэр Огастес.

– Мой следующий свидетель – лорд Феннелтри, – объявил он без особого воодушевления.

Лорд Феннелтри беспечной походкой, словно направляясь в свой любимый клуб, проследовал к свидетельской скамье, улыбнулся и приветственно помахал рукой Адриану, после чего утвердил в глазу монокль и поклялся говорить только правду. Сэр Огастес, удостоверив его личность, прокашлялся и устремил на свидетеля выразительный взгляд.

– Насколько я понимаю, – начал он, – двадцать первого апреля, лорд Феннелтри, вы встретили обвиняемого, Адриана Руквисла, на дорожке на некотором расстоянии от вашего дома.

– Совершенно верно, дружище, – кивнул лорд Феннелтри.

– Затем вы предложили ему, чтобы он и его слон погостили в Феннелтри-Холл, чтобы слон мог участвовать в праздновании дня рождения вашей дочери?

– Точно, – ответил лорд Феннелтри. – Вы ухватили самую суть.

– Полагаю, – продолжал сэр Огастес с видом человека, основательно проинструктировавшего свидетеля, – что обвиняемый ни одним словом не дал вам понять, что животное, о котором идет речь, могло представлять опасность для жизни и собственности людей?

– Ну да, – задумчиво произнес лорд Феннелтри, – чего не было, того не было, так ведь у него не было и причин для этого, верно?

– Лорд Феннелтри, – поспешил заметить сэр Огастес, – я был бы рад, если бы отвечали на мои вопросы только «да» или «нет». Пространные ответы только сбивают с толку присяжных.

Тут сэр Магнус открыл один глаз и презрительно фыркнул.

– Когда вы ввели слона в бальный зал, чем это кончилось? – спросил сэр Огастес.

Лорд Феннелтри не ответил.

– Говорите же, сэр, – раздраженно поторопил его сэр Огастес, – вы не можете не знать, что произошло, когда вы ввели в зал слона.

– На такой вопрос, – сказал лорд Феннелтри, жалобно глядя на судью, – страшно трудно ответить только «да» или «нет». Могу я воспользоваться каким-нибудь другим словом?

– Разумеется, – ответил судья.

– Позвольте мне повторить вопрос, – сдался сэр Огастес, – что явилось результатом появления слона в бальном зале?

– Хаос, – радостно улыбнулся его светлость.

– Что именно вы подразумеваете, говоря «хаос»?

– Полный сумбур, – сказал его светлость. – Рози опрокинула все столы, сшибла канделябр, лихо станцевала вальс с моей супругой, затем подхватила старину Дарси и усадила его на пол. Заверяю вас, если бы не возмущение моей супруги, все было бы очень забавно.

– Итак, милорд, – обратился сэр Огастес к судье, – я полагаю, мне удалось показать, что этот слон – дикое свирепое животное, что Адриану Руквислу это было известно и что он тем не менее, нисколько не считаясь с неприкосновенностью лиц или собственности, вновь и вновь позволял ему творить бесчинства на своем пути.

Он озабоченно поглядел на сэра Магнуса и добавил:

– Может быть, мой достойный друг желает провести перекрестный допрос?

– Нет, – ответил сэр Магнус, сопровождая свои слова покровительственным жестом, – у меня нет желания сейчас проводить перекрестный допрос, милорд, но я просил бы вашего разрешения вызвать этого свидетеля позднее.

Сэр Огастес вскочил на ноги.

– Возражаю, милорд! Это совершенно неэтично.

– В самом деле, сэр Магнус, это необычно, – сказал судья.

– Верно, милорд, я понимаю, – отозвался сэр Магнус. – Однако мне кажется, что когда вы выслушаете других моих свидетелей, то убедитесь, что у лорда Феннелтри найдется что сказать в пользу моего подзащитного.

– Хорошо, – заключил судья. – Но только в виде исключения. А теперь предлагаю сделать перерыв. Не знаю, как вы, джентльмены, но я что-то проголодался. Продолжим заседание в два часа.

– Милорд, – обратился к нему сэр Магнус, – тюремная пища не из тех, что побуждает гурмана дрожать от восторга. А потому обращаю к вашей светлости смиреннейшую просьбу отпустить моего клиента, чтобы он мог перекусить вместе со мной.

– Право же, сэр Магнус, вы удивляете меня необычными просьбами, – сурово молвил судья. – Однако я не вижу, чтобы от этого мог быть какой-то вред. Только потрудитесь привести его обратно.

– Спасибо, милорд, – сказал сэр Магнус.

Все встали, судья выбрался из кресла и прошел в свой кабинет.

– Ну так, – заключил сэр Магнус, заряжая ноздри доброй порцией табака, – заседание прошло весьма успешно.

Громко чихнул и повернулся к Адриану:

– Пошли, мой мальчик, перекусим.

– Не вижу, чему это вы так радуетесь, – заметил Адриан. – Насколько я понял, все говорили сейчас всякий вздор, который можно толковать и так и сяк, а сторона обвинения просто *лжет.*

– Мальчик мой, – сказал сэр Магнус, – какой же вы очаровательный простак. Ничего, подождите следующего заседания, когда *мы* начнем лгать.

Глава двадцатая
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

Они пересекли улицу и вошли в небольшой трактир с дубовыми балками, где подкрепи-

лись несколькими кружками пива и поджаристыми телячьими отбивными с бумажной балетной юбочкой на косточке. Гарнир состоял из политых маслом нежных зеленых побегов спаржи, картофельного пюре на сливках и сплоченных рядов зеленого горошка. За отбивными последовал вишневый пирог и набор сыров, настолько зрелых, что запах их было слышно еще на подходах к трактиру.

– Почему вы сказали, что хотите повторно вызвать лорда Феннелтри? – спросил Адриан под конец ленча.

Сэр Магнус положил на кусок хлеба большой кусок зеленовато-желтого сыра и затолкал в рот.

– Потому, – ответил он, работая челюстями, – что, на мой взгляд, защите от него будет больше проку, чем обвинению.

– Но ведь он свидетель обвинения.

– Это он так думает, – поправил Адриана сэр Магнус. – И сам обвинитель тоже, на самом же деле, если нам суждено выиграть это дело, то именно с его помощью.

Он посмотрел на часы.

– А теперь выпьем еще по кружечке пива да поспешим обратно в суд.

После перерыва сэр Огастес вызвал мистера Клеттеркапа, однако его показания вряд ли можно было считать удачными для обвинения, ибо было слишком очевидно, что мистер Клеттеркап явно настроен добиваться любой ценой, чтобы и Адриан и Рози были осуждены. Тем не менее тот факт, что одна из его ног была облачена в толстый слой гипса и к свидетельской скамье он добирался при помощи костылей и двух полицейских, несомненно, произвел впечатление на присяжных. Дождавшись, когда мистер Клеттеркап проковылял к выходу из зала, сэр Огастес встал и поправил свою мантию. После чего как бы задумчиво пододвинул почти ласковым жестом поближе к себе стопку томов и опустил на них обе ладони.

– Милорд, – начал он, – полагаю, услышанного вами здесь довольно, чтобы убедить вас в том, о чем я говорил в самом начале – перед нами весьма необычное дело.

– Да уж, – милостиво согласился порозовевший после ленча судья. – Я назвал бы его необычным, даже не будь в нем никаких животных.

– Мне хотелось бы теперь, – сказал сэр Огастес, – прежде чем мы станем слушать доводы защиты – если тут *вообще* могут быть какие-либо доводы – процитировать одно-два сходных дела, которые мне удалось разыскать.

Он открыл один из лежащих перед ним толстых томов и повел указательным пальцем по строчкам.

– Вот, например, – продолжал он, – мы видим дело Короны против Пигвисла, тысяча восемьсот восемьдесят четвертый год, где обвиняемый имел в своем владении большую лошадь-тяжеловоз, которая сняла и съела не только шляпу, но и парик с головы пожилой леди на Хайстрит. Вы можете увидеть, милорд, как судья постановил, что обвиняемый, владея лошадью-тяжеловозом и зная о ее патологическом пристрастии к цветам, был ответствен за то, что позволил ей приблизиться на пищевое расстояние к шляпе упомянутой леди. Я вижу в этом весьма яркую параллель делу, которое мы рассматриваем сегодня.

– Недурно, недурно, – отозвался судья. – Однако, сэр Огастес, если упомянутое лицо вполне управляло своей лошадью, а женщина сама подошла слишком близко к тяжеловозу, что тогда?

– Полагаю, – самодовольно заметил сэр Огастес, – лучшим ответом послужит цитата из дела Короны против Клачпенни, тысяча восемьсот девяносто четвертый год. У обвиняемого по этому делу был большой бык…

– Вы не могли бы, – перебил его судья, – подобрать сходное дело *без* каких-либо животных? А то недолго и запутаться во всех этих лососях, тяжеловозах, быках и слонах.

– К сожалению, милорд, – ответил сэр Огастес, – довольно трудно найти *сходные* дела, где бы не шла речь о животных.

– До сих пор, – раздраженно заметил судья, – я как-то не подозревал, что вся наша правовая система наводнена птицами небесными и тварями земными. Однако продолжайте.

И сэр Огастес продолжил. Около четверти часа он торжественно открывал один том за другим и цитировал дела, не имеющие, на взгляд Адриана, никакого отношения к его делу. В конце концов сэр Огастес неохотно закрыл последний том и благоговейно опустил его на стол.

– Полагаю, милорд, – заключил он, – таким образом должны быть разъяснены кое-какие аномалии, которые могли озадачить присяжных.

– Буду счастлив, – отозвался судья, – если присяжные хоть что-нибудь поняли. Но прежде, чем вы сядете, сэр Огастес, разъясните мне кое-какие детали, касающиеся дела человека с удавом.

– Похоже, у меня нет никакой надежды, – сказал Адриан сэру Магнусу.

Горы приведенных сэром Огастесом примеров совершенно убедили его, что он проиграл дело. Сэр Магнус открыл глаза и улыбнулся Адриану.

– Всегда помните, дружище, книги – что инструменты, все зависит от того, как ими пользоваться. При неумелом обращении можно порезаться о стамеску.

Он наклонился и ласково погладил предмет, коего Адриан прежде не замечал. Под столом сэра Магнуса стоял большой кожаный чемодан. Видимо, во время ленча сэр Магнус послал за ним Скрича. Оставалось лишь догадываться, что лежит в этом чемодане.

– Бедный старина Гасси, – самодовольно произнес сэр Магнус, аккуратно собирая вместе свои бумаги так, словно готовился раздавать карты, – он был обречен еще до того, как раскрыл рот.

– Обречен? – воскликнул Адриан. – Да ведь он привел неопровержимый аргумент. Мы не можем отрицать, что Рози натворила все эти дела. Конечно, у нее были самые лучшие намерения, но ведь *натворила.*

– Поживем – увидим, – ответил сэр Магнус, величественно вставая на ноги.

– Милорд, – начал он, учтиво поклонившись судье и милостиво улыбнувшись присяжным. – Перед нами, как весьма проницательно заметил мой ученый друг, весьма необычное дело.

Сэр Магнус остановился, достал из-под стола кожаный чемодан, открыл его и медленно, осторожно извлек три дюжины толстых томов, из которых соорудил нечто вроде оборонительного сооружения.

– Все эти тома, – он погладил книги, словно лошадь, – содержат аналогичные случаи, неопровержимо доказывающие невиновность моего клиента. Но, – он поднял указательный палец, – поскольку присяжным совершенно очевидна невиновность моего клиента, не стану утомлять вас массой подробностей.

Сэр Магнус собрал тома и вернул их в чемодан. Его действия явно произвели большое впечатление на присяжных.

– Уважаемые члены жюри присяжных, – продолжал сэр Магнус. – Перед вами обвиняемый – Адриан Руквисл. Всякому должно быть абсолютно ясно, что он честный, благородный, достойный молодой человек, наделенный особым качеством, коим все мы восхищаемся и коим мало кто из нас обладает. Я говорю о храбрости. Кто из вас, джентльмены, бесстрашно бросился бы в бурное, штормовое море, чтобы спасти бессловесное животное? Как я уже говорил вам, невиновность моего клиента очевидна. Вы знаете это, и я это знаю. Все дело в том, чтобы установить, как все вы несомненно поняли, является ли данный слон неуправляемым свирепым зверем, каким его здесь изобразили. Чтобы внести ясность в этот вопрос, я пригласил несколько свидетелей. Мистер Паклхэммер!

Мистер Паклхэммер занял место на свидетельской скамье, улыбнулся Адриану и приветствовал его ободряющими жестами. Поклялся говорить только правду и приготовился внимательно слушать сэра Магнуса.

– Если не ошибаюсь, мистер Паклхэммер, – сказал сэр Магнус, – вы находились вместе с обвиняемым Руквислом в тот день, когда ему привезли слона.

– Так точно, – подтвердил мистер Паклхэммер, – он привел его ко мне на лесной двор.

– На ваш лесной двор? Назовите конкретно вашу профессию.

– Я гробовщик и плотник, – сообщил мистер Паклхэммер.

– В таком случае ваш двор, надо полагать, был полон всякими предметами вашего производства?

– Простите, сэр, вы о чем? – не понял мистер Паклхэммер.

– Ваш двор был полон гробов и прочих изделий?

– Да, – сказал мистер Паклхэммер.

– Я частенько спрашивал себя, – вступил судья, – как это плотники ухитряются придавать гробам такую форму.

– Уверен, милорд, – мягко заметил сэр Магнус, – что мистер Паклхэммер с радостью покажет вам, как это делается, когда закончится этот процесс.

– Буду весьма благодарен, – отозвался судья.

– Итак, – продолжал сэр Магнус, – вы говорите, что слониху Рози привели на ваш двор. Пока слониха находилась там – если не ошибаюсь, это было два дня – каковы были ее манеры?

– Хлеб, в основном, – ответил мистер Паклхэммер. – Потом мы обнаружили, что она так же охотно ест овощи.

– Нет-нет, я спрашиваю про ее поведение.

– Она вела себя чудесно, – горячо заявил мистер Паклхэммер, – это милейшее животное.

– Стало быть, находясь на вашем дворе, она не причинила вам никаких неприятностей?

– Абсолютно никаких. Золото, а не зверь. И какой работящий. Она помогла нам с Адрианом вымыть двуколку.

– Вымыть двуколку? – переспросил судья.

– Ну да, сэр, понимаете, мы принялись чистить двуколку, и Рози поливала ее водой из хобота.

– Поразительно, – сказал судья. – Вам приходилось когда-нибудь в вашей жизни, сэр Магнус, видеть слона, моющего двуколку?

– Нет, милорд, – ответил сэр Магнус, – чего не было, того не было. Но я не сомневаюсь, что это чрезвычайно умные животные.

– Поразительно, – повторил судья. – Продолжайте, прошу вас.

– Итак, за целых два дня, что слониха находилась на вашем дворе, она не причинила ущерба ни вам, ни вашему имуществу? – спросил сэр Магнус мистера Паклхэммера.

– Никакого ущерба, – решительно молвил тот. – Как я уже говорил вам, она вела себя тихо, как мышь. Рози не способна намеренно кого-нибудь обидеть.

– Благодарю, – сказал сэр Магнус и посмотрел вопросительно на обвинителя.

Однако сэр Огастес, впервые услышавший о пребывании Рози на дворе Паклхэммера, не представлял себе, какие вопросы задавать, а потому ограничился тем, что скорбно покачал головой.

– Вызываю Эмили Нелли Делилу Триклтрот, – возвысил голос сэр Магнус.

– Это еще кто такая? – прошептал Адриан.

– Черная Нелл, – объяснил сэр Магнус.

Черная Нелл, этакая вертлявая птичка в потрепанном оперении, заняла место на свидетельской скамье, где ее голова едва выдавалась над стойкой.

– Если не ошибаюсь, – сказал сэр Магнус, – вы встретились с обвиняемым Руквислом и его слоном, когда направлялись на ярмарку в Татлпенни.

– Точно, – ответила Черная Нелл.

– Ваша профессия – ворожея?

– Колдунья.

По залу пробежал шумок. Присяжные дружно воззрились на Черную Нелл.

– Колдунья? – спросил судья.

– Да, ваша честь, – сказала Черная Нелл. – Я белая колдунья. Черная Нелл – это прозвище.

– Весьма странно. – Судья посмотрел на сэра Магнуса. – Вы не могли бы объяснить нам, как это понимать?

– Разумеется, милорд. Судя по всему, существует два рода колдуний – черные, которые творят злодейские дела, и белые, которые творят добрые дела. Эта леди – белая колдунья, и наряду с колдовством она еще предсказывает судьбу.

– Вы пользуетесь хрустальным шаром? – осведомился судья.

– Иногда, – ответила Черная Нелл. – Довольно редко.

– Когда-то у меня был такой шар, – задумчиво произнес судья. – Но я ничего в нем не видел.

– Это вопрос концентрации, – объяснила Черная Нелл. – Попробуйте как-нибудь смотреть на брильянтовое кольцо.

– Брильянтовое кольцо? В самом деле? Непременно попробую.

– Могу я продолжать, милорд? – спросил сэр Магнус с страдальческим видом.

– Конечно, конечно, – ответил судья.

– Итак, что произошло, когда вы встретились с обвиняемым и его слоном?

– Понимаете, я в это время спала. И вдруг весь мой фургон начал качаться.

– Теперь, – вмешался судья, – нам, видимо, еще предстоит разбираться с колесными экипажами? Кажется, этот фургон еще не упоминался?

– Не упоминался, – подтвердил сэр Магнус. – Речь идет о фургоне, принадлежащем свидетельнице.

– И почему же он начал качаться?

– Потому что об него скребся слон, – сказала Черная Нелл.

– У слонов заведено скрестись о фургоны? – обратился судья к сэру Магнусу.

– Насколько я понимаю, милорд, все толстокожие, найдя подходящие жесткие поверхности, трутся о них, когда чешется кожа, – сообщил сэр Магнус.

– Я вижу, мы так немало узнаем про слонов, – удовлетворенно заметил судья. – Хорошо, продолжайте.

– И когда вы вышли из фургона, – сказал сэр Магнус, – слон набросился на вас?

– Слава Богу, ничего подобного не было, – ответила Черная Нелл. – Он был ручной, словно кролик. Мы потом сели и вместе позавтракали.

– Стало быть, он не повредил ваш фургон и никак не пытался нанести вам какую-либо обиду?

– Никак нет, это животное мухи не обидит.

– Благодарю, – заключил сэр Магнус и снова посмотрел на сэра Огастеса.

Однако сэр Огастес опасался, что его совсем запутают не имеющими отношения к делу подробностями ворожбы, и опять отказался от перекрестного допроса.

– Прошу теперь вызвать Перегрина Филигри, – сказал сэр Магнус.

Мистер Филигри, лицо – сплошная улыбка, вошел враскачку в зал и не без труда втиснулся на свидетельскую скамью.

– Привет, Адриан! – помахал он пухлой рукой. – Как дела?

Судья уставился на него.

– Мистер Филигри, – сказал он, – буду вам признателен, если вы ограничитесь дачей показаний, вместо того чтобы затевать развязную болтовню с обвиняемым.

– Извините, ваша светлость, – покорно отозвался мистер Филигри.

Секретарь суда поднес ему Библию для принесения присяги.

– У вас тут случайно нет молитвенного колеса? – спросил мистер Филигри.

– Что это такое? – удивился судья.

– Насколько я понимаю, милорд, – вступил сэр Магнус, – молитвенное колесо используется исключительно в Тибете и других местах, где главной религией является буддизм.

– И зачем вам нужно молитвенное колесо? – обратился судья к мистеру Филигри.

– Затем, что я буддист.

– Право, сэр Магнус, мне кажется, вряд ли мы можем на этой стадии процесса предложить секретарю суда начинать поиски молитвенного колеса. К тому же я не уверен, что это было бы по закону, – усомнился судья.

– Послушайте, мистер Филигри, – сказал сэр Магнус, – а вы не могли сделать нам такую любезность, поклясться на Библии, сделав вид, что это молитвенное колесо?

– Охотно, – ответил мистер Филигри, – если вам от этого будет легче.

– А теперь, – заявил судья, – может быть, приступим к делу.

– Мистер Филигри, – начал сэр Магнус, – вечером двадцать восьмого апреля обвиняемый, Адриан Руквисл, и его слон прибыли на постоялый двор «Единорог и Лира», который содержите вы и ваша дочь?

– Точно, – заулыбался мистер Филигри. – Это был такой приятный сюрприз!

– Не могли вы своими словами рассказать его светлости и присяжным, как именно это произошло?

– Охотно. – Мистер Филигри сложил свои толстые руки, как для молитвы, и сосредоточил взгляд своих круглых глаз на судье. – Понимаете, у меня много лет не было слонов.

– Не могли бы вы подробнее изложить столь поразительное заявление? – попросил судья.

– Понимаете, когда-то у меня был сто один слон, и самым главным, разумеется, был Пу-Тинь. Но это было довольно давно.

– Верно ли я понял, сэр Магнус, что свидетель утверждает под присягой, будто у него был сто один слон?

– Да, милорд.

– Мне показалось, – продолжал судья, – и прошу вас, сэр Магнус, поправить меня, если я ошибаюсь, что у обвиняемого были изрядные проблемы с одним слоном. Каким образом этот джентльмен ухитрялся успешно управлять сто одним?

– Полагаю, милорд, – учтиво заметил сэр Магнус, – он держал их, находясь в Индии во время одной из своих прежних инкарнаций. Я привлек его в качестве свидетеля только потому, что у него изрядный опыт обращения со слонами.

Судья был сбит с толку еще больше, чем присяжные.

– Очевидно, – сказал он, – этот свидетель выступает здесь в роли эксперта.

– Так точно, милорд.

Присяжные перешептывались и обменивались кивками, точно полный курятник кур, затем председатель встал.

– Простите, милорд, – обратился он к судье, – нельзя ли внести ясность в один вопрос?

– Думаю, следует это сделать, – неуверенно произнес судья. – В этом деле много вопросов, которые мне хотелось бы прояснить. Что вы хотите узнать?

– Понимаете, нас несколько озадачило слово «инкарнация» – что оно означает?

– Хороший вопрос. – Судья с надеждой посмотрел на сэра Магнуса.

– В некоторых странах, – важно произнес сэр Магнус, – где исповедуют не христианство, а буддизм, принято верить, что человек проживает не одну, а несколько жизней.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Филигри.

– Таким образом, – сказал сэр Магнус, – нам чрезвычайно посчастливилось, что мы смогли привлечь свидетелем мистера Филигри, Я бы даже сказал, что еще ни одному суду присяжных не доводилось слушать столь поразительные показания. Вам представляется возможность, джентльмены, ознакомиться с знаниями эксперта, накопленными за много лет общения не только с одним слоном, а, как вы смогли убедиться, с целой сотней принадлежавших ему толстокожих. Конечно же, вы отлично понимаете, что у человека, владевшего сто одним слоном, есть все основания просвещать нас, не столь выдающихся смертных, на чью долю не выпадало привилегии владеть хотя бы одним.

Председатель присяжных был заметно ошеломлен. Он открыл рот раз-другой, будто задыхающаяся золотая рыбка, потом молча сел.

– Мистер Филигри, – продолжал сэр Магнус, – я разъяснил присяжным, что вы подлинный эксперт во всем, что касается слонов. Позвольте теперь попросить вас поделиться с присяжными вашими впечатлениями о слонихе, о которой идет речь, то бишь о Рози.

– Рози, – пропищал мистер Филигри, краснея от волнения, – один из самых милых, самых прелестных слонов, с какими я когда-либо встречался. Единственный ее порок, заслуживающий упоминания, отсутствие клыков.

– Почему отсутствие клыков – порок? – осведомился судья.

– Нет клыков – не в чем сверлить отверстия.

– Сэр Магнус, – сказал судья, – не могли бы вы как-то следить за тем, что говорят ваши свидетели. У меня складывается впечатление, что они приводят факты, не имеющие никакого отношения к рассматриваемому делу.

– Разумеется, милорд, – ответил сэр Магнус.

– Я вовсе не хотел сказать ничего дурного про Рози, – серьезно произнес мистер Филигри, укоризненно показывая пальцем на судью.

– Вы назвали бы ее злобным существом? – спросил сэр Магнус.

– Злобным?! – Мистер Филигри даже побагровел от негодования. – Рози – злобная? Да она один из добрейших слонов, с какими я когда-либо имел дело.

– Благодарю, – заключил сэр Магнус. – И как нам всем понятно, ваши слова основаны на огромном опыте обращения со слонами.

Сэр Огастес не был особенно расположен вести перекрестный допрос, но, упустив перед тем двух свидетелей, он чувствовал, что просто обязан придумать что-то эффектное.

– Мистер Филигри, – язвительно молвил он, – вы не согласитесь с тем, что если мы не разделяем вашу веру в реинкарнацию, то цена вашим показаниям – ноль.

– Ни в коем случае, – пропел мистер Филигри. – Если вы не верите, в том нет вашей вины. Понимаете, я располагаю убедительными свидетельствами. Я рассказывал Адриану про моего кота. Вот вам великолепный пример.

– Сэр Огастес, – вмешался судья, – не знаю уж почему, но всякий раз, когда вы допрашиваете свидетеля, вам удается вовлечь в дискуссию еще какое-то животное. Это сбивает нас с толку.

– Милорд, – отозвался сэр Огастес, – я просто хотел прояснить…

– И вам это не удалось, – отчеканил судья. – Теперь вот у нас появился еще и кот.

– Чудесный кот, – сообщил мистер Филигри. – Он тотчас меня узнал.

– Ваш кот не имеет ровным счетом никакого отношения к рассматриваемому делу, – возразил судья. – Сэр Огастес, то, как вы ведете допрос, ни с чем не сообразно.

– Как скажете, ваша светлость, – сдержанно ответил сэр Огастес. – Тогда у меня нет больше вопросов.

Он сел и бросил злобный взгляд на сэра Магнуса, который откинулся на стуле с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах.

– Свидетель свободен, – сообщил судья, полистал свои бумаги, потом обратился к сэру Магнусу: – Вы намерены вызвать еще свидетелей, сэр Магнус?

– Да, милорд, у меня есть несколько. Судья поглядел на часы.

– Хорошо, в таком случае буду рад, если вы проведете допрос возможно быстрее.

Дальше сэр Магнус вызвал Гонорию, и, к великому удивлению Адриана (у него сердце оборвалось при звуке ее имени), она оказалась отличным свидетелем. Лишь потом он узнал, что такому успешному выступлению способствовали полторы бутылки джина. Заняв место на свидетельской скамье, она давала показания голосом, в котором воодушевление чередовалось с волнением, и великолепный бюст ее грозил вырваться из низкого декольте, приковывая к себе жадные взгляды присяжных. Бе панегирик Рози и своей дружбе со слонихой был подлинным шедевром. С гордо поднятой головой, обливаясь слезами, Гонория говорила, что это она, только она одна повинна в постигшем театр разгроме, потому что напоила Рози джином. Под конец ее речи присяжные дружно вытирали увлажнившиеся глаза, и даже судья вынужден был хорошенько высморкаться, прежде чем отпустил Гонорию.

Следующим место на свидетельской скамье занял Этельберт. Он подтвердил показания Гонории и еще добавил кое-что от себя. В какой-то момент ему было сделано замечание за то, что он назвал судью «дружище»; тем не менее ни у кого в зале не осталось сомнения в том, что Этельберт – честный, искренний свидетель.

Сэр Магнус намеревался вызвать Сэмэнту, но тут Адриан сказал «нет». Он не желал, чтобы Сэмэнта очутилась на свидетельской скамье под градом вопросов сэра Огастеса. Впрочем, он зря волновался, ибо сэр Огастес после неудавшегося перекрестного допроса мистера Филигри сидел, понурившись, точно унылая ворона, и лишь отрицательно качал головой, когда ему предлагали задавать вопросы.

– Теперь, – сказал сэр Магнус, когда удалился Этельберт, – у нас начинает складываться ясная картина.

– Полагаю, вы правы, сэр Магнус, – неуверенно согласился судья.

– Думается, я смог предельно убедительно показать, что слон, о котором идет речь, самый очаровательный и кроткий представитель своей породы. В тех случаях, когда он причинял какой-то ущерб, это было вовсе не умышленно, и винить тут нельзя ни его, ни его хозяина.

– Возможно, сэр Магнус, – вступил судья, – вам и впрямь это теперь совершенно ясно, чего я не могу сказать о себе.

– Прекрасно, милорд, в таком случае, если суд не возражает, прошу повторно вызвать лорда Феннелтри.

Лорд Феннелтри благодушно проследовал на свидетельскую скамью, протер монокль и вставил его в глаз, расточая улыбки.

– Забавно, – отметил он. – Не думал я, что мне придется выступить дважды.

– Лорд Феннелтри, – обратился к нему сэр Магнус. – Не могли бы вы восстановить в памяти события вечера двадцать восьмого апреля? Вечера, когда был устроен бал в честь дня рождения вашей дочери.

– Как же, как же, – отозвался лорд Феннелтри. – Отлично помню.

– Итак, вами было задумано, что вы и обвиняемый въедете на слоне в бальный зал, пра-

вильно?

– Несомненно, – ответил лорд Феннелтри.

– До этого вечера слон проявлял какие-нибудь дурные наклонности?

– Кто – старушка Рози? Конечно же нет. Чудеснейшее животное.

Сэр Магнус удовлетворенно улыбнулся.

– Однако в день бала, – продолжал он, – у обвиняемого возникли все же какие-то сомнения относительно уместности задуманного приключения?

– Сомнения, – усмехнулся его светлость, – да он весь был сплошной комок нервов. Поверьте, этот парень чересчур подвержен волнениям. От этого у него сплошные проблемы. Я все время твердил ему, что волноваться вредно для здоровья.

– Иначе говоря, – сказал сэр Магнус, – он уверял вас, что, может быть, не стоит вводить слона в бальный зал.

– Раз десять в день твердил, если не больше.

– Почему? – спросил сэр Магнус.

– Понимаете, он считал, что это не понравится моей жене. Такое уж впечатление она производит на некоторых людей.

– Могу себе представить, – сухо заметил сэр Магнус. – А потому перед самым праздником он несколько раз пытался убедить вас отказаться от вашего плана.

– Совершенно верно.

– Вечером, когда должен был состояться бал, он по-прежнему опасался за исход вашей затеи.

– Опасался – не то слово, – ответил лорд Феннелтри. – И конечно, когда он обнаружил, что слониха под хмельком, мне стоило великого труда довести до конца задуманное.

– Понятно, – вкрадчиво произнес сэр Магнус. – Таким образом, обвиняемый фактически желал все отменить еще накануне праздника, а перед самым балом, обнаружив, что животное находится в состоянии опьянения, снова всячески пытался уговорить вас отменить эту затею.

– Ну да.

– Иначе говоря, – продолжал сэр Магнус, – мы вправе сказать, что ни животное, находившееся под влиянием алкоголя, ни обвиняемый не были повинны в случившемся на балу погроме, поскольку прямую ответственность за это несете вы.

Наступила пауза, лорд Феннелтри обдумывал неожиданную для него оригинальную постановку вопроса.

– А что, – молвил он наконец, дыша на монокль, протирая его и снова вставляя в глаз, – а что, ведь вы совершенно правы. Это я во всем виноват.

– Руперт! – взревела сидящая в зале леди Феннелтри. – Следи за тем, что говоришь!

– Кто нарушил порядок? – осведомился судья, близоруко озираясь кругом.

– По-моему, это супруга свидетеля, – удовлетворенно сообщил сэр Магнус.

– Мадам, могу ли я попросить вас соблюдать тишину? – спросил судья.

– Не буду соблюдать! – крикнула леди Феннелтри. – В жизни не видела такого бестолкового судью. Я не собираюсь безучастно наблюдать, как вы потворствуете судебной ошибке.

– Ну, ну, дорогая, – воззвал к ней лорд Феннелтри с примирительным жестом, – успокойся.

– Не желаю успокаиваться! – прокричала леди Феннелтри.

– Леди Феннелтри, – сказал судья, – это дело и без ваших замечаний достаточно запутанное.

– Это вы его запутали!

– Мадам, – ледяным тоном произнес судья, – если вы не успокоитесь и не сядете, я буду вынужден распорядиться, чтобы вас удалили из зала суда.

Леди Феннелтри выставила вперед зонтик, точно копье.

– Только попробуйте.

– Удалите эту женщину, – возбужденно скомандовал судья.

Два рослых полицейских направились к леди Феннелтри, которая с замечательным для своей комплекции проворством отступила на три шага и сделала выпад зонтиком. Укол пришелся наиболее рослому полицейскому чуть севернее пупка, и он согнулся, задохнувшись. Тем временем леди Феннелтри развернулась и ударила его коллегу по загривку. Блюстителям порядка понадобилась не одна минута, чтобы укротить ее и с позором удалить из зала суда; присяжные с

увлечением следили за этой процедурой. Уже от дверей донесся последний отчаянный вопль:

– Руперт, только посмей еще что-нибудь сказать!

– Лорд Феннелтри, – сказал судья, – прошу вас извинить нас за то, что пришлось так обойтись с вашей супругой.

– Ничего, дружище, – ответил лорд Феннелтри. – Я просто восхищен. Смогу ли я потом узнать имена этих двух доблестных полицейских?

– Мне можно продолжать, милорд, после этого неприятного инцидента? – осведомился сэр Магнус.

– Прошу вас, – отозвался судья.

– Итак, нам известно, – сэр Магнус направил взгляд на лорда Феннелтри, – что на вас лежит прямая ответственность за вред, причиненный слоном на вашем балу.

– Да-да, – подтвердил лорд Феннелтри. – По-моему, это вполне справедливое заключение, и мне только жаль, что бедняга Адриан попал в такую переделку. Он прекрасный молодой человек, и у него прелестнейшая слониха.

– Благодарю, лорд Феннелтри, – сказал сэр Магнус, – у меня нет к вам больше вопросов.

С этими словами он сел, с торжествующим видом достал из кармана табакерку, зарядил ноздри понюшками, издал оглушительный победный чих и снисходительно улыбнулся сэру Огастесу.

– Ну так, гм, – произнес судья. – Вы желаете сказать что-нибудь, сэр Огастес?

Сэр Огастес, который являл собой довольно жалкое зрелище, встал, дрожа от плохо сдерживаемой ярости.

– Милорд, – сказал он срывающимся голосом, – мне мало что добавить к уже изложенному мной. Могу только сейчас выразить надежду, что обращение моего ученого друга к множеству сомнительных свидетелей никак не повлияло на мнение присяжных об этом деле. На мой взгляд, вызов в суд белых ведьм, бродячих лицедеев с сомнительным моральным обликом и людей, верящих в реинкарнацию, скорее подрывает, чем укрепляет позицию защиты. Сэр Магнус поднялся на ноги.

– Если мне будет позволено вмешаться, – заявил он, – хотелось бы подчеркнуть моему ученому другу, что помимо белых ведьм, странствующих лицедеев и людей, верящих в реинкарнацию, здесь выступил также лорд Феннелтри.

С этими словами он сел, и сэр Огастес устремил на него испепеляющий взгляд такой силы, что Адриан удивился, как сэр Магнус не превратился в облачко черного дыма.

– Полагаю, – продолжал сэр Огастес, – присяжные могут вынести только один вердикт, а именно признать виновность обвиняемого Адриана Руквисла.

Сэр Магнус снова встал.

– Полагаю, милорд, господа присяжные, что моя позиция изложена предельно ясно. Исходя из услышанных здесь показаний, считаю, что мною здесь убедительно подтверждены благонравие как моего подзащитного, так и сопровождающего его благородного животного.

Председатель присяжных уже несколько минут то открывал, то закрывал рот. Теперь и он поднялся на ноги.

– Ну, что там еще? – брюзгливо осведомился судья.

– Извините, ваша честь, – сказал председатель, – но слон, о котором идет речь, тот самый, коего мы в последнюю неделю могли видеть на набережной?

– Да, – ответил сэр Магнус, – слонихе нравится гулять там и играть с малыми детьми.

Председатель сел и принялся совещаться шепотом с остальными присяжными. Сэр Магнус смотрел на них с широкой отеческой улыбкой.

– Полагаю, милорд, – мягко молвил он, – что я вполне могу положиться на здравый смысл присяжных при вынесении справедливого вердикта.

– Конечно, конечно, – отозвался судья, беспокойно перебирая свои бумаги, потом обратился к присяжным: – Нельзя ли перестать там перешептываться и послушать меня?

Председатель снова встал.

– Извините, милорд, – объявил он, – но мы уже вынесли вердикт.

– Как-как? – раздраженно заметил судья. – Я еще должен подытожить результаты судебного следствия.

– Хорошо, сэр, – ответил председатель, садясь. Судья прокашлялся, просмотрел свои запи-

си, потом откинулся в кресле, закрыв глаза.

– Итак, ваша задача, – начал он, – решить – виновен или невиновен обвиняемый Адриан Руквисл.

Он открыл глаза и окинул присяжных торжествующим взглядом.

– В этом, так сказать, заключается суть всего дела. Однако есть вещи, кои вам надлежит обдумать, прежде чем вы твердо решите, виновен он или невиновен. Мы выслушали тут много показаний. – Он как-то безнадежно еще раз перебрал свои бумаги. – Много показаний – одни за, другие против. Так вот, в мои обязанности не входит разъяснять, как вам следует думать, я должен только направить вас по верному пути. Вы совершенно свободны посчитать обвиняемого виновным, даже если он невиновен. С другой стороны, вы точно так же можете посчитать его невиновным, если он виновен. В этом вся прелесть нашей системы правосудия. Я нахожусь здесь лишь для того, чтобы помогать вам не заблудиться в лабиринтах закона.

Судья остановился, тихо прокашлялся, перебирая бумаги, причем некоторые из них слетели на пол.

– Итак, – продолжал он, – мы выслушали показания, из которых убедительно следует, что Адриан Руквисл, владея слоном и, вероятно, контролируя его, дозволил ему причинить изрядный ущерб как людям, так и имуществу. Однако от вашей проницательности не могло ускользнуть, что этим показаниям противостоят другие показания, убедительно свидетельствующие, что животное, о котором идет речь, не обладает злобным нравом и что обвиняемый против своей воли оказался вовлеченным в дурные ситуации.

Судья остановился и обратил пристальный взгляд на председателя присяжных.

– Вы следите за ходом моих рассуждений? – спросил он.

Присяжные дружно кивнули.

– Итак, вам надлежит, – судья наставительно поднял указательный палец, – вынести вердикт «невиновен» в том случае, если, по вашему мнению, обвиняемый Адриан Руквисл на самом деле, э, гм, невиновен. С другой стороны, если, по вашему мнению, он виновен, вам надлежит без страха и предубеждения, приняв во внимание, как я уже сказал, все стороны рассмотренного дела, вынести вердикт «виновен». Есть целый ряд моментов, кои вам следует обдумать, тщательно обдумать, например, вопрос, который для меня так и остался невыясненным, а именно: любят ли слоны пить джин. А также вы, возможно, пожелаете обдумать то, что мне представляется чрезвычайно важным показанием, из коего вытекает, что слон скользил по паркету. Столь авторитетный знаток законов, как сэр Магнус, заверил нас, что слоны могут скользить по паркету. Стало быть, если признать этот факт, мы должны заключить, что слон, о котором идет речь, действительно скользил по паркету и, как было проницательно замечено сэром Огастесом, причинил изрядный ущерб. Возьмем далее свидетельство, касающееся фургона. Вы вправе спросить себя – все вместе или каждый в отдельности – в самом ли деле слон просто поскребся о фургон или это было неспровоцированное нападение? Тот факт, что свидетельница, находившаяся в тот момент внутри фургона, не пострадала, никак не должен повлиять на ваш вывод. Она могла и впрямь быть жертвой неспровоцированного нападения, не сознавая этого, а может быть, как предполагает защита, слон просто поскребся о фургон. Итак, джентльмены, вам надлежит выполнить священный долг. Вы выслушали доводы обеих сторон, как обвинения, так и защиты, теперь вам предстоит рассмотреть все изложенные вам детали и составить себе общую картину. Моя обязанность сводится всего лишь к тому, чтобы разъяснять вам то, что нуждается в разъяснении. А теперь прошу вас удалиться и спокойно взвесить все обстоятельства дела, и если ваш вердикт будет гласить «виновен», то никто не вправе будет упрекнуть вас за это. С другой стороны, если, опираясь на свою мудрость и располагая всеми фактами, вы вынесете вердикт «невиновен», вас опять же никто не осудит. В заключение позвольте только выразить надежду, что мои слова в какой-то мере помогут вам сформулировать правильное решение. Можете удалиться и обдумать ваш вердикт.

Председатель жюри поднялся на ноги.

– Мы решили не удаляться, ваша светлость, – сообщил он.

– Весьма необычно, – сказал судья. – Вам необходимо время, чтобы поразмыслить и посовещаться.

– Мы поразмыслили, милорд, – ответил председатель.

– Ну, – неохотно молвил судья, – и каков же ваш вердикт?

– Понимаете, сэр, нам хотелось бы окончательно прояснить для себя один вопрос, прежде чем мы огласим наш вердикт. Этот слон, о котором идет речь, действительно тот самый, что играл с моими детишками на набережной?

– Полагаю, сэр Магнус, – сказал судья, – вы лучше, чем кто-либо, в состоянии ответить на этот вопрос.

– Да, – обратился к присяжным сэр Магнус, – если у вас есть дети, которые в последние дни играли на набережной, то, вне всякого сомнения, они играли со слоном, о котором идет речь.

– В таком случае, – заявил председатель жюри, – наш вердикт – невиновен.

В зале раздались аплодисменты, к которым рассеянно присоединился сам судья. Когда они стихли, судья прокашлялся и воззрился на Адриана.

– Адриан Руквисл, – объявил он, – вы признаны виновным в предъявленных вам обвинениях.

– Простите, милорд, – вмешался председатель, – но мы нашли его невиновным.

– О? – произнес судья. – В самом деле? Итак, вы признаны невиновным в предъявленных вам обвинениях, а посему мой священный долг проговорить вас, – он замялся, собираясь с мыслями, – мой священный долг снять с вас все обвинения без каких-либо последствий для вашей репутации.

Судья перевел взгляд на присяжных.

– Вы добросовестно и честно выполнили свои обязанности, – возвестил он, – потрудились на совесть. А посему освобождаю вас от выполнения обязанностей присяжных на следующий год.

Он безучастно перебрал свои бумаги, потом наклонился к секретарю суда.

– У нас есть в списке еще дела? – справился он хриплым шепотом.

– Нет, милорд, – ответил секретарь, – это было последнее.

– Отлично. – Судья выпрямился и посмотрел на Адриана. – Только еще один момент, – сказал он ему, – не могли бы вы сделать мне одно маленькое одолжение?

– Охотно, милорд, – ответил Адриан.

– Мне очень хотелось бы посмотреть на слона, о котором идет речь, – сообщил судья и робко добавил: – Понимаете, я в жизни не видел живых слонов.

– Разумеется, милорд, – отозвался Адриан, – я собираюсь сейчас же пойти и сообщить Рози приятную новость, так что если ваша светлость пожелает – присоединяйтесь.

– Отлично, – пропищал судья. – Встретимся у выхода через несколько минут, мистер Руквисл.

Он сорвался с кресла и метнулся к двери, провожаемый глазами почтительно вставших членов суда и зрителей.

Глава двадцать первая
ВЕРДИКТ

Адриан покинул свидетельскую скамью, с трудом переставляя ноги; через весь зал к выходу он словно плыл на волне доброжелательства. Сэр Магнус поддерживал его за одну руку, лорд Феннелтри за другую, а мистер Филигри и Этельберт семенили впереди, путаясь у них под ногами. Наконец они очутились на улице, где их ожидала Сэмэнта. Она улыбнулась Адриану.

– Я рада, что тебя выпустили, – сказала она.

– Правда? – спросил он.

– Правда.

Глядя на ее большие зеленые глаза с золотыми искорками, Адриан почувствовал, что краснеет до корней волос.

– Я… я очень рад, что ты рада, – тупо вымолвил он. Почему-то Сэмэнта тоже покраснела.

– Да, я очень рада, – повторила она.

– Когда вы окончательно убедите в этом друг друга, – вмешался сэр Магнус, – предлагаю отправиться ко мне и выпить за победу.

– Сэр Магнус, – обратилась к нему Сэмэнта, – мы чрезвычайно благодарны вам за то, что вы сумели выручить Адриана и Рози.

– Ерунда, – отозвался сэр Магнус. – Пустяки.

– Знаете, – подключился лорд Феннелтри, – у меня такое впечатление, что я не очень-то способствовал вашей защите.

Этельберт покатился со смеху; Гонория была даже вынуждена подхватить его, чтобы он не упал.

– А еще вот что, дружище, – продолжал лорд Феннелтри, обращаясь к Адриану, – если вы не против, можно мне побыть с вами, куда бы вы ни направились? Дадим моей супруге время собраться с мыслями.

– Что до меня, – произнес Адриан с внезапной решимостью, – то я знаю, куда направлюсь. Я возвращаюсь в «Единорог и Лиру» – если хозяева не возражают.

– А Рози? – всполошился мистер Филигри. – Рози возьмете с собой?

– Если можно. – Адриан посмотрел на Сэмэнту.

– Думаю, у нас найдется для вас место, – сказала она.

– Может быть, у вас найдется на короткий срок местечко у огня и для меня? – спросил лорд Феннелтри, пристально глядя через монокль на Сэмэнту.

– Послушайте, – взволнованно пропищал мистер Филигри, – почему бы нам всем не отправиться туда? Места у нас хватит на всех, и мы могли бы устроить вечеринку.

– Замечательная идея, – сказал сэр Магнус.

– «Сплошпорт Куин» скоро отходит, – напомнил лорд Феннелтри. – Пересечем пролив на пароме, а дальше леди могут занять места в моем ландо, а мужчины поедут поездом.

– Сомневаюсь, чтобы для Рози нашлось место в поезде, – заметил Адриан. – Нет уж, вы давайте поезжайте вперед, а я приведу Рози.

– Чепуха, мой мальчик, – сказал сэр Магнус, помахивая тростью. – Я знаком с начальником вокзала. Уверен, мы найдем местечко для Рози, если не в вагоне первого класса, то где-нибудь еще.

В эту минуту к ним присоединился судья; Адриан с великим удивлением увидел на нем, словно надетый по ошибке, костюм в пеструю клеточку. Услышав от Адриана, что задумано у его друзей, судья устремил просительный взгляд на Сэмэнту.

– Полагаю, лорд Тэрви, – тактично произнесла она, – может быть, и вы не против посетить «Единорога и Лиру»?

– Дитя мое, – отозвался судья, – я буду просто счастлив. Так уж случилось, что на несколько дней я свободен от отправления правосудия, и короткий отдых в сельской местности пойдет мне только на пользу.

– Отлично, – заметил сэр Магнус. – Мне предоставится случай обсудить с вами следующее дело.

– Не знаю, насколько это соответствует этическим нормам, – усомнился судья.

– Ну, а я так не вижу смысла в вашем присутствии, если вы откажетесь обсудить со мной дело, – сказал сэр Магнус.

– Ладно, – уступил судья, – думаю, в данном случае это возможно.

Неохотно покинув Гонорию, Черную Нелл и Сэмэнту на попечении лорда Феннелтри, Адриан вместе с сэром Магнусом, лордом Тэрви, мистером Паклхэммером, Этельбертом и мистером Филигри направился в дом своего защитника.

Как только они пришли туда, Адриан помчался в конюшню, где его радостным писком приветствовала Рози.

– Ну, несчастная, вредная, пьяная тварь, – нежно произнес он, крепко обнимая хобот слонихи, – кажется, мы благополучно отделались.

Рози, которую исход дела не слишком волновал, поняла тем не менее, что у Адриана хорошее настроение, а потому еще раз пискнула, махая ушами.

– Восхитительно, – произнес судья; он последовал за Адрианом в конюшню и теперь стоял подле задних ног Рози, меряя ее взглядом. – Сэр Магнус был совершенно прав, говоря, что она не могла достать хоботом до канделябра.

– Это хвост, – пояснил Адриан. – Хобот с этой стороны.

– О, – молвил судья.

Порывшись в кармане, он извлек оттуда лорнет и, поднеся его к глазам, продолжал с интересом изучать зад слонихи.

– Вы совершенно правы, – заключил он. – У него на кончике волосы.

После чего зашел спереди и снова уставился на Рози через лорнет.

– Восхитительно, – повторил он. – Просто восхитительно.

– Ну-ка, пошли! – нетерпеливо позвал их сэр Магнус, врываясь в конюшню. – Если не поспешим, опоздаем на паром.

Адриан взял Рози за ухо и, сопровождаемый своей свитой, повел ее в порт. Плавание через пролив прошло без происшествий, если не считать, что сэр Магнус и судья пели дуэтом матросские песни. Сойдя с парома, леди последовали с лордом Феннелтри, а остальные поспешили на станцию, где сэр Магнус, то повышая голос, то умасливая, добился того, что к поезду, отходящему на Монкспеппер в 15.45, прицепили открытую платформу, куда Рози поднялась как ни в чем не бывало.

– А теперь, Берт, – обратился сэр Магнус к начальнику станции, – стулья давай, стулья.

– Стулья, сэр Магнус? – озадаченно повторил начальник станции.

– Вот именно, стулья. Из зала ожидания. Чтобы нам было, на чем сидеть.

– Но разве вы поедете не в купе, сэр Магнус?

– Разумеется, нет, – ответил сэр Магнус. – Если платформа годится для Рози, она подходит и для меня. Был бы только обыкновенный стул.

Взбудораженный начальник станции распорядился, чтобы из зала ожидания принесли скамейку и два стула, которые и расставили на платформе рядом с Рози. После чего Этельберт, мистер Паклхэммер и Адриан разместились на скамейке, а сэр Магнус хмуро опустился на один стул и посадил судью на другой. Зарядив ноздри доброй понюшкой, сэр Магнус оглушительно чихнул и сказал начальнику станции:

– Порядок, Берт, можешь давать отправление.

От его внимания явно ускользнул тот факт, что отправление поезда уже задерживается на двадцать минут и большинство пассажиров не скрывает своего беспокойства. Начальник станции вытер лоб, выдул из своего свистка мелодичную трель, помахал зеленым флажком, и поезд, тронувшись с места, потащился, звякая суставами, за город.

Был чудесный, жаркий летний день, кругом простирались зеленые и желтые поля, и небо было голубым, как глаза сиамского кота. Адриан с удивлением думал о том, что за каких-нибудь два-три часа они покроют все те изнурительные километры, которые они с Рози мерили своими

ногами.

Путники вышли на маленькой станции у селения Парсонс Фартинг и прошагали километра два с хвостиком по пыльной дороге до «Единорога и Лиры».

– Дружище, – восхищенно произнес Этельберт, – я и не подозревал, что за городом такие просторы, а сколько тут зелени, какая листва.

– В Папуа листья куда больше, – сообщил мистер Филигри. – Никакого сравнения.

И он расставил свои короткие толстые руки, показывая, какие огромные листья в Папуа.

– Не знаю, как вам, – обратился сэр Магнус к мистеру Паклхэммеру, – но мне кажется, сейчас нам весьма кстати пришелся бы кувшин пива.

– Не только сейчас, – отозвался мистер Паклхэммер. – Мой опыт показывает – какие-то вещи приходятся кстати, какие-то нет, но кувшин пива никогда не помешает.

– Знаете, – сообщил судья, созерцая Рози, – без моих очков мне по-прежнему трудно определить, какой конец я вижу.

– Конец чего? – спросил сэр Магнус.

– Рози, – ответил судья.

– Надеюсь, – пропел мистер Филигри, семеня по дороге, – у Сэмэнты найдется что поесть. Я знаю, что напитков у нас предостаточно.

– Лишь бы было предостаточно напитков, – заметил сэр Магнус. – Остальное не так важно. Случайно у вас нет вишневки?

– Есть вишневка, и немало, – сказал мистер Филигри. – Я заказал однажды три бочонка, но, к сожалению, она не пользуется спросом.

– Лишнее подтверждение того, – заключил сэр Магнус, заряжая ноздри табаком и чихая, – что нынешним неведомо понятие хорошего вкуса.

Наконец они обогнули последний поворот и увидели «Единорога и Лиру», который, несмотря на золотистую камышовую кровлю, больше всего походил на благодушно растянувшегося на земле черно-белого кота.

– Ур-ра! – ликующе завопил Этельберт, коему явно ударил в голову деревенский воздух. – Пришли!

Тут же отворилась дверь «Единорога и Лиры», и на пороге появились лорд Феннелтри и Сэмэнта.

– Как доехали? – спросил его светлость.

– Отлично! – крикнул сэр Магнус, приветственно взмахнув тростью. – Я решил, что куда удобнее путешествовать на открытой платформе вместе со слоном, чем в купейном вагоне в окружении кучи зануд.

– Или мокриц, – добавил судья, покатываясь со смеху.

– Сэм, дорогая, – озабоченно выдохнул мистер Филигри, – как там у нас с едой?

– О, можешь не беспокоиться, – сообщила Сэмэнта. – Лорд Феннелтри – добрейший человек на свете. По пути мы остановились, и он настоял на том, чтобы закупить всякую всячину.

Она провела всех на лужок за домом, где они увидели накрытый белоснежной скатертью длинный стол на козлах, изнемогающий под тяжестью съестных припасов. Тут был целый взвод холодных жареных фазанов, полный поднос яиц ржанки, горы устриц, огромный копченый окорок, розовый и нежный, словно облако на закате, жареный задок бычка, равного которому, наверно, не было во всей округе.

– Вы чрезвычайно добры, лорд Феннелтри, – сказал Адриан. – Особенно если учесть, что я выиграл дело.

– Дружище, – серьезно произнес его светлость. – Я не стал бы ничего покупать, проиграй вы дело, но мне подумалось, что легкая закуска всем нам поможет восстановить силы после путешествия.

– Я был бы совершенно счастлив, – невнятно молвил сэр Магнус, жуя устриц и яйца, – если бы мне предложили глоточек вишневки, о которой нам говорил мистер Филигри.

– Конечно, конечно, – отозвался мистер Филигри, стирая с губ крошки пирога, после чего просеменил в дом и вернулся с небольшим бочонком, возле коего тотчас занял пост сэр Магнус.

На изумрудную лужайку легли длинные тени; за столом царили мир и доброжелательство. Мистер Паклхэммер тихо напевал себе под нос, размахивая пивной кружкой. Черная Нелл, справившись с приступом икоты, изучала ладонь Гонории и предсказывала ей карьеру, которой поза-

видовала бы Сарра Бернар. Лорд Феннелтри лежал на траве, словно в трансе, созерцая небо и слушая длинную сложную лекцию судьи на темы правоведения. Адриан, сидя напротив Сэмэнты, смотрел, как солнечные лучи, просачиваясь через древесную листву, рисуют яркие узоры на ее медно-рыжих волосах. Потом вдруг, не в силах больше любоваться такой красотой, встал и направился в конюшню под предлогом необходимости проверить, как там Рози.

Она сперва присоединилась было ко всей компании, однако деликатесы на столе пришлись ей не по вкусу, и Адриан позволил ей выпить всего три кружки пива, тоща Рози удалилась в конюшню, чтобы утешиться морковью и свеклой. Войдя в стойло, Адриан остановился, глядя на свою громадную серую подопечную. Рози посмотрела на него блестящими маленькими глазами и приветственно пискнула.

– Тебе хорошо, – с горечью произнес Адриан, прохаживаясь взад-вперед мимо стойла. – Тебе лишь бы брюхо набить да напиться вволю. Ты счастливая. А как насчет меня? Ты когда-нибудь задумывалась обо мне?

Он сделал драматическую паузу и поглядел на Рози. В животе слонихи раздалось мелодичное бурчание, и она осторожно коснулась хоботом его шевелюры.

– Взять хоть ее, – продолжал Адриан, – там за столом. Такая же бессердечная, как всегда. Ни малейшего поощрения с ее стороны. Честное слово, не вижу, зачем нам здесь оставаться.

Рози глубоко вздохнула. Адриан снова принялся мерить шагами конюшню.

– Ладно, может быть, пробудем здесь еще день-другой, – сказал он; при одной мысли о разлуке с Сэмэнтой ему делалось нехорошо. – Чего я не пойму, так это – почему она себя так ведет? Можно подумать, это я вовлек тебя во все эти передряги, а не наоборот. Но ведь теперь-то мы свободны, так в чем дело?

Рози положила на пол крупную свеклу и тихо перекатывала ее взад-вперед передней ногой, однако негромко пискнула, давая Адриану понять, что слушает его.

– Нет, – твердо произнес Адриан, – прежде чем решим задержаться тут, необходимо внести полную ясность. Я не собираюсь терпеть, чтобы меня третировала эта неблагодарная особа.

Рози чувствовала, что Адриан недоволен, но чувствовала также, что его недовольство направлено не на нее, а потому нисколько не беспокоилась.

– Я буду с ней тверд, – Адриан приосанился и решительно выпятил подбородок. – Скажу ей, что она ведет себя, как ребенок. Так и скажу.

Он метнул в Рози торжествующий взгляд, и она еще раз пискнула, выражая свое одобрение.

– С женщинами надо держаться твердо, – продолжал Адриан. – Возьми хоть леди Феннелтри. Правильно с ней обошлись. Они чересчур о себе воображают.

Однако как ни расстроен был Адриан, он не видел ровным счетом никаких черт сходства

между леди Феннелтри и Сэмэнтой.

– Пойду-ка я, Рози, – сказал он, грозя ей пальцем, – постараюсь внести полную ясность. Иначе и до завтра не останусь под этой крышей.

Причиной столь внезапно овладевшей им решимости было то, что, любуясь лицом Сэмэнты, ее белозубой улыбкой и теплым цветом волос, глядя, как она смеется, флиртуя с сэром Магнусом, он нечаянно хлебнул из его кружки изрядное количество пива, смешанного с вишневкой.

Направляясь широкими шагами к дверям, Адриан еще раз обернулся, чтобы поглядеть на Рози.

– Я скоро вернусь, – сообщил он ей, – и доложу тебе свое решение.

Пытаясь выглядеть таким же жестокосердным и неумолимым, как сэр Магнус, допрашивающий свидетеля обвинения, Адриан прошагал обратно к столу. Черная Нелл в эту минуту рассказывала Гонории, что видит ее замужем за богачом с четырнадцатью детьми. Мистер Филигри, стоя на четвереньках, беседовал шепотом с жуком-оленем. Сэр Магнус, обняв одной рукой плечи мистера Паклхэммера, с большим воодушевлением пел вместе с ним «Солдаты королевы». Этельберт под звуки этой песни исполнял, как ему казалось, восточный танец живота, а лорд Феннелтри по-прежнему лежал в полном трансе на траве, слушая лорда Тэрви.

– Где Сэмэнта? – гаркнул Адриан.

Точнее, он намеревался гаркнуть, на самом же деле ему пришлось несколько раз прокашляться, прежде чем он смог выговорить эти слова.

– Сэмэнта? – отозвалась Гонория, удивленно озираясь. – Кажется, она пошла в дом.

– Отлично, – прорычал Адриан.

Эффект его драматического явления был несколько подпорчен тем, что он едва не споткнулся о мистера Филигри, направляясь к «Единорогу и Лире». Войдя в просторную кухню с каменным полом, темными балками и приветливо поблескивающими рядами кастрюль, он увидел Сэмэнту; она стояла у окна, глядя вдаль. Адриан решительно пересек всю кухню и остановился за спиной у Сэмэнты. Прокашлялся.

– Сэмэнта, – резко произнес он, – мне нужно поговорить с тобой.

– Лучше бы тебе заткнуться, – отрезала Сэмэнта.

– Нет уж, лучше ты не вздумай командовать мной, – парировал ошеломленный Адриан и засунул руку под край пиджака на манер Наполеона.

– Если ты сейчас же не замолчишь и не уберешься, я не отвечаю за себя, – отчеканила Сэмэнта, поворачиваясь к нему и сверкая глазами.

– Полегче, – сказал Адриан, отступая на шаг. – Ты ведешь себя, точно ребенок.

– А ты, – выпалила Сэмэнта, – ты пьян.

– Я вовсе не пьян, – возразил потрясенный Адриан. – Ничуть не пьянее других.

– Ты пьян, – настойчиво повторила Сэмэнта, – иначе не посмел бы говорить со мной таким повелительным тоном, словно… словно ты обращаешься к *лошади.*

– К лошади? – ужаснулся Адриан. – Я никогда не обращался к тебе, словно к лошади.

– Именно так. Словно я очень старая и очень плохо объезженная лошадь.

И с этими словами она, к великому испугу Адриана, разразилась рыданиями.

– Перестань, ради Бога, – взмолился Адриан. – Прости… извини меня… только перестань плакать.

– Я не плачу, – ответила Сэмэнта, заливаясь слезами.

– А что же ты тогда делаешь? – спросил Адриан с наигранным весельем. – Принимаешь душ?

Сэмэнта слегка опешила, потом неожиданно рассмеялась сквозь слезы.

– Нет, ты балда, – нежно произнесла она. Адриану показалось, что кто-то пронзил его сердце раскаленным вертелом.

– О, Сэмэнта, – вымолвил он, – я так тебя люблю. Сэмэнта посмотрела на него.

– Что ж, – заметила она погодя, – это похоже на взаимное чувство.

– Ты хочешь сказать, – заговорил Адриан, не веря своим ушам и чувствуя себя так, будто он вознесся в стратосферу на воздушном шаре, – ты хочешь сказать, что я… что ты… что ты и я… что ты…

– Долго же ты собирался признаться мне, – отозвалась Сэмэнта.

– Нет, ты в самом деле хочешь сказать, – твердил Адриан, – что я… что ты…

– Знаешь что, – сказала Сэмэнта, не сводя с него глаз, – если ты еще долго будешь так заикаться, не видать нам медового месяца.

Адриан пылко обнял Сэмэнту и поцеловал ее теплые губы. Затем поцелуями осушил ее слезы (самые крупные и прелестные, какие когда-либо проливала *любая* другая женщина) и снова поцеловал губы, проверяя, в самом ли деле они такие же мягкие и нежные, как розовые лепестки.

– Ты хочешь сказать, что согласна выйти замуж за меня? – спросил хрипло.

– Возможно, это новость для *тебя,* – ответила Сэмэнта, – но я решила выйти замуж за тебя в ту самую минуту, когда увидела тебя лежащим на диване вечером после того несчастного случая с поездом.

Адриан снова недоверчиво воззрился на нее, потом еще раз поцеловал.

– Я должен кому-нибудь сказать об этом, – сообщил он.

После чего промчался через всю кухню к задней двери.

– Эй!! – заорал он, выскочив на лужайку. Мирных, малость хмельных персонажей сцены под дубами будто ударило током. Даже лорд Феннелтри сел.

– Я женюсь на Сэмэнте! – прокричал Адриан.

– Хочешь сказать, что ты только сейчас это обнаружил? – брюзгливо произнес сэр Магнус.

– Но… откуда вам это было известно? – удивился Адриан.

– Секрет, – ответил сэр Магнус. – Есть такое понятие, как профессиональная тайна, которая не терпит разглашения.

– Ты женишься на Сэм? – воскликнул мистер Филигри, прервав беседу с жуком и вскочив на ноги.

– Если вы не против, – сказал Адриан.

– Не против? Да это просто замечательная новость. Выходит, мы теперь *породнимся* с Рози!

– У вас случайно не найдется шампанского? – беспечно справился Адриан.

– Отличная штука, – заметил сэр Магнус. – Ничто так не подходит для тоста, как шампанское с вишневкой.

Вся компания дружно проследовала на кухню, и пока мистер Филигри доставал шампанское (чуток теплое, но от того нисколько не хуже), Гонория и Черная Нелл осыпали поцелуями Сэмэнту, после чего Гонория вдруг разрыдалась.

– С чего это ты льешь слезы? – осведомился Этельберт.

– Я всегда плачу на свадьбах, – с достоинством произнесла Гонория.

– Но ведь это еще не свадьба, – возразил Этельберт.

– *Почти* свадьба, – парировала Гонория.

Шампанское разлили по бокалам, и сэр Магнус предложил выпить за счастливую пару, что и было сделано с большим воодушевлением. Адриан приготовился в сороковой раз поцеловать Сэмэнту, когда вдруг вспомнил про Рози.

– Боже, – сказал он, – я совсем забыл про Рози. Ей тоже следует выпить по этому случаю.

– Я приведу ее, – пропел мистер Филигри, – приведу бедняжку.

И он выпорхнул из кухни.

– Надеюсь, – обратился к Сэмэнте лорд Феннелтри, – вы окажете мне честь, позволите навещать вас, когда поженитесь?

– Вы всегда будете одним из наших самых желанных гостей, – ответила Сэмэнта. – Да что я – не только вы, все, кто здесь собрался!

– Разумеется, – подхватил Адриан.

В эту самую минуту вновь появился мистер Филигри. Тяжело дыша, весь потный и красный, он вбежал на кухню со всей скоростью, на какую был способен при своем весе.

– Адриан, – пропищал он, – Адриан, *живей!*

– Что случилось! – испуганно осведомился Адриан.

– Это Рози! Пользуясь тем, что мы ушли, она схватила бочонок с вишневкой и умчалась с ним.

О Господи, подумал Адриан, начинается все сначала.

– Быстрей, – распорядился сэр Магнус. – Мы должны окружить ее, пока не убежала слиш-

ком далеко. Вперед!

И он выскочил из кухни с развевающимися сзади фалдами визитки, преследуемый по пятам Гонорией, Черной Нелл, Этельбертом, мистером Паклхэммером и судьей. За ними трусил вразвалку мистер Филигри.

Адриан повернулся к Сэмэнте.

– Ты *точно* хочешь выйти замуж за меня?

– Абсолютно точно.

– Даже несмотря на Рози?

– Главным образом из-за нее, – улыбнулась Сэмэнта. Адриан быстро поцеловал ее.

– В таком случае я отлучусь на минутку, – сказал он. – Я должен поймать моего единственного здравствующего родственника.

И он выбежал на солнце и поспешил вдогонку за остальными.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ
(О Дж. Даррелле и его книгах)

Нет свидетеля честнее книжной полки. Пишущий человек часто выглядит умнее, чем он есть на самом деле, ибо тексту легко удается выглядеть лучше автора; уж, во всяком случае, начитанней. Писать в определенном смысле проще, чем читать. Но библиотека знает все о страстях своего владельца. Потертость корешка – верный знак не только любви, но и постоянства; мимолетное чувство не оставляет следов на переплете. Только когда книгу читают постоянно с детства, она приобретает благородную обветшалость – «печальное очарование вещей». Среди таких книг на моих полках – засаленный «Пиквик», несколько растрепанных томов Гоголя и Достоевского, «Швейк», Конан Дойл, «Три мушкетера», конечно, и еще – неопрятная серо-бурая пачка, засунутая в угол, чтоб не вываливалась. Это – десяток даррелловских книг. Зачитаны все, но одна, без признаков обложки, хуже всех – это самая первая, «Перегруженный ковчег». Мы оба появились на свет в 1953 году, но она, по-моему, сохранилась хуже. Что и неудивительно: я ее читал, сколько себя помню.

За столько лет я убедился в том, что книги Даррелла обладают терапевтическими свойствами: они от всего помогают, от двоек до старости. Не всем, конечно. Но ведь и кошку не всякий погладит.

Читатели Даррелла становятся членами клуба: они образуют всемирное тайное общество. «Тайное» – потому, что сами о нем не знают, пока не встретят себе подобного. Зато потом – не разлей вода: родство душ.

В России Даррелла любили совсем уж запойно. Я думаю, что мы у него вычитывали то, чего другим и не приходило в голову: вопиющую аполитичность. Даррелла, в отличие от большинства окружавших нас писателей, нельзя было вставить в идеологический контекст. В его книгах не было не только правых и левых, но даже правых и неправых. Герои Даррелла делятся не на положительных и отрицательных, а на людей и зверей. Причем, что редкость среди истинных любителей животных, Дарреллу нравятся и те и другие.

Есть только два успешных способа взаимоотношения с миром: первый – ко всем относиться плохо, второй – хорошо. В обоих случаях. Мир не обманет ваших ожиданий.

У Даррелла есть одна чисто английская черта, которой я смертельно завидую: он напрочь отказывается признавать существование зла. Зло он считает экстравагантностью, забавной причудой, милой чудаковатостью, смешным капризом характера.

Наверное, он этому научился у зверей. Разве может быть зло в мире животных? Они же не доросли до зла – их ведь никто не изгонял из райского сада. Даррелла, кажется, тоже. Одна из его книг о Корфу так и называется: «Сад богов».

Трилогия о Корфу – шедевр Даррелла. Хотя, в отличие от других его сочинений, люди тут играют куда большую роль, чем звери. Оправдываясь, Даррелл пишет: «Я сразу сделал серьезную ошибку, впустив на первые страницы своих родных. Очутившись на бумаге, они принялись укреплять свои позиции и наприглашали с собой всяких друзей во все главы».

Даррелл так сочно описал свою чудную, взбалмошную семью, что она уже перестала быть его собственностью. (Нечто похожее, только с горькой поправкой на ухабы отечественной истории, сумел проделать со своей родней Довлатов.) Даррелловскую семью хочется взять напрокат – в его родственников можно играть. Собственно, дома мы так много лет и делаем.

Я давно заметил, что любимые книги живут по законам мифа: они требуют не только умственных досугов, но и физического действия. Поэтому поклонники Достоевского бредут петербургским маршрутом Раскольникова, любители Булгакова гуляют у Патриарших прудов, знатоки Конан Дойла рыщут по девонширским болотам (об этом я еще когда-нибудь расскажу). Вот так же и с Дарреллом. Прошлым летом я наконец отправился в литературное паломничество туда, где он провел свое удивительное детство, – на Корфу.

Дом Даррелловв я нашел по описанию в книге. За прошедшие полвека он мало изменился. Правда, в нем открылся ресторанчик. Могло быть хуже. В 60-х на Корфу начался пляжный бум, заманивший сюда солнцем и дешевой драхмой английских туристов. К счастью, даррелловские пенаты уцелели. Хочется думать, что их спасла литературная слава владельцев. Во всяком случае, в гостиной на самом видном месте висит портрет Даррелла. Правда, не Джеральда, а его еще мало известного в России старшего брата Лоренса, знаменитого, а многие считают, что и великого английского прозаика, автора утонченного «Александрийского квартета».

Лучшим памятником *нашему* Дарреллу служит тот клочок греческого пейзажа, что виден с крыльца: густое чернильное море, лысые горы на близком горизонте и ленивые ящерицы на растрескавшейся штукатурке. Эти греческие декорации так похожи на эдемские, что людям и зверям тут легче ужиться, чем где бы то ни было. Отсюда ближе к Золотому веку, который существовал не с начала времен, а до начала времен; отсюда ближе к детству; отсюда и книги Даррелла – все они переведены с детского. Наверное, это и помогло ему создать свою обаятельную зоологическую прозу. Сумев удержаться на грани, отделяющей ученое занудство от дилетантского умиления, Даррелл заманивал в мир животных и тех, кто чувствовал себя здесь чужим.

Секрет Даррелла в том, как он лепил «образ» зверя. Животные у него никогда не превращаются в симпатичных диснеевских зверюшек. Он никогда не пользовался любимым приемом всех баснописцев – антропоморфизмом, то есть приемом наделения зверей человеческими чертами. Звери у Даррелла всегда остаются самими собой. Они *не люди,* этим и интересны.

Мне кажется, что ключ к даррелловской зоологической поэтике можно найти у Осипа Мандельштама. Как известно, в зрелые годы поэт отчаянно увлекался естественно-научными дисциплинами, много читал натуралистов и оставил замечательно проницательные заметки об их стиле. Так, говоря об источниках научного красноречия великого систематика Карла Линнея, Мандельштам писал нечто такое, что объясняет и прозу Даррелла: «В зоологических описаниях Линнея нельзя не отметить преемственной связи и некоторой зависимости от ярмарочного зверинца. Владелец странствующего балагана или наемный шарлатан-объяснитель стремятся пока-

зать товар лицом… Я хочу лишь напомнить, что натуралист – профессиональный рассказчик, публичный демонстратор новых интересных видов». В черновом варианте этого текста есть еще один важный абзац: «Слушатели воспринимали зверя очень просто: он показывает людям *фокус* одним только фактом своего существования, в силу своей природы, в силу своего существования».

Этот «фокус» – скрытая пружина даррелловского анимализма. Для Даррелла главное в звере – его инакость, его непохожесть на других, в первую очередь на нас. Животное тут индивидуально вдвойне: как личность (а все изображенные Дарреллом звери ею обладают) и как представитель своего вида. Поэтому, кстати сказать, у Даррелла нет неинтересных животных: головастика он описывает с не меньшим восторгом, чем леопарда. Прелесть зверя не в том, что он красивый или тем более полезный, прелесть зверя в том, что он Другой.

Я пишу это слово с большой буквы, хотя мы и привыкли к тому, что так выделяются лишь термины из области теологии, описывающие высшую, небесную реальность. Человеку всегда необходим был Другой. Только выйдя за собственные – человеческие – пределы, мы можем преодолеть кризис идентичности. Только в диалоге с Другим мы можем найти себя. Обычно человек помещает Другого выше себя – на верхних ступенях эволюционной лестницы. Другим может быть Дух, или Бог, или Великая природа, или Пришелец, или даже неумолимый закон исторической необходимости.

Однако возможна и обратная метафизика – теология, вектор которой направлен не вверх, а вниз. Другого можно найти не только на небе, но и на земле. Об этом, в сущности, и писал Даррелл. Другой для него – это каждая тварь, делящая с нами как нашу планету, так и тайну жизни на ней.

Александр ГЕНИС
Нью-Йорк, февраль 1995